

Annotation

Как некрасива она была в детстве – и как стала прекрасна, когда повзрослела! Даже веснушки, за которые ее дразнили в школе, стали одной из примет необычной яркой красоты девушки с необычным именем, звучащим как сценический псевдоним, – Танига Танеева. Казалось, судьба любила ее – исполнялись все желания Таниги. Она захотела быть актрисой – и стала ею, актрисой востребованной и даже культовой. Дважды выходила рыжеволосая красавица замуж – и оба мужа боготворили ее. Сейчас рядом с Танигой был новый мужчина, верный друг и страстный любовник. Но одно ее желание до сих пор не исполнилось, обожаемый ею еще со школьной скамьи Серж Мельников так и не принадлежал ей. Это желание продолжало жить в страстном сердце актрисы, а нет ничего опаснее неупокоенной страсти...

- [Татьяна Тронина](#)

○

Татьяна Тренина

Страсти по рыжей фурии

* * *

Когда мой отец впервые увидел меня, он произнес свою коронную фразу: «Я тут ни при чем!» – и свалился в обморок.

Нельзя сказать, что папочка мой был человеком нервным и особо чувствительным, скорее даже наоборот – мало что могло вывести его из обычного благодушного состояния. Самым главным для него было то, чтобы к нему приставали как можно реже и не взваливали на него никакой ответственности. На моей матери он женился только потому, что она ждала ребенка, а негодяем, при всей своей лени, он не был. «Ребенок так ребенок, – философски решил он, – все равно не мне его воспитывать, это дело исключительно женское. Я деньги в дом приношу, и хватит. И не лезьте ко мне...»

Была зима. Меня принесли из роддома и стали разворачивать из всех тех бесчисленных одеял и распашонок, которых не пожалели из-за мороза. Когда мама откинула последнюю пеленку и, очень довольная, засюсюкала над голым младенцем женского пола, отец произнес ту коронную фразу и упал.

Нет, я была его творением, человеческим существом, которое слепили при непосредственном, самом прямом участии моего папаши, и любой, кто видел меня, мог с полным правом возразить ему: «Ты тут очень даже при чем!» Потому что я была копией своего отца. Правда, во мне некоторые особенности его внешности были во много раз усилены природой и подчеркнуты. Такого бремени вины и даже ответственности он не мог вынести.

Моя мамочка была очаровательной брюнеткой со смуглой кожей – ее родословная уходила корнями в тогда еще братскую республику Молдавию. А папаша был конопатым рыжим мужичком, типичным порождением подмосковной глубинки. Его даже звали Василием, Васькой – как самодовольного кота тигровой расцветки. Еще в роддоме мамочка радостно сообщила ему, что дочка родилась такая же конопушка, как и он сам, а врачи так же весело сказали ему, что ребенок абсолютно нормален и

здоров, ручки-ножки на месте, аппетит отличный.

Да, я была абсолютно нормальной. И действительно очень похожей на своего папашу. Я была рыжей и конопатой. Но не просто конопатой: девяносто девять процентов моего тела украшали оранжево-шоколадные, славные такие солнечные веснушки. Если пересчитать, то, наверное, не меньше миллиона их набралось бы. И у меня оказались светло-карие, почти желтые глаза.

Впечатление, произведенное мною на папашу, усугубилось еще тем, что первые несколько дней после рождения я болела желтухой. Вернее, не болела, и не желтухой, а пребывала в обычном для моего возраста состоянии. Потому что почти все младенцы вскоре после рождения вдруг желтеют на несколько дней без всяких признаков недомогания. Врачи называют это состояние «желтухой новорожденных», и беспокойства оно ни у кого не вызывает, проходит само по себе, без всякого лечения. Но бедный папа этого не знал. Он увидел перед собой ярко-оранжевое, как апельсин, существо с круглыми желтыми глазами, все сплошь покрытое веснушками, – и свалился как подкошенный.

Буквально на следующий день желтуха у меня исчезла, но отец так и не смог до конца прийти в себя. Ощущение собственной вины прогрызло в его душе огромную дырку, тем более что многочисленные папочкины друзья, в основном члены общества «Рыболов-спортсмен», очень способствовали этому. Они не переставая громогласно удивлялись тому, как на свет мог появиться такой конопатый ребенок, и то и дело кололи нежную душу моего папочки высказываниями типа: «Ну ты даешь, Василий!», «Перестарался, брат!» – и прочей чепухой.

Не знаю, недовольство ли собой или нежелание выслушивать удивленные восклицания окружающих побудили его, но через три года отец сбежал в свое дальнее Подмосковье и постарался вычеркнуть нас с мамой из своей жизни, посылая лишь раз в месяц скромные денежные переводы.

Сколько я себя помню, окружающие всегда тыкали в мою сторону пальцами то удивленно-восторженно, то испуганно, и, где бы я ни появлялась, все взгляды устремлялись в мою сторону. Это всеобщее внимание было тяжким бременем для меня, наказанием, которого я не заслужила, потому что от природы была независимой и серьезной, а также, как и мой драгоценный папочка, хотела только одного – чтобы меня оставили в покое.

Мои внешность и внутреннее содержание находились в непреодолимом противоречии – если снаружи я напоминала яркое,

солнечное лето, то внутри у меня вечно царствовала зима, холодная, снежная и бесстрастная, как покрытая снегом равнина.

Такого необычного ребенка, как я, и назвать требовалось как-нибудь особенно. Но мои родители особо долго не думали, ведь бог послал им небольшую подсказку – потому что родилась я двадцать пятого января. Я не стала ни Анжелой, ни Кариной, ни Эвелиной, однако и не получила имени героини пушкинского романа. Родители напряглись и нарекли меня... Танитой. Тем более что где-то на Западе блистала очень модная в то время певица Танита Тикарам. Так совпало, что и фамилия моя являлась производной от моего имени. Танита Танеева – как две холодные белые снежинки, сцепившиеся краешками в ледяном воздухе.

Говорят, многие люди – особенно те, у кого воображение хорошо развито, – представляют себе буквы и даже слова в каком-то определенном цвете. Так вот, мое имя белое-белое и ни в коем случае не жемчужное, не бежевое, не молочное, не серебристое. В нем совершенно отсутствует всякая матовость – оно как только что выпавший снег в конце января, в обычный зимний день, когда небо покрыто густыми плотными облаками, сквозь которые не может пробиться ни один лучик солнца.

На детских фотографиях я выгляжу вполне симпатичной – без переднего молочного зуба, напряженно улыбающаяся конопатая мордашка, огромные банты в тощеньких косах. Словом – вполне обычный ребенок.

Меня, конечно, здорово дразнили за мои бесчисленные веснушки. Помнится, однажды на приеме в поликлинике доктор велел показать мне язык. И, как оказалось, вовсе не для того, чтобы осмотреть мое горло.

– Надо же! – сказал потом удивленный врач. – А я думал, у тебя и на языке веснушки.

Но дальше, с течением времени, моя внешность стала претерпевать какие-то странные изменения. Я очень подурнела, как сказали бы в старинном романе, и потолстела. Мама утешала меня, говоря, что все это из-за переходного возраста и что, повзрослев, я снова стану симпатичной. Но тогда на меня подобные уверения очень мало действовали. Вероятно, я сама была виновата в том, что набрала лишний вес, но как тут не растолстеть, когда в школе каждый день дразнят рыжей и конопатой, бесконечно варьируя тех, кого я убила тяжелым садовым инструментом, – от родного дедушки до завуча, и не утешить себя лишний раз вкусными пончиками, которые продавались как раз напротив моего дома.

Мама пыталась бороться с этой бедой – записала меня на плавание. Плавать-то я, конечно, научилась, но сколько насмешек пришлось услышать от товарищей по секции – несть числа.

Другой не менее неприятной проблемой моего подросткового возраста были волосы. Мало того, что они были неприличного медного оттенка, совсем как тот таз для варки варенья, который висел у нас в кладовке. Они еще и пачкались безбожно быстро и совсем не поддавались никакой укладке. Даже самая простая прическа в виде двух заплетенных кос стремительно расплеталась обратно, банты и заколки падали вниз, под ноги жестоким одноклассникам, а мои ненавистные волосы прямыми, мертвыми, слипшимися прядями продолжали уныло свисать вдоль спины.

Я как сейчас помню себя тогдашнюю – толстая, веснушчатая, с прямыми рыжими косами, криво сколотыми неумолимо съезжающей заколкой, с угрюмым мрачным взглядом. По всеобщему мнению, я была самой некрасивой девочкой класса.

Вы удивитесь, вероятно, почему я так много времени уделяю своей внешности в школьные годы, но мой рассказ именно на этом и построен – на моей внешности, какой она была и какой стала. Я точно знаю, что моя жизнь прошла бы совершенно другим образом, будь на мне поменьше конопушек.

А самой красивой девочкой в школе была Шурочка. Словно в насмешку, она сидела рядом со мной за одной партой, и у каждого, кому не лень, была возможность сравнить нас: меня – мрачное чучело, и ее – чернокудрого ангела со смуглым, покрытым нежным румянцем личиком, с огромными хрустальными глазами итальянской мадонны, с дивными точеными руками, тонкой талией и совершенной формы ногами, которые уже тогда, даже в столь невинном и юном возрасте, сводили с ума всех наших мальчишек, даже тех, кто учился в старших классах. У Шурочки Пинелли дедушка был самым настоящим итальянцем, во время Второй мировой бог весть каким образом оказавшимся в России. Итальянка! Этот факт еще сильнее укреплял ее авторитет признанной красавицы.

Разумеется, у меня в школе были подруги, но почему-то ни одна из них не сидела рядом со мной, хотя в старших классах такие вольности, как выбор соседки по парте, разрешались. У Шурочки была своя компания – несколько девочек, которые считались тоже красавицами, только рангом пониже, и масса поклонников – ее и этих ее подружек. Словом, у нее подобралась большая, веселая и очень шумная компания, которой всегда было о чем поболтать. Они вечно шушукались на занятиях, перекидывались записочками, иногда все вместе сбегали с последних уроков и потом все вместе получали суровый нагоняй от нашей классной руководительницы. Почему Шурочка на уроках предпочитала мое общество обществу какой-нибудь из своих многочисленных подружек – я

не знаю.

Шурочка упорно продолжала сидеть рядом со мной, но наши с ней отношения никак нельзя было назвать дружескими. Конечно, я смутно догадывалась, что являюсь для ее красоты очень выгодным фоном, но меня это совсем не трогало. Я считалась зубрилой, синим чулком и будущей кандидаткой в старые девы. Иногда за целый школьный день мы и словом не перекидывались – Шурочка вертелась по сторонам, привлекая внимание поклонников то сзади, то с соседнего ряда, то, привстав слегка со стула, делала знаки особам на так называемой «камчатке». Но, бывало, снисходила и до меня. Странные это были разговоры...

Она разговаривала со мной то высокомерно, как принцесса крови со своей камеристкой, то жалостливо, словно доктор в беседе со смертельно больным пациентом.

Часто бывало так – Шурочка поднимала на меня свои чудесные прозрачные глаза и, трагически морщась, вглядывалась в меня с любопытством и брезгливостью одновременно – и спрашивала что-нибудь в таком роде:

– Таня, а ты не хотела бы подстричься?

Мое полное имя Танита она не признавала – оно казалось ей недостойным меня, потому что было слишком изысканно.

Смысл ее вопроса, судя по интонации, был таким – конечно, конопатое чучело, тебе ничего не подойдет, но забавно было бы посмотреть на тебя стриженую. Со стороны это выглядело как товарищеская забота обо мне, многие, кто слышал Шурочку в такие моменты, искренне считали, что она существо в высшей степени доброе и благожелательное. Именно так – при всем своем высокомерии она никогда не была груба со мной. Ее абсолютно не в чем было упрекнуть!

– Мне не пойдет, – безразлично отвечала я.

– Ох... – Она вздыхала тяжело, словно на ней лежал тяжкий труд хоть как-то облагородить мою внешность, и тут же предлагала новую идею: – А что, если попробовать замазать веснушки тональным кремом?

– Я пробовала, – коротко отвечала я. – Не замазываются.

– Может быть, ты каким-то не тем кремом пользовалась? – осторожно интересовалась она. – Я могла бы принести свой, французский, очень хороший...

Это были как раз времена всеобщего дефицита, конец восьмидесятых, когда даже молоко продавалось не во всяком молочном магазине. Кажется, Шурочка предлагала крем не от щедрости – просто она хотела подчеркнуть свои возможности, которых у меня, дочери разведенных родителей, увы, не

было.

– Я не хочу. У меня и так кожа лоснится.

Она наклонялась и спрашивала как-то вкрадчиво:

– Голубушка, а ты хорошо знаешь, как надо за лицом ухаживать?

Самым противным из этих разговоров было то, что потом она обсуждала со своими многочисленными подружками (я сама как-то случайно слышала) мою непроходимую тупость в области косметики и гигиены.

Я даже не пыталась расположить Шурочку к себе, сделать ее чем-то вроде подруги хотя бы на время школьных переменок, потому что твердо знала – «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань».

Но у меня была одна тайна. Нечто, что нас сближало, прекрасную Шурочку и меня. Мы с ней любили одного и того же человека...

Юношеская любовь – как болезнь. Ее надо просто пережить, она проходит вместе с возрастом, но вирус влюбленности навсегда остается в человеке, как вирус герпеса, простудной лихорадки на губах, – однажды попав в организм, он инфицирует его навсегда, незаметный, невидимый, проявляясь только во время болезни.

Мои чувства к Сереже Мельникову – Сержу, как претенциозно называли его в классе, – были абсолютно безнадежны. Во-первых, он был сыном дипломата, работавшего в какой-то загадочной африканской стране, поэтому одеждой и всем прочим здорово выделялся среди небогатых детей разваливающегося совка. Во-вторых, он был высок, строен, изящен и безукоризненно вежлив – недаром его называли именно Сержем, а не плебейской кличкой Серый, как прочих его тезок. Он был так вежлив и вместе с тем так бесстрашен, что его уважали самые отпетые хулиганы нашего района. И даже учителя в школе не придирались к его роскошной, до плеч, русой шевелюре, ибо его утонченно-скупающая улыбка всякого ставила на место.

Шурочку просто трясло от одного его вида. Не раз я замечала: стоило герою ее романа появиться, как она впадала на несколько мгновений в какое-то молчаливое неистовство – бледнела, краснела, вещи падали из ее рук, она задыхалась, словно горло ее перехлестывала тугая петля. А потом вдруг блаженное расслабление преображало ее всю, она становилась еще более хорошенькой, что каждый раз вызывало во мне грустное недоумение – почему же меня любовь не способна преобразить в лучшую сторону?

Если б Шурочка в созерцании своего кумира не забывала обо мне на некоторое время, то она бы непременно заметила, что и мне становится не по себе от одного вида Сержа Мельникова. Наверное, ей даже в голову не

приходило, что я тоже осмеливалась любить этого юношу.

В последнем, десятом, классе у них был самый настоящий роман, за которым с умилением и завистью наблюдала не одна учащаяся нашей школы центрального района города Москвы.

Он приносил ей цветы прямо на занятия. Он провожал ее после школы. Они вели бесконечные беседы на переменах. Его высокая фигура трогательно склонялась над изящным Шурочкиным силуэтом, легкие прикосновения руки к руке – все невинно, целомудренно для тех времен полного беспорядка в мозгах и неожиданно свалившейся вседозволенности, но вместе с тем так страстно, что от них даже как будто летели искры в разные стороны. У них была красивая любовь.

Я не знаю, как они проводили свободное время, но однажды мне удалось увидеть эту парочку в соседнем от школы кафе. В кафе и прочие заведения такого рода я тогда заходила редко, да и не с кем было. Но однажды меня разобрала мучительная жажда после занятий плаванием – это было единственной причиной, по которой я заглянула в эту самую «Ромашку» рядом со школой. До дома бы я просто не доползла.

Ни на кого не глядя, я купила два стакана апельсинового сока и села в самый темный угол, не желая привлекать к себе внимания. И вдруг увидела за соседним столиком их...

Облокотившись на руку, он с улыбкой смотрел на нее, а она рассеянно водила пальчиком по краю бокала и что-то тихо говорила. На Шурочку я мало обратила внимания, даром что она была в прелестном, новом, канареечного цвета свитере, дивно оттеняющем ее смугловатое личико, – в основном я глядела на него.

Он был так хорош, такая бесконечная преданность исходила от него, что я едва не сошла с ума – от зависти к Шурочке или от чего-то другого, не знаю. Больше всего на свете я хотела быть на ее месте. Если б мне сказали – один вечер провести вот так, рядом с Сержем Мельниковым, а на следующий день умереть, я согласилась бы не раздумывая.

Допив свой сок, я пришла домой и прямо в одежде свалилась на диван. Битых два часа – до прихода мамы – я пялилась в потолок и твердила как ненормальная – «он будет моим, он будет моим, он будет моим...».

А дальше начали происходить какие-то странные вещи. На следующий день стало известно, что Шурочка поссорилась с нашим принцем. Я об этом сразу догадалась – она сидела рядом вся потухшая, такая печальная, словно у нее все родственники разом умерли, и не оглянулась, когда в класс вошел Серж. И на перемене они были не вместе. Шурочка даже не приставала ко мне с обычными высокомерными вопросами. Бесконечно

печальным голосом она попросила списать у меня алгебру – и только.

– Знаешь, Танюша, – правда, потом добавила она, – я не сильна в точных науках. Для девушки это простительно.

Я чуть не упала от этой «Танюши».

Дальше события развивались совсем уж невероятным образом.

После уроков ко мне подошел Мельников и предложил прогуляться. Даже более того – рискну предположить, что он минут десять ждал меня у выхода, поскольку это время я проболтала с кем-то из девчонок.

– Отлично, – дребезжащим голосом пролепетала я, стараясь вести себя как можно естественнее. – А куда мы пойдем?

– А просто куда глаза глядят! – махнул он рукой куда-то в сторону. Он был так мил и так нежно, беспомощно улыбался, что мне хотелось разрыдаться от счастья. Иногда я себе позволяла верить в чудеса, и этот день был именно такой – я верила, что в незримой борьбе сумела победить Шурочку.

Была середина апреля – совсем тепло, город дышал предчувствием скорого лета, долгих светлых вечеров, в воздухе пахло набухающими почками, оглушительно звенели трамваи, как соловьи в Подмосковье. Наверное, Сережка Мельников тоже все это ощущал, потому что после долгого молчания он сказал мне:

– Знаешь, в такой день надо гулять именно с такой девушкой, как ты.

– Почему? – вздрогнув, спросила я.

– А ты сама как весна. У тебя ведь веснушки даже зимой не пропадают?

– Да, – вяло согласилась я. – Правда, становятся немного бледнее...

Мы помолчали немного, а потом он стал мне рассказывать, как в детстве два года жил с родителями в Кении и как красива Африка.

– Ты куда пойдешь после школы? – неожиданно осмелилась я.

Все одноклассники уже давно решили, куда им податься, но о его решении я не знала ничего. Странная мысль посетила меня...

– Само собой – в МГИМО. У меня отец тоже там учился.

– А это сложно?

– Что сложно?

– Поступить туда?

– Да как сказать... У меня, разумеется, есть связи, – произнес он гордо.

Сердце у меня екнуло – вряд ли я сумею поступить в такой вуз, там у меня связей не было. Впрочем, у меня их нигде не было.

– А если хорошо вступительные экзамены сдашь, то примут?

– Кого примут?

– Ну, я вообще, про обычных людей...

Он засмеялся, совсем не зло, и я поняла окончательно, что дипломатом мне не стать. Решение ушло так же стремительно, как и появилось, я просто не знала, какие есть еще способы остаться рядом с этим человеком. Два месяца – и все, школа закончится, больше я его никогда не увижу!

– А ты куда решила?

– Я? – Я растерялась. – А ты бы что посоветовал?

– Господи, да я ж тебя совсем не знаю! – Он опять засмеялся, пристально вглядываясь в мое растерянное лицо. – Но ты славная.

– А говоришь – не знаешь, – позволила я себе быть язвительной.

– Нет, правда, я бы с тобой дружил, если бы...

– Если бы что? – Я сразу вспомнила о Шурочке.

– Если бы дружба между мужчиной и женщиной была возможна, – отвертелся он. – Кстати, как там твоя соседка по парте поживает?

И тут я поняла, что Сержу было абсолютно на меня наплевать, что всю эту прогулку он затеял с одной-единственной целью – разузнать что-нибудь о своей разлюбленной Шурочке, и с этого дня решила больше никогда не верить в чудеса.

– Мне домой пора, – мрачно сказала я.

– Я тебя провожу?

– Вот еще! Я соседей стесняюсь.

– Ну, как знаешь...

До выпускных экзаменов мы потом едва перекинулись парой-тройкой ничего не значащих фраз, так – «привет-пока», ничего особенного. А вот Шурочка пересела от меня к Мельникову. Они довольно быстро помирились и с тех пор не расставались. Кое-кто в классе даже поговаривал, что они собираются пожениться, едва только достигнут совершеннолетия.

Но это безумие, эта липкая зараза – первая любовь – покинула меня еще не скоро, и часто в ночных сновидениях ко мне являлся Сережа Мельников и, взяв за руку, ласково говорил о чем-то... Позже я поняла, что он действительно ко мне хорошо относился и видел во мне нечто большее, чем обычную девочку-дурнушку, в его отношении ко мне было больше подбадривающего интереса, чем жалости. После школы я ничего не знала о нем. И о Шурочке Пинелли тоже – они были совсем из другой компании, к которой я не принадлежала, и хороших общих знакомых у нас не было – тех, от которых я хоть что-то могла узнать о своей первой любви.

Смутное воспоминание прошедших лет... В шумном школьном коридоре Шурочка болтает с кем-то из своих знакомых, она весела,

приветливая улыбка говорит о ее хорошем настроении, прелестный персиковый румянец разливается по щекам. Она неожиданно вздрагивает и, повернув голову, находит меня взглядом среди пестрой толпы и долго, пристально, неподвижно смотрит. До тех пор, пока румянец не исчезает с ее щек. Этого взгляда я до сих пор понять не могу – в нем любопытство и брезгливость одновременно. Чем же был вызван этот почти болезненный интерес к моей скромной особе?

В восемнадцать лет я неожиданно для всех и для себя в первую очередь выскочила замуж. Именно выскочила, а не вышла, ибо времени, для того чтобы подумать как следует, у меня было предостаточно. Я не боялась, что в будущем мне больше не сделают предложения, – нет, и не стремилась к замужеству как к таковому. Я еще не хотела в то время детей, сама будучи почти ребенком, особенно если учесть то, что творилось в бедной моей голове. Просто мне страшно хотелось самоутвердиться, доказать всем, что я не такая уж дурнушка.

Мой муж был старше меня ровно на пятнадцать лет и страстно влюблен. Он обожал пухленьких юных девушек и был без ума от веснушек. Он чуть ли не каждый день таскал мне цветы, словами и делом доказывая свое обожание, – пока в конце концов я не подвергла его чувства тщательному анализу.

И обнаружилась странная вещь – он любил не меня. Нет-нет, в измене его никак нельзя было обвинить, но он действительно любил не меня, а какого-то другого человека во мне. И человека ли? Он был без ума от пухлой, рыжей, от волос и до кончиков пальцев веснушчатой юной женщины, с которой даже говорить было вовсе необязательно. Он видел во мне яркое солнце, чувственную весну, тающий снег и лопающиеся почки, а я... я была совсем не тем, чем казалась. Холодный, пасмурный день двадцать пятого января, тот самый день, в который я родилась, решил мой характер, а значит – судьбу.

Мой муж был директором магазина «Драпировка», что скрывался в одном из центральных московских переулочков. Место по тем временам не слишком престижное, да и ассортимент товаров желал лучшего, но жили мы очень неплохо, что касается материальных благ, видимо, у мужа были какие-то секреты в работе. Впрочем, торговля была мне бесконечно неинтересна, кроме того, что покупала я сама себе.

Все мои подруги мне завидовали, в один голос твердили, что мне страшно повезло, что еще поискать надо такого любящего мужчину, как мой супруг, что он с меня пылинки сдувает, и прочее, чего одиноким женщинам обычно дико недостает. В чем-то они, конечно, были правы, но

так скучно ощущать себя только экзотическим существом с экзотическим именем, и я страшно тосковала в своем первом браке, потому что поговорить нам с мужем было совершенно не о чем.

– Пышечка моя, пампушечка! Веснушечка моя! – с такими словами влетал он обычно в дом после работы и принимался меня смачно целовать, так что даже соседи в стенку стучали, поскольку дом был типовой, с фанерными перегородками.

Поначалу это очень удовлетворяло мое самолюбие, но потом дико надоело. Я стала худеть. Специально я ничего не делала, вес терялся как-то сам собой, видимо, стоило мне понять, что толстых женщин тоже любят, и не менее страстно, чем прочих красоток, как комплекс собственной неполноценности у меня моментально исчез. Чем сильнее умолял меня супруг не худеть, тем неотвратимее испарялись лишние килограммы. Хотя, может быть, сбылось давнее мамино предсказание – повзрослев, я снова стала нормальной.

Да, нормальной – что касается моего силуэта, в остальном же люди продолжали тыкать в меня пальцами, то восхищенно, то удивленно. Я понимала, что с моими веснушками мне существовать до конца жизни.

Когда же я поступила в театральное училище, на моем браке пришлось поставить крест. Кажется, в первый раз муж обратил внимание на меня как на человека – с того самого момента, как побывал на одном из студенческих спектаклей. Нашим курсом руководил один известный в прошлом актер, очень талантливый человек, который променял свое ремесло на зеленого змия. Но несколько раз в неделю он находил в себе силы и появлялся в училище, чтобы помочь всем желающим выразить себя на сцене. Поистине христианское желание, потому что, несмотря на свой порок, он был человеком талантливым и молодежь его обожала. Он уже нигде не играл и не снимался, но как учитель был просто великолепен – язвителен и точен, ни одна мелочь не могла ускользнуть от его внимания.

Я не собиралась всерьез становиться актрисой, просто мне было интересно узнать свои возможности. После того как возникло и тут же лопнуло подобное мыльному пузырю желание стать дипломатом, никаких других желаний у меня не возникало.

Вообще я долго не могла прийти в себя от удивления, когда меня приняли в этот вуз, где конкурс считался одним из самых огромных. При поступлении я видела рядом с собой множество красивейших девушек, которые не шли ни в какое сравнение со мной. Их классические «девяносто-шестьдесят-девяносто» буквально подавили меня. Девушки смотрели гордо и с достоинством, правда, с каждым следующим туром

гордость их таяла, как и их число. «Недостаток актрис на характерные роли!» – зашушукались они, поглядывая на меня с завистью, потому что метили только в героини. Я была – для характерных ролей. Но я не особенно надеялась, что поступлю, и прочитала комиссии басню «Лиса и виноград» с ледяным презрением ко всем тем, кто толпился в тот момент в коридоре, снедаемый честолюбивыми желаниями. И меня приняли.

«Валькирия! Вагнер! Ирландские саги! – с восторгом завопил, обсуждая мою кандидатуру, о чем я узнала несколько позже, один известный режиссер, сидевший в комиссии. – В нашем сценическом пространстве не хватает ведьм!» Ему тут же возразили, что ведьм очень даже хватает, на что он ответил, будто я – ведьма природная, что называется – от сохи, а все прочие – просто стервозные женщины.

Так вот, на один из учебных спектаклей пришел мой муж – я как раз играла леди Макбет в пьесе Шекспира. Старый актер, руководивший нашим курсом, так и заявил перед постановкой: «А эта рыжая bestия будет у нас самой главной злодейкой!»

Насколько я поняла по реакции зала, в основном заполненного родственниками и друзьями участвующих в спектакле, а также студентами других курсов, я играла довольно прилично. Я не форсировала голос, не делала никаких зловещих движений, я была мила и очаровательна – так решил наш Мастер. Я пугала зрителей своими любовью и честолюбием, свойственными каждой женщине, просто в своих амбициях я, леди Макбет, зашла слишком далеко...

«Любовь... О! Это страшная сила! – вопил Мастер на прогонах, ругая нас всех почем зря. – Помните – любовью можно убить... Танита, покажите мне любовь!» Я вспомнила Сержа Мельникова и показала эту самую любовь. Даже лорд Макбет, которого играл Виталька Апельсинов, позже уехавший в провинцию, был подавлен.

Мой муж сидел в первом ряду. Подозреваю, он имел очень смутное представление о Шекспире и поэтому просмотрел начало спектакля с весьма заинтересованным видом. Но чем дальше, тем пристальней всматривался он в меня, тем реже хлопал в ладоши, тем непроницаемее становилось его лицо. Я в роли леди-убийцы напугала его! Кажется, именно тогда он впервые задумался о моем внутреннем содержании, тем более что внешняя, постройневшая форма уже мало привлекала его.

– Я боюсь тебя, – признался он мне через несколько дней. – Ты холодная и злая.

– Я не злая.

– Нет, злая!

Он едва не плакал, словно маленький мальчик, у которого отняли его любимую игрушку. Не знаю, то ли я действительно хорошо сыграла леди Макбет и мой муж, человек довольно простоватый, идентифицировал меня с этим зловещим образом, то ли он наконец почувствовал, что я совсем не та солнечная весенняя женщина, которой ему до сих пор казалась.

Мы разошлись на удивление мирно, тем более что мой муж благородно купил мне небольшую квартиру в том же районе, где я жила до замужества. К тому же развод ничуть меня не угнетал, хотя расстались мы с мужем на пике его экономического подъема.

Итак, я успешно окончила училище, снялась в эпизодах нескольких фильмов, и меня пригласил в свой театр один довольно молодой, но очень перспективный режиссер. Многие мои однокурсники рвались в именитые, центральные театры, хотя особых перспектив у них не было, другие изо всех сил пробивались в кинематограф, я же от честолюбия не страдала, потому что мысли мои продолжало занимать прошлое.

У меня появились поклонники, и один из них, самый настойчивый, вскоре стал моим вторым мужем. О нет, вторым моим мужем был не актер – однополярные заряды отталкиваются, – но и не обычный зритель, который сидит по ту сторону рампы, – противоположности не сходятся.

Моим вторым мужем был писатель. Познакомились мы с ним очень просто – он был автором, по чьей пьесе мы как-то ставили спектакль.

Пьеса была настолько жестокой мелодрамой, что ее не решился бы поставить ни один известный театр, разве что только как пародию на мыльные сериалы. Но наш режиссер заявил, что видит в этом творении апофеоз постмодернизма. О постановке даже напечатали в газете, правда, больше обругали, чем похвалили. Вроде того, что постмодернизм сейчас на последнем издыхании. Моя роль была откровенно отрицательной, и в статье героиню, которую я играла, назвали «мрачной рыжей ведьмой с экзотической внешностью». На черно-белой фотографии со смазанной типографской краской я выглядела ужасно.

Впрочем, все это – не имеющая отношения к делу лирика, а главное в том, что молодой, подающий надежды писатель Антон Тарабакин втрескался в меня по самые уши.

Он сразу переселился в мою однокомнатную квартиру, поставил на кухне обшарпанный «Пентиум» – впустить компьютер в единственную комнату я не позволила, поскольку Тарабакин во время работы дымил как паровоз и непрерывно пил кофе, в порыве творческой экзальтации заливая все вокруг себя черной гущей, – и слезно стал требовать, чтобы я взяла его фамилию. На эту его просьбу я не откликнулась, поскольку не меняла ее и

в первом браке. Танита Танеева – очень хорошо, просто и со вкусом звучало. Кстати, многие хвалили меня за то, что я придумала себе очень удачный актерский псевдоним.

Я называла своего благоверного просто – Тарабакин. Дело в том, что когда он писал свои «нетленки», то всегда перед названием выводил – А. Тарабакин, и мое обращение к нему каждый раз являлось напоминанием о его профессии.

Мой второй брак выглядел со стороны тоже вполне счастливым, ибо Антон Тарабакин обладал способностью очень хорошо слушать собеседника. Что еще надо актрисе, измученной частыми перевоплощениями? Если мне хотелось излить душу, он всегда с готовностью шел мне навстречу.

У него был целый цикл рассказов, посвященных театру, – благодаря мне. А когда я делала ремонт в нашей квартире – вернее, руководила группой разбойников, перекладывавших паркет и беливших потолок, – то столкнулась с немалыми трудностями, о чем плакалась Тарабакину каждый вечер. После ремонта мы устроили вечеринку, на которой заодно отмечался и новый шедевр молодого гения – пьеса «Хозтовары». Потом я очень долго ловила жулика, воровавшего в нашем подъезде газеты, – получился рассказ «Уголовное дело», который напечатали в литературном приложении к газете «Гудок».

Тарабакин обладал удивительной способностью любое реальное событие облечь в художественную форму, сделать из примитивной бытовой сценки детектив. Помню, как я была поражена, когда после одного вечера, во время которого я с воодушевлением рассказывала ему о своем папаше, родилась убийственная пьеса «Последний вздох». В полном смысле убийственная – столько в ней было слез и трагизма. Сюжет был очень прост – умирает пожилой мужчина, а родная дочь не хочет прийти к нему на последнее прощание, потому что когда-то этот человек предал ее мать и ее саму. Мой отец не умирал, да и я не собиралась отказываться от встреч с ним, но после прочтения шедевра Тарабакина я рыдала всю ночь и поклялась найти своего папочку, в каком бы дальнем Подмосковье он ни обретался, чтобы он не чувствовал себя одиноким.

Да, безусловно, с Тарабакиным мне было интересно, и я бы очень счастливо прожила с ним до конца жизни, если б им не овладела одна очень странная идея. Тарабакин забросил свои мелодрамы и засел писать внушительную эпопею «Конец века». Это был, на мой взгляд, очень скучный и длинный роман о двадцатом веке, в котором Тарабакин подводил итоги прошлого – на экране компьютера то и дело мелькали имена Ленина,

Распутина, Сталина, еще кого-то. Весь дом был завален книгами по истории, скучными монографиями, старыми журналами – мужу необходимо было досконально изучить материал. За будущий свой шедевр он собирался получить Нобелевскую премию!

Честное слово, когда он поведал о своих тайных планах, я вначале не поверила, сочла словосочетание «Нобелевская премия» обычной метафорой, но дело оказалось очень серьезным...

Вы никогда не жили рядом с человеком, который собирается получить самый главный приз в мире? Я, например, к призам никогда не стремилась, вполне довольная аплодисментами зрителей. Но Тарабакин решил получить приз. О, это такая мука! Для его близких, разумеется. Я честно пыталась стать родной матерью Тарабакину, была кухаркой и уборщицей в одном лице, с трудом совмещая все это со своей работой. Поскольку помощи от него не было никакой, я честно ходила в магазины и библиотеки – в одной руке картошка, в другой – книги для благоверного. Но врожденный эгоизм во мне стал постепенно убивать мое сознательное благородство. Я была валькирией, героиней ирландских саг, но при всем своем желании я не могла быть декабристкой.

Мне часто вспоминалось мое несчастливое детство. У меня было такое впечатление, что наступило мое время – раньше была мода на женщин совсем другого типа, теперь же – чем невероятнее, тем лучше. Стоило посмотреть показы мод по телевизору – подиум оккупировали странные создания с мрачными стервозными лицами, экзотика была на грани уродства, и самым шиком являлось трепетание на этой самой грани, изящество и грубость сливались в одном тесном объятии, ни одной лубочной красоты прошлого.

Я бы, вероятно, тоже пошла в модели, если бы судьба не привела меня на актерскую стезю, но, к сожалению, рост у меня был самый что ни на есть средний, да и пара лишних килограммов остались, с которыми мне самой было жаль расставаться. Для модели я была ленива к тому же...

Я не могла объяснить себе, почему вдруг из гадкого утенка превратилась в лебедя. Скорее всего потому, что в моду вошли именно гадкие утята. Я совсем немного изменилась по сравнению с тем, какой была в ранней юности, внешне, но внутренняя моя сущность осталась прежней. Так же, как и раньше, я обманывала людей: я была другой, мои веснушки – маска, скрывающая настоящее лицо, лицо холодного равнодушного человека. Актрису должна волновать только сцена.

С Тарабакиным пришлось расстаться, как ни грустно мне было это делать. Но он всерьез увлекся своим великим романом, и окружающее его

уже очень мало трогало. Он стал далеким-далеким, и когда глядел на меня за ужином, который я почти насильно впихивала в него, кажется, глядел насквозь, куда-то далеко, в грандиозные дали, а мне невыносимо было ощущать себя Коломбиной из балаганчика.

Я помогла ему переехать обратно, в его старую коммуналку, – он не возражал.

– Ты не забывай обедать, Тарабакин, – сказала я ему на прощание.

– Ладно, – равнодушно ответил он, листая в руках очередной манускрипт. Потом наконец до него дошло, что он с женой расстается, и только тогда взглянул на меня осмысленно, сфокусировав свой взгляд на моем печальном веснушчатом личике.

– Танечка, а ты в меня веришь? – вдруг спросил он.

– Что? – не поняла его я.

– Ну, ты веришь, что я напишу грандиозный роман?

– Да, – ласково улыбнулась я. – Да, конечно.

– Я посвящу его тебе... Я никак не ожидал, что актрисы могут быть столь самоотверженны! Ты правда в меня веришь?..

Не могла же я ему сказать, что не верила. Что не может быть великого писателя с такой фамилией, как у него. Антон Тарабакин – Нобелевская премия по литературе! Нарочно не придумаешь.

Второй развод огорчил меня больше, чем первый. Для поддержания сил я решила поехать в пансионат на Клязьму, хотя время для отдыха было не слишком удачное – март, самая распутица, то мороз, то буйное вешнее половодье. Небо было высоким, солнце – непривычно ярким после туманной зимы, а в ушах – авитаминозный шум, бесконечный и надоедливый, как звук прибора. Но Москва меня угнетала – с ее весенней грязью, суетой, озабоченными лицами. Я вытребовала себе отпуск у нашего прогрессивного режиссера и уехала.

В пансионате я поселилась одна в довольно приличном «люксе» и все свободное время гуляла, мяся высокими сапогами мартовскую холодную грязь. На третий день моего отдыха ко мне подошел пожилой сердитый мужчина и предложил сфотографироваться.

– Это еще зачем? – пренебрежительно спросила я.

– Для журнала «Поселянка», – коротко ответил мужчина. – У вас типаж очень интересный. Впрочем, как хотите... Вы актриса?

– Да, меня уже снимали – не особенно удачно... Из меня все хотят сделать леди Макбет, даже надоело.

Тем не менее я согласилась – главным образом потому, что этот человек сумел внушить мне доверие. У него было хмурое, недовольное

лицо человека, которого заботил только собственный успех, а я как таковая, как актриса и как женщина, – совершенно его не интересовала.

– Ладно, – сказала я. – Надеюсь, это не займет много времени.

Это заняло все мое свободное время, даром что фотограф приехал в пансионат тоже отдыхать. Он выписал осветителя, декорации, какие-то невероятные костюмы, и я, совершенно забыв о своих планах спокойно отдохнуть, позировала этому жестокому честолюбивому человеку. Я прониклась к нему совершенным доверием – ибо он быстро дал мне почувствовать, что ничего, кроме собственной славы и удачного фото, его совершенно не интересует, позволила наряжать и гримировать себя, снимать в самых невероятных позах и костюмах. В простонародном костюме я сидела на тающем мартовском снегу, а позади меня бродили коровы; я наблюдала вскрывшийся на реке лед; я искала подснежники в пробуждающемся после зимней спячки лесу; полуобнаженная, в каких-то невероятно пестрых, полупрозрачных лохмотьях я валялась на огромном поваленном дубе, содрогаясь от холода, мучаясь от нестерпимо яркого весеннего солнца... Словом, я позволила увлечь себя в самый настоящий ад и даже не заметила, как полностью подчинилась воле раздраженного невеселого человека, который ради удачного фото был готов продать душу дьяволу.

– Кажется, кое-что удалось, – сказал он мне на прощание, крепко пожимая руку.

– А как я об этом узнаю? – утомленно спросила я.

– Постараюсь поставить вас в известность...

Физически не отдохнув, но зато испытывая необъяснимое моральное удовлетворение, я вернулась в Москву, где меня тут же запрягли в очередную постмодернистскую бодягу, на этот раз названную современным детективом.

Через две недели на мое имя пришел большой конверт. Я разорвала коричневую вощеную бумагу, и на стол передо мной упал апрельский номер «Поселянки». На обложке была я...

Наверное, мой фотограф выбрал из сотни снимков, которые сделал со мной, самый лучший. Но сначала я не поняла этого, в первый момент мне показалось, что я снова попала во времена своей ранней юности, периода безнадежной любви к Сержу Мельникову – когда я подходила к зеркалу и видела круглое конопатое личико, которое не могла улучшить даже самая дорогая косметика.

...На поваленном черном мокром дереве сидела измученная девка – в старом, выцветшем деревенском платье и подозрительного цвета кургузом

переднике. На вытянутых вперед ногах с круглыми икрами немислимые чоботы (кажется, именно так называлась эта уродливая обувь). И ноги, и чоботы, и подол – забрызганы жирной весенней грязью, мрачное конопатое лицо обращено к солнцу, ресницы и брови – выгоревшие, белесые, даже как будто седые, а глаза – невероятно желтого, зловещего, языческого цвета – смотрят прямо на солнце, словно соревнуясь с ним в блеске. И такая мрачная, торжествующая, я бы даже сказала – утробная, сила исходила от этой картины, что у меня даже мурашки по спине побежали...

Я уже говорила о том, что не любила весны, никогда не ассоциировала себя с этим временем года, мне бесконечно мила и приятна была зима, которая полностью соответствовала моему характеру. Но, держа в руках журнал, в первый раз я задумалась о том, что фотограф, возможно, был в чем-то прав, когда увидел меня в образе пробуждающейся природы, конопатой, хмурой, животно-чувственной.

Я отложила журнал в сторону и с тоской предалась воспоминаниям о прошлом. «А ведь я никого не любила, – призналась я сама себе. – Никого, кроме того мажорного мальчика с русыми волосами, который был без ума от Шурочки Пинелли...» Где он сейчас, где она? Наверное, они уже сто лет как женаты и уже надоели друг другу со своей романтической любовью... Злость разбирала меня от того, что Серж, юноша, в общем-то, со вкусом, не мог разглядеть тогда во мне той особенной силы, которую опытный старый фотограф увидел сразу и которую вынес на обложку журнала – как эталон ранней весны...

Фотография в «Поселянке» преподнесла мне неожиданный сюрприз. Меня вдруг стали узнавать на улицах, хотя нечто подобное случалось и раньше, пусть не столь часто. Не только театральная публика, но и добродушные тетеньки и стильные молодницы – читатели женских журналов – подходили ко мне на улице и просили автограф. А главное – на меня посыпались письменные и устные предложения руки и сердца от сильной половины человечества.

Я смутно догадывалась, с чем это связано, – слишком уж чувственен был мой образ на обложке журнала. Что, как мне кажется, не вполне соответствовало действительности. Мне звонили, меня ловили на улице какие-то озабоченные субъекты, предлагая то руку и сердце, то простенько, но со вкусом – обещание волшебной ночи, то прочую дребедень, от которой нормальную женщину тошнит.

Режиссер меня обругал. Сказал, что он не давал мне разрешения сниматься во всяких там женских журналах, что ему не нравится такая трактовка моего образа, но тем не менее стал ко мне внимательнее

приглядываться...

Через месяц-другой поток обожателей значительно уменьшился. Ко мне перестали наконец подбегать на улице и просить автограф, и только иногда я слышала за спиной: «Глядите! Кажется, известная актриса прошла...»

Как-то однажды я осмелилась одеться в очень открытое коротенькое платье – как раз для такой невыносимо жаркой погоды, какая обрушилась на Москву.

...Я давно уже не комплексовала по поводу своей внешности, но надеть подобное платье – на тоненьких бретельках, когда обнажены плечи, грудь, руки и ноги до середины бедра, – было для меня подвигом. Поскольку все вышеперечисленные открытые на всеобщее обозрение части тела были сплошь покрыты веснушками. Мои веснушки не отбеливал ни один импортный крем, они слегка бледнели на несколько дней, а потом наливались прежним ярким светом, особенно в такую погоду, когда солнце жарило немилосердно...

Итак, я почувствовала себя настолько уверенной, что оделась в это легкое золотисто-коричневое платьице, в тон моим бесчисленным веснушкам, и вышла в город. Клянусь, во всей Москве нельзя было найти второй похожей на меня женщины!

На меня оглядывались с изумленными улыбками, дети показывали пальцами... Какой-то турист, похоже – японец или кореец, долго шел за мной следом, снимая меня на видеокамеру, кланяясь и лопоча что-то восторженное, потом отстал, затерявшись в шумной толпе, которая бурлила на Манежной.

Я шла на свидание...

Я шла на свидание с человеком, которого еще в глаза не видела. Я даже не знала его имени. Встреча с незнакомцем была чистым безумием – он написал мне письмо, узнав адрес в редакции того журнала, где была напечатана моя фотография. На подобные призывы я вообще-то не откликалась. С поклонниками расправлялась очень лихо: письма рвала, телефонные трубки бросала, особо нахальным, пристававшим на улице, при случае могла заехать и по физиономии – рука у меня была тяжелой, безжалостной, я не испытывала страха перед тем, что зарвавшийся поклонник может дать и сдачи. Словом – голову не теряла.

Но это письмо я не могла оставить без ответа. Едва прочитав первые строчки, я поняла, что должна встретиться с человеком, его написавшим. Спустя несколько лет после безнадежной юношеской любви я ощутила, что нечто подобное ждет меня рядом с ним. Я почувствовала, что вновь готова

влюбиться, влюбиться по-настоящему... Два своих предыдущих брака я не считала – это были союзы, заключенные совсем по иным причинам, нежели страсть. Я была очень благодарна и признательна своим бывшим мужьям, но настоящей любви я к ним никогда не испытывала. И вот теперь наконец нечто похожее на настоящую страсть вновь привиделось мне. Как в юности.

В маленькой сумочке-кошелечке лежало письмо, и я, пока шла, с невольной улыбкой вспоминала строчки из него.

«...Маленький праздник, которого не ждешь. Я увидел Ваше лицо и купил журнал, хотя для меня было странным покупать женский журнал, тем более ради фотографии на обложке...

...Напомнил мне один рассказ, прочитанный в юности, кажется, писателя Ивана Бунина. Я точно помню – он назывался «Солнечный удар». Нечто подобное испытал и я – словно солнце обрушилось на мою голову, ослепило, оглушило, заставило забыть обо всем прочем. Теперь для меня нет ничего в мире, кроме Вас.

Красивые слова говорятя легко и быстро забываются, но если б Вы знали, сколько мук доставило мне это письмо... Я изорвал тонну бумаги, прежде чем смог написать эти строчки... Я хочу сделать Вам подарок, вернее, должен это сделать, ибо подарок не совсем обычный – его зовут Луи, он светло-рыжего, почти розового, персикового окраса, с круглыми желтыми глазами, которые позволяют говорить о некоей мистической связи между ним и Вами, чрезвычайно любознателен и добр...»

Битых две страницы незнакомец расписывал достоинства этого Луи и то, что существо должно принадлежать мне, и только мне, пока я наконец не вычитала, что Луи – котенок. Забавно – мне хотели подарить котенка! Это было очень не похоже на то, что предлагали другие – золото, бриллианты, кругосветные круизы, словом, всю ту ерунду, в которую не веришь, понимая, что за всем стоит одно-единственное желание – трахнуть тебя. Грубое слово, но, надеюсь, оно будет последним на этих страницах.

В конце своего объемного послания незнакомец приписал, что будет ждать меня в такой-то день в таком-то часу возле фонтана с конями на Манежной площади. «...Если Вы не придете, я буду знать, что послание мое оказалось никчемным, а подарок – ненужным. Я больше никогда не побеспокою Вас, позволив себе только одно – оставлю у себя Вашу фотографию...» – и так далее в таком же духе. Подписаться, как я уже говорила, незнакомец забыл. Или не захотел.

Это было очень милое послание, и я не могла не откликнуться. Кроме того, разыграло врожденное любопытство – до смерти вдруг захотелось

увидеть его автора. Если он такой, каким вырисовывается между строчек его образ, то он, должно быть, милый, немного сентиментальный молодой человек... Правда, в дальнем уголке моего мозга прятался другой вариант – старый уродливый сластолюбец, который просто умеет хорошо писать. Но о плохом я никогда не любила думать заранее.

В центре шумная толпа подхватила меня, завертела – это было место, куда люди пришли не только посмотреть площадь с огромным подземным городом, но, что не менее важно, и себя показать. Я сразу почувствовала себя чуть ли не рядовой, самой обычной гуляющей, потому что вокруг дефилировали такие красотки, такие странные, невероятно одетые личности... словно в каком-нибудь Нью-Йорке, где молодежь одержима желанием выпендриться.

Не без замиранья сердца я пробралась сквозь пеструю толпу к фонтану. Летели брызги, щелкали фотоаппараты, звучала иностранная речь... Растерявшись, я огляделась – как среди толпы увидеть своего незнакомца, как угадать его? У меня была надежда, что он сам узнает меня, и я уже было приготовилась спокойно ждать того момента, когда он подойдет ко мне, но... Я вдруг случайно выхватила его взглядом из толпы.

Это был точно он – среднего роста молодой человек в светлом летнем костюме, с тщательно уложенными короткими темными волосами. Так тщательно могли причесать и замазать гелем волосы только в парикмахерской. Что это именно тот, кто написал мне письмо, можно было не сомневаться. В руках он держал маленькую клетку, в которой обычно переносят животных, и в клетке кто-то был...

Молодой человек вздрогнул, встретившись со мной взглядом. Несколько минут мы молча смотрели друг на друга.

Нас разделяло довольно большое расстояние, но мне не хотелось первой делать шаг навстречу, и я соображала, стоит ли вообще знакомиться с этим любителем животных, потому что какое-то непонятное разочарование охватило вдруг меня. Чего я ждала – не знаю. Не в моем возрасте и не с моим опытом двух развалившихся браков искать неземную страсть, но какой-то смутный образ постоянно витал у меня в голове, образ, сильно смахивающий на мою первую любовь... Он же медлил, потому что непонятная робость сковала его – он бледнел и краснел, даже раз облизнул пересохшие губы. Потом наконец решился. И подошел.

– Это вы? – спросил он. Голос у него был довольно приятный – мягкий, чуть хриловатый.

– Наверное... – Я улыбнулась и решила: если через пятнадцать минут мне не станет интереснее, уйду.

– Дмитрий, – представился он. – Это я вам написал письмо.

– И забыли поставить свое имя, – упрекнула я. – Как вы нашли мой адрес?

– Случайно. У меня есть знакомый, который знаком с Генри Игоревичем.

Генри Игоревичем звали того фотографа из пансионата.

– Таня, вы только не подумайте ничего такого...

– Да я пока ничего и не думаю.

– ...но я действительно решил встретиться с вами не только потому, что мне очень понравился ваш портрет в журнале.

– Хотите подарить зверюшку? Это кто там, в клетке, – Луи?

– Да. – Он вздохнул облегченно.

Молодой человек открыл крышку и достал крошечного котенка, кажется, довольно породистого, судя по его курносой персидской мордашке. Впрочем, я не особенно разбиралась... Луи был действительно удивительным: правда, с огромными желтыми глазами и очень интересной расцветки – какого-то розоватого оттенка. Я прижала к себе теплый пушистый комочек, который пискнул у меня в руках возмущенно, и сказала не раздумывая:

– Беру.

– Может быть, где-нибудь посидим, поболтаем? – спросил окрыленный Дмитрий. – Выпьем чего-нибудь прохладительного...

Луи мы засунули обратно в его домик, тут же, в Александровском саду, нашли летнее кафе. Мой новый знакомый заказал мне сока, себе – разливного пива. Он все еще немного стеснялся и, судя по всему, был из числа тех мужчин, которые любой одежде предпочитают деловой костюм и галстук – несколько раз он прикасался к воротнику рубашки, словно ослабляя невидимый узел, и, наверное, если б не жаркий день и неофициальная встреча, явился бы на это свидание при полном параде.

«Какой-нибудь клерк или из начальства среднего звена, – подумала я, постепенно проникаясь к своему спутнику доверием. – Довольно мил...»

– Луи достался мне случайно, – между тем рассказывал Дмитрий. – Но, к сожалению, я не могу оставить его дома, у моей мамы – астма.

– И вы решили отдать его девушке с обложки журнала?

– Танита, – вдруг произнес он очень серьезно. – Котенок – только предлог. Я до безумия хотел увидеть вас.

– И что, оправдала я ваши надежды? – подколола его я.

Он поставил кружку с пивом на стол и вдруг улыбнулся так мягко, ласково, что мне даже немного совестно за него стало – нельзя же так явно

выказывать свои чувства! – и пылко признался:

– В жизни вы еще лучше.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила я.

– Фотография, как и любое другое искусство, меняет реальность. Я, если честно, ожидал увидеть совсем иную девушку – холодноватую, мрачную... нечто мистическое, завораживающее... Я хотел и боялся вас увидеть. Но, к счастью, вы улыбаетесь, вы вполне городская, светская девушка...

– Однако! – развеселилась я. – Ну и характеристику вы мне дали. Вообще-то я и сама еще не разобралась, какая я на самом деле.

– Зато веснушки у вас настоящие.

– Что?

– Я говорю – натуральные у вас веснушки, а то сейчас с помощью всяких компьютерных технологий можно что угодно пририсовать. Вы чудо, Танита.

– О господи! – вздохнула я. Похоже, он не наврал, когда написал в своем письме, что с ним сделалось нечто вроде солнечного удара... – Называйте меня просто Таней.

...Митя звонил мне каждый день – сначала под предлогом того, что его очень заботит его бывший подопечный, потом о котенке он забыл и уже не скрывал, что его интересую только я. Иногда мы с ним встречались – гуляли в пригородных парках, сидели в кафе, ходили на какие-то выставки. Он являлся на все спектакли с моим участием, каждый раз даря мне по букету. Он не прятал своей влюбленности, но только на третью встречу позволил себе поцеловать меня – да и то в ответ на его нежности я пренебрежительно фыркнула и заявила, что меня не очень-то интересуют подобные вещи. С нежностями он отстал, но я очень хорошо видела, как его буквально трясет от желания обладать мной. Нечто подобное происходило между мной и первым моим мужем, только не так романтично и намного прозаичнее и грубее, поэтому я не торопилась отвечать на Митину любовь – опасалась, что все может закончиться так же плачевно.

Он познакомил меня со своей мамой, тем самым намекнув, что у него все очень даже серьезно. Но, похоже, сделал это зря – его мама была довольно милой женщиной – почтенная пожилая дама старой закалки, – однако именно это и было проблемой. Она чуть не упала, когда я появилась в ее доме – в прозрачном крепдешиновом сарафане, в буйных кудрях и сплошь покрытая веснушками. Да еще Митя с гордостью заявил, что я актриса. Она старалась не подать виду, но я сразу поняла, что показалась ей безобразной и вульгарной. Порочной. Развращенной лицедейством. Целый

вечер мы вели очень нудную беседу, обсуждая смесь политических и культурных тем, – Митя из кожи вон лез, чтобы показать, какая я умная и положительная, но, по-моему, бесполезно. Под конец вечера, когда Митя удалился на несколько минут, старая дама все-таки не выдержала и спросила с детским любопытством и ужасом:

– Танечка, у вас такие интересные глаза... Это ваш естественный цвет или вы пользуетесь специальными линзами? Я слышала, в актерской среде такое очень популярно...

– Естественный.

– О боже, как интересно... – Она была совершенно шокирована. Наверное, я представлялась ей чем-то вроде мутанта, игры природы.

Вечером Митя пошел меня провожать и в первый раз был допущен лицезреть мое жилище. Дорогой я не показывала вида, что сержусь – я, в общем-то, и не сердилась, – поэтому настроение у него было приподнятое, он страшно радовался, что я наконец-то позвала его к себе. Но не тут-то было...

Я не дала ему полюбоваться результатами моего последнего ремонта – еще с порога я закатила скандал.

– Какого черта!.. – сказала я, бросая свою сумочку прямо на пол. – Какого черта надо было делать из меня Юлию Пастрану!

– Что? – вытаращил он глаза.

– «Ах, Танечка так много читает...» – передразнила я его. – Вот и расхлебывай теперь. Юлия Пастрана была бородатой женщиной, которую показывали публике за деньги.

– Не понимаю... – Митя был совершенно растерян.

– Твоя мама смотрела на меня как на чудовище. Ты – ее сын, ты знаешь ее вкусы... Зачем же нужно было подвергать меня унижению, знакомить меня с ней?!

– Какие глупости, тебе показалось!

Я выкрикивала еще какие-то обвинения – бедный Митя уже не знал, что со мной делать, – как вдруг неожиданно успокоилась и засмеялась, совсем уж запутав его.

– Прости, – сказала я. – Это все детские комплексы и обиды. Я, наверное, не права. Наверное, мне все показалось.

– Ну да, я говорю – тебе все показалось... – Он взял меня за руку, но я тут же вырвала ее.

– Идем, выпьем-ка еще чаю. Знаешь, в детстве я была очень некрасивым ребенком, меня даже дразнили.

– Не может быть! – искренне ответил он. – Некрасивых в театральное

не берут.

– Хочешь, я детские фотографии покажу?

– Хочу...

Мы болтали с ним до позднего вечера, пили чай, листали мой старый семейный альбом. Я окончательно поняла, что для этого человека являюсь верхом совершенства – потому что даже мои детские фотографии не произвели на него должного впечатления. Мне вдруг в голову пришла забавная мысль – в Мите сочетаются лучшие черты двух моих мужей – он меня обожает, но не до такой степени, чтобы не видеть во мне человека.

В половине второго он спохватился:

– Мама волнуется! Надо ей позвонить.

– Оставайся, – великодушно предложила я. – Метро уже закрыто, а в нашем районе такси ты вряд ли поймаешь.

Он даже побледнел от волнения.

– Оставайся, – повторила я и добавила: – Я поставлю раскладушку на кухне.

Он позвонил своей матери, предупредил ее. Не знаю, что уж она ответила ему, но вид у него был унылый, когда он расправлялся с французской раскладушкой. Странно – ведь ему уже тридцать, наверняка он не в первый раз ночует не дома, а до сих пор мамочки боится... Представляю, что она сейчас сказала ему по телефону!

Я предложила Мите остаться исключительно из благородных побуждений, ни о чем таком эротическом не помышляя, – очень уж на меня подействовал этот вечер. Я легла в комнате и тут же заснула. Лишь одна мысль проплыла в погружающемся в дрему сознании: «Всем хорош, но – увы! – мамочкин сынок». Борьба с мамочками было для меня слишком утомительно.

Следующим днем было воскресенье.

Я, по обыкновению, проснулась очень поздно и о Митином присутствии вспомнила не сразу. «Наверное, ушел», – подумала я, вслушиваясь в тишину, царящую за дверью. Ситуация, в которой мы оказались, была довольно пикантная: Митя вполне мог заявиться ко мне среди ночи, и мне даже было немного обидно, что он этого не сделал. Хотя, если честно, я бы все равно его выгнала обратно на раскладушку.

Я оделась и вышла на кухню, заранее обиженная на своего кавалера за то, что тот ушел без предупреждения.

Но Митя и не думал уходить – он сидел за столом, раскладушка и постельное белье были аккуратно сложены.

– Доброе утро! – сказал он.

– Доброе... – Я взглянула на него внимательнее и вдруг заметила, что вид у него какой-то странный: словно он за ночь успел переболеть тяжелой болезнью – круги под глазами, нездоровый цвет лица, искусанные, пересохшие губы. – Что это с тобой? Ты спал?

– Нет. – Он виновато улыбнулся. – У тебя есть бритва?

– Есть, только тебе, наверное, не подойдет. Фор вумен... Ты из тех людей, кто только дома может спать? Я тоже, кстати, такая. Терпеть не могу чужой обстановки.

– Таня, я похож на сумасшедшего? – неожиданно спросил он.

Я опешила:

– Н-не очень... Это я скорее похожа.

– Целую ночь я думал о тебе. Я думал, что ты меня выгонишь, если я вздумаю зайти к тебе в комнату.

– Так оно и было бы...

– Больше никогда, никогда не зови меня к себе. Это так мучительно! Я чуть не умер, представляя, как ты спишь там, за стеной, совсем рядом...

Все-таки он был удивительный человек – мог так честно рассказать о том, в чем другой мужчина вряд ли признался бы. Я хотела было обратить все в шутку, но не смогла. Мне стало его так жаль, что просто чуть сердце не разорвалось, – я подошла к нему, села на колени и крепко обняла.

Все мои прежние романы неизбежно заканчивались замужеством – почему так получалось, я не знаю. И я подумала о том, что если сейчас заведу очередной роман, то он непременно закончится штампом в паспорте, а я этого совсем не хотела.

Хуже всего было то, что Митя задрожал и, кажется, чуть не упал в обморок. Чересчур долго он ждал ответных чувств, особенно после этой ночи, когда я так бессовестно и безмятежно храпела за стеной, лишив его последней надежды.

Мы поцеловались медленным, долгим поцелуем, а потом все завертелось, словно в моей кухне открылась дыра в иное измерение и нас с Митей туда засосало. «Это не любовь, это жалость», – последнее, что я подумала...

Есть фильм, название которого мне запомнилось, – «Тот, кто нежнее». Определение названия полностью подходило Мите – я еще в жизни не встречала такого ласкового мужчину. Просто оторопь брала от тех гигантских залежей нерастраченной нежности, которые в нем были, словно рос он сиротой в детском доме. Я чувствовала себя мухой, которая неосторожно села на мед и моментально увязла в липкой сладкой массе.

Но прогнать Митю, отдалить его на некоторое, хотя бы минимальное,

расстояние у меня духу не хватало. Он, наверное, без меня просто умер бы. «Ладно, – успокаивала я себя, – без мужчины женщина все равно не должна жить. Пусть тогда будет он, а не еще кто-то...» Близкие подруги в очередной раз удивлялись тому, как мне повезло: по их мнению, Митя был просто идеален. Но мне жилось не очень-то легко, ибо чрезмерная зависимость одного человека от другого всегда угнетает.

Он хотел быть все время со мной – есть, спать, гулять, провожать на работу, встречать после нее, торчать на репетициях в театре и прочее. Я и не думала, что может оказаться тяжело от того, что кто-то другой готов разделить с тобой каждое мгновение жизни, ибо хоть самая небольшая, но внутренняя свобода необходима. Первый муж был тоже склонен к обожанию, но его интересы ограничивались рамками супружеского ложа. Я дала себе слово – терпеть, пока могу, потому что оттолкнуть Митю, не почувствовав себя при этом самым жестоким в истории человечества убийцей, было нельзя.

Однажды на репетиции одного из наших спектаклей появился титулованный режиссер, долгое время преподававший за границей и теперь немного подзабытый. Но я его сразу узнала по лысине и огромным кавалерийским усам – как раз накануне смотрела передачу о кино. Он долго болтал с нашим, краем глаза наблюдая за тем, что творилось на сцене. Мы пытались поставить пьесу по Куприну. Я, естественно, получила роль Олеси...

Через несколько дней режиссер позвонил мне домой и предложил сыграть роль в его новом фильме. Нормальная актриса, наверное, должна была обрадоваться такому предложению, а я затосковала, впала в уныние.

– А получится? – вяло спросила я. – У меня ведь специфическое амплуа...

– Да ерунда все это, – успокоил меня режиссер, вместо «ерунды» произнеся совсем другое слово, – мне типаж твой очень понравился. Колоритная ты девка, скажу я тебе...

Я согласилась, хотя точно знала, что опозорюсь. Мне прислали сценарий, который, по нынешним временам, оказался весьма недурен, кроме того, я успешно прошла пробы, других конкурентов у меня не оказалось. Правда, я никак не могла предположить, что придется работать в весьма специфических условиях. Я в таких еще не работала.

Проще говоря, съемки фильма оказались настоящим адом.

Сюжет был довольно прост и, по нынешним временам, даже тенденциозен – Белоруссия, Полесские леса, коллективизация, брат на брата... Словом, история переосмысливалась заново.

Полесье не Полесье, но всю нашу съемочную группу завезли в жутко глухие места, где не было ни одного намека на цивилизацию и до ближайшего райцентра в случае надобности приходилось добираться часа два на старом «уазике» (фильм-то был малобюджетным). Мы жили в ветхих вагончиках, умывались водой из колодца, пухли от укусов невероятного количества комаров, но режиссер был в полном восторге от природы. Пока он жил в ухоженной Англии, а потом в чинной Германии, очень отвык от российских диких просторов.

Другие актеры довольно терпеливо переносили весь этот кошмар. Я же, вероятно, по избалованности своей и недостатку опыта, была в ужасе. И непременно бы сбежала, если б знала, в какую сторону.

Мою героиню по ходу сюжета несколько раз пытались изнасиловать то красные, то белые, а в перерывах страстно хотел убить какой-то полоумный деревенский дядька. Близкие родственники ее били, заставляли заниматься тяжелым сельским трудом... Правда, моя героиня тоже была не лыком шита – дядьку она убила сама, красных с белыми оставила с носом, а от работы отсиживалась на болотах. Полный мрак.

Я ходила с утра до вечера в драной ветоши, которую и одеждой-то назвать стыдно даже для времен коллективизации, да еще для убедительности вымазанная болотной грязью. Перед каждой съемкой мне делали колтун из волос на голове.

Привыкшая к городским удобствам чистюля, я едва не умерла от отсутствия ванны и чистого белья. Иногда мне просто не хватало сил смыть с себя вечером грязь, я плакала и проклинала все на свете, каждый день мечтая о Москве, о Мите и моей хорошенькой квартирке. Я утешала себя только тем, что роль у меня второстепенная, что главной героине еще хуже, поскольку ей не удалось-таки отбиться от белых.

Целый месяц мы проторчали в этой глуши, а потом вернулись в Москву и доснимали оставшиеся сцены в павильоне. Фильм еще не был закончен, а я уже дала себе слово больше никогда не связываться с кино... Только театр!

В мое отсутствие Митя жил у меня дома, ухаживал за Луи, который к моему возвращению превратился в огромное, очень флегматичное существо, больше похожее на свинью, чем на молодого кота.

– Как же ты долго, – с тоской произнес Митя, когда мы отмечали мое возвращение. – Еще чуть-чуть – и я бы умер без тебя.

– Что, правда? Как чудовище в «Аленьком цветочке»?

– Ты считаешь меня чудовищем? – немного обиделся он. Митя был самолюбив, впрочем, как и все остальные мужчины в мире. – К тебе там

никто не приставал?

– Нет. Я была такой чумазой, что ко мне и подойти близко было страшно.

– А говорят, все эти режиссеры и прочая богема – страшно порочные люди, для них чем хуже, тем лучше...

– Митя, я ведь тоже в некотором роде богема...

– А тебе кто-нибудь там понравился?

– Никто.

– Этот актер, что сыграл главного героя, – очень стильный мужчина...

– Митя, с нами была его жена, которая играла Марийку, главную героиню то есть, она к нему никого на пушечный выстрел не подпускала. Даже если бы я захотела добиться взаимности у этого слюнявого манерного хлыща, у меня бы все равно ничего не получилось – Марийка бы глаза выцарапала! Кстати, ты же знаешь мои принципы – ничего общего с коллегами...

Он не был ревнивым, но, по-моему, мысль о том, что я могу полюбить еще кого-нибудь, доставляла ему мучительную боль, и я, будучи в душе человеком милосердным, старалась развеять все его страхи. Не могла же я ему сказать, что актер Коломийцев был страшным бабником, не пропускавшим ни одной юбки, – даже жена на него давно рукой махнула, смотрела на все его похождения сквозь пальцы, – и что в свободное время в той глуши было совершенно нечего делать, только водку пить да амуры крутить. Я, конечно, мужественно держалась, но пару раз пришлось целоваться с Коломийцевым в стогу сена, под леденящий сердце комариный писк...

Поздней осенью фильм вышел в прокат и имел неожиданный успех. «Багровый туман» – так он назывался – очень хвалила критика, его собирались даже представить на очередном кинофестивале как лучшую картину года. Странно, я совсем не ожидала, что из всей этой грязи, слез, комариных укусов, отсутствия удобств, истерик главной героини и солдатского мата режиссера выйдет что-то стоящее. Но, оказывается, вышло – получился довольно милый лирический фильм с большой долей комедийного элемента. Актер Коломийцев еще громче прославился. Мне звонили какие-то люди, поздравляли, что было для меня удивительно – роль моя казалась мне не такой объемной и не такой заметной, но, видимо, в ней что-то было.

И настал час в моей жизни, когда я вдруг почувствовала, что окончательно избавилась от призраков детства – меня не мучили больше комплексы, я бесповоротно осознала, что красива, что, как и все, достойна

счастья, меня любят и не надо больше никому ничего доказывать. Я проснулась ночью посреди густых зимних сумерек – рядом мирно спал Митя, а в ногах, свернувшись в клубок, общительный оранжевый кот по имени Луи... Чем не идиллия, не уютная картинка счастливой семейной жизни! За окном тихо падал снег – казалось, что где-то там, по заснеженным глухим тропам, где снимался летом «Багровый туман» и бессовестный женолюб Коломийцев целовал в стогу сена рыжую, веснушчатую и чумазую Фроську (так звали мою героиню), идет неторопливо пожилой мужичок с длинной седой бородой в красном тулупчике, перекинув через плечо мешок. А в мешке у него – сюрпризы и подарки для всех тех, кто ждет его в городе. Одним он подарит богатство, другим счастье, третьим любовь... Я была уверена, что, кроме этих добрых подношений, без которых и не представляется Новый год, ничего у него в мешке нет. Только хорошее – так представилось мне той тихой снежной ночью, в тепле толстого верблюжьего одеяла, рядом с тихо посапывающим мужчиной, который без меня даже своей жизни не представлял. Я была известна, появились перспективы...

И правда, Рождество мы встретили очень счастливо – со смехом, шутками, с отличным настроением. На Луи мы надели красный колпак Санта-Клауса, повязали пижонский бант, подарили ему специальный подарок, купленный в магазине для животных, – какой-то кошачий деликатес в виде хорошенькой глазированной мышки. Митя, со всем присутствием ему романтизмом и сентиментальностью, тоже преподнес мне сюрприз – встал передо мной на колени и попросил руки и сердца. Чего мне стоило не расхотаться – я не знаю, у меня потом мышцы лица болели от сдерживаемых усилий. Но я все-таки не рассмеялась. Очень чинно и благородно я ответила, что подумаю, изобразив своим видом, что окончательный ответ будет наверняка положительный.

Я точно знала, что не стану радикально менять свою жизнь – мне сейчас и так неплохо было. Митя – прекрасный человек, но что-то в глубине души мне подсказывало, что бродит где-то мой настоящий герой, с которым я буду счастлива как ни одна женщина на свете. Это ощущение прекрасного будущего так и бурлило во мне – я радовалась хорошему настоящему и ждала каких-то грандиозных перемен.

А пока я жила рядом с Митей, тем более что у него недавно умерла мама и мне как-то неудобно было бросать его.

В один из последних зимних дней, когда все новогодние праздники уже закончились и с нетерпением ожидалось первое весеннее, мне позвонили. Я сразу узнала голос – Нина Пирогова, бывшая староста нашего

класса. Похоже, даже спустя годы желание все организовывать и устраивать общественные мероприятия ее не покинуло.

– Привет, Танюха! – заорала она (сколько я ее помнила, Нинка не умела говорить нормальным голосом, даже стихи, которые в школе задавали выучить наизусть, она читала командирским басом). – Поздравляю – ты теперь у нас кинозвезда!

– Спасибо, – вежливо ответила я. – Ты о том фильме? Но это пока только одна известная роль в моей карьере...

– Да ладно тебе! – добродушно перебила Нинка. – Скромность в наше время уже порок. Ты вроде и в театрах играешь?

– Да, я закончила театральное училище...

– Ладно, потом подробности своей звездной жизни расскажешь. Я тебе вот по какому поводу звоню: есть хорошая мысль собраться всем вместе.

– В каком смысле?

– Ну ты даешь! Известно в каком – бывшие одноклассники, как-никак... Десять лет, Танита, – юбилей!

– Что?! – Теперь настала моя очередь форсировать голос. – А ведь правда...

Я никогда не считала годы и не цеплялась за даты, но в этом юбилее было нечто особенное – грусть и удивление разом навалились на меня. Я словно только сейчас осознала, что время не стоит на месте и вот уже десять лет отделяют меня от детства. Картинки прошлого поплыли перед моими глазами...

– Танита, ты что замолкла? – вернул меня к реальности голос в трубке.

– Очень хорошо, – сказала я уже спокойно. – Конечно, надо нам всем встретиться. А то я даже и не знаю, кто как живет. Старые друзья растерялись куда-то...

– Еще бы – ты же богема!

– Ниночка, по характеру своему я никак не могу считаться богемой...

– Ладно, ладно, потом расскажешь! Короче – мы решили снять на вечер нашу кафешку. Естественно, с каждого носа энная сумма.

– Какую кафешку?

– Да «Ромашку» же! За выпить-закусить платишь отдельно или несешь с собой, если бедная... Господи, что же я говорю! Ты же там небось на «Мерседесах» едешь!

Объяснять ей что-либо было бесполезно – Нинка была из тех шумных, но, в общем-то, довольно беззлобных людей, которые никогда не слушают собеседников, и так зная все наперед. Вернее, думая, что знают.

– Нина, а ты про кого-нибудь знаешь?

– Да почти про всех!

– Как там Катя Варшавская, Вовчик Петросян, Бубнилова... Ох, эта невероятная Бубнилова, помнишь, как она...

Мы болтали с Нинкой, и я все отчетливее понимала, что совсем не о тех хотела спросить. Но непонятный, суеверный страх мешал мне это сделать, и я положила трубку на рычаг, так ничего и не узнав о Серже Мельникове. «Отчего же я вдруг так разволновалась?» – спросила я себя, подойдя к окну. Там на ослепительном солнце умирала зима – капало с крыши, текло ручьями с длинных страшных сосулечек, во всем воздухе летали какие-то брызги, словно оттаивало само голубое небо, и даже сквозь заклеенные рамы было слышно, как неистово чирикают воробьи. «Неужели вот оно, счастье, которое наконец пришло ко мне и которое я давно предчувствовала?» – эта мысль обожгла меня огнем.

Вечером пришел с работы Митя. Он уже жил у меня – пустая квартира на другом конце города пугала его, наводила тоску. Бедная его мамочка, совершенно напрасно я когда-то разозлилась на нее...

– Ужасно голоден, – сказал Митя, торопливо раздеваясь в прихожей. – Представляешь, шел и всю дорогу думал, чем ты сегодня угощать будешь.

– Тебе так нравится, как я готовлю?

– Да, да, я тысячу раз говорил тебе это! – Он обнял меня, прижавшись к щеке ледяными губами.

– Разве на улице так холодно?

– Утром солнышко, а вечером здорово подморозило. Еще не весна, милая...

Я кормила его ужином, а сама все думала о предстоящей встрече.

– Что-нибудь случилось?

– Что? – вздрогнула я.

– У тебя вид какой-то отсутствующий, словно ты обдумываешь какую-то проблему. – Митя отложил вилку и внимательно смотрел на меня. Плохая из меня актриса!

– Еще бы, – мрачно, озабоченно произнесла я. – В следующие выходные встреча одноклассников.

– Так это же здорово! Ты пойдешь? – Он опять взялся за вилку.

– Но мне нечего надеть! – выпалила я первое, что пришло мне в голову. И в тот же момент эта важнейшая мысль вернулась ко мне бумерангом – силы небесные, а ведь мне действительно нечего надеть!

Митя посмотрел на меня снисходительно, улыбаясь краешками губ:

– Мне бы твои проблемы, детка. У меня вот баланс не сошелся сегодня...

– Митя, Митя, мне действительно нечего надеть!

Я бросилась в комнату и стала лихорадочно передвигать плечики на вешалке в шкафу. Страшное возбуждение охватило меня. До юбилея в «Ромашке» было еще несколько дней, но мне казалось, что я стремительно падаю в пропасть. Если там будет Серж Мельников – собственно, из-за него я так и волнуюсь, – то показаться перед ним в каких-то жалких тряпках...

– А вот твой любимый сиреневый костюм, – сзади подошел Митя.

– Только не его. Он старый, вон – даже катышки на боку от сумки.

– А то милое черное платье?

– Нет-нет, там половина будет в таких же. Сейчас все женщины, как идиотки, носятся с маленькими черными платьицами...

– Вижу длинное, красное – кажется, очень соблазнительно.

– Митя, его я надену, когда мы с тобой вдвоем пойдем в ресторан, но только не в этот раз. Да и туфли под него не подберешь.

Я перебрала целый ворох одежды, пока окончательно не убедилась, что надеть мне совершенно нечего.

Я упала на диван и расплакалась. Если прикинуть, то я тысячу лет не плакала...

– Вот глупенькая! – Митя сел рядом все с той же умиленной, нежной улыбкой и стал по очереди целовать мои пальцы. – Очень глупенькая. Ты же самая красивая, у тебя есть я. Стоит ли переживать из-за таких пустяков?

– Нет, ты не понимаешь!

– Завтра пойдем и купим – что хочешь, – твердо произнес он.

– Митя, хорошую вещь надо искать очень долго, а у меня всего несколько дней, – с горечью возразила я.

– Мы успеем.

Все оставшиеся до субботы вечера мы носились по магазинам и всевозможным бутикам и универсамам, словно от этого зависела моя жизнь. Сначала мне не хотелось показывать Мите свое волнение – я боялась, что он может заподозрить что-то неладное, но он отнесся ко всей моей суете очень снисходительно.

– Да, я тебя понимаю, – сказал он в один из сумасшедших вечеров. – День такой встречи – словно подведение итогов, невольно хочешь выглядеть на высоте. А для женщины хорошо выглядеть – это и есть все ее заслуги и достижения, то, чего она добилась в жизни...

Между одним универсамом и другим мы зашли перекусить в кафе, и там, за столиком, в полутьме, под звуки негромкой легкой музыки, я словно

опомнилась. Но только на короткое время, пока мелкими глотками всасывала в себя холодный коктейль через трубочку. «А почему, собственно, я так волнуюсь? Может быть, Митя прав – в день встречи бывших одноклассников я хочу выглядеть более чем хорошо именно потому, что они помнили меня толстой конопатой уродиной и мне надо доказать им, что они ошибались, что из гадкого утенка вышел прекрасный лебедь. И Шурочка Пинелли... Боже, я совсем забыла, что на свете существует Шурочка! Вдруг Серж придет с ней, блестя колечком на безымянном пальце... Нет, я не верю в ранние браки, любовь Ромео и Джульетты – очень красивая, но и очень короткая сказка. Эти двое давно уже разошлись, школьная любовь, которая длится дольше выпускного вечера, смешна, нелепа. Нет, я не хочу ничего никому доказывать, я давно уже самодостаточный человек, мне наплевать, что обо мне подумают бывшие одноклассники. Кроме одного. Потому что я... Потому что я до сих пор люблю его?»

Я чуть не подавилась коктейлем. Митя сидел напротив меня и с задумчивым видом ковырялся в салате. Вид у моего спутника, надо сказать, был неважный. Под глазами лежали легкие тени, вены на руках заметно набухли. Ведь он отчаянно уставал, таскаясь со мной после работы по этим дурацким магазинам!

Совесть безжалостно кольнула мне в сердце. «Что будет, если Серж Мельников окажется свободным? Разумеется, я всеми силами постараюсь доказать ему, что только я – самая эффектная женщина в мире... А вдруг он поддастся моим чарам? И потеряет голову, и пойдет покорно за мной вслед? Что же тогда будет с Митей?»

В это время Митя встретился со мной взглядом и улыбнулся, накрыв ладонью мою руку.

– У тебя сейчас такой озабоченный, взбудораженный вид, – сказал он. – Брось. Сейчас зайдём в ГУМ и, вот увидишь, найдем там то, что тебе нужно.

– Мерси... Может быть, отправимся потом в кино? В «Зарядье» идет сейчас какой-то новый фильм, все очень хвалят... Ты же любишь спецэффекты.

– А что – это идея. – Он оживился, даже порозовел. – Давненько мы с тобой культурно не развлекались.

После кофе, которое принес официант, он окончательно взбодрился, и моя жалость отступила. Я глядела на Митю, на его безукоризненную, замазанную гелем стрижку под английского лорда, с красиво уложенным затылком, на строгий костюм, выглядывающий из-под мягкого

кашемирового пальто, на пижонское кольцо-печатку... и решила, что ничего страшного не произойдет, если мы расстанемся. Утешительниц вокруг полно. Такой безупречно ухоженный, красивый мужчина один не останется. Я даже почувствовала нечто похожее на ревность, когда об этом подумала...

В ГУМе я действительно нашла то, что хотела. В одном из бесчисленных магазинчиков, расположившихся на втором этаже, я заметила один костюм. Сначала он мне не понравился, тем более что цвет у него был не вполне приличный – розовый, да и пуговицы на нем были какие-то странные – в виде свинок. Нечто маскарадное, словом. Но назойливая продавщица настояла, чтобы я его померила, и, странное дело, на мне костюм стал смотреться совсем по-другому.

Узкая юбка до колен, приталенный пиджачок – ничего особенного, но крой был безупречен. Просто удивительно – как модельеры умеют иногда расположить все эти вытачки, разрезы, карманы и шлицы, что самая обычная женская фигура начинает выглядеть просто божественно? Да и цвет не был банально-розовым, если присмотреться. В нем преобладал оттенок фуксии, как в только что появившемся закате, – некий сумбур, тревога и одновременно безмятежность... А перламутровые пуговицы в виде забавных свиных рылец – чистый эпатаж, тонкая ирония над цветом и покроем, обрисовывающим женские формы. Я уже давно не выглядела толстушкой, но этот намек на прошлое...

Я вертелась и вертелась в костюме перед большим зеркалом, а продавщица и Митя ходили вокруг и ахали. Я действительно выглядела очень хорошо, очень мило и женственно, и даже ахи продавщицы звучали вполне искренне.

– Ладно, покупаем, – сказала я. – Сколько стоит?

Оказалось, что костюмчик стоит безумно дорого, тем более что на невзрачной этикетке внутри ворота стояло известное французское имя. Но Митя, не раздумывая, расплатился. Эта сумма была для него неразумной тратой – при всем своем романтизме он был человеком довольно-таки скуповатым, но, видимо, он хотел видеть меня счастливой. Мы пошли потом в кино, хотя было уже довольно поздно, и там, в густой прозрачной полутьме зала, он вдруг с такой страстью, с таким бесконечным обожанием стал целовать мои руки, что мне опять стало страшно. «Господи, – взмолилась я, – сделай так, чтобы он не любил меня так страстно! Я не хочу жить так, как сейчас, – позволяя себя любить и не любя сама. Я тоже хочу потерять голову, я не могу бесконечно приносить себя в жертву!»

В субботу утром я проснулась непривычно рано для себя. Митя лежал

рядом, и во сне у него было такое счастливое, безмятежное лицо, что я едва могла сдержать нервный смех.

– Митя, проснись, опоздаешь на работу! – принялась я его тормошить.

– Какой час? Сейчас встаю... – пробормотал он сонным голосом, разводя руками, словно ища в воздухе опору, которая помогла бы ему встать.

Я не выдержала и расхохоталась:

– Митя, куда ты – сегодня же суббота!

– Ну ты и вредина... – Он обнял меня, уткнувшись теплым, ставшим за ночь колючим лицом мне в грудь. – Идешь сегодня?

– Да, да, конечно, не зря же мы костюмчик купили.

– Тебе очень идет. – Он оживился, открыл глаза. – Смотри, какой-нибудь бывший одноклассник еще влюбится в тебя, в такую хорошую.

– И что ты тогда будешь делать?

– Тогда мне придется убить его. – Он сладко потянулся. – Татка, правда, который час?

Целый день я красила личико, ногти, приводила волосы в порядок, словом, делала то, что Митя называл «чистить перышки». Он снисходительно наблюдал за моими хлопотами и, похоже, ни о чем не тревожился. Если б он только знал, какая буря творилась в моей душе, как мучительно страшно мне было – из-за человека, с которым я говорила один раз в жизни, ведь фразы «привет – пока», «что по алгебре задали?» и прочую ерунду за разговор считать нельзя. Каким стал Серж, чем занимается? А вдруг его нет сейчас в Москве? Вдруг в это самое время он сидит где-нибудь в прохладном российском консульстве, попивая ледяной чай, за окнами качают листьями роскошные тропические пальмы, а на этот самый вечер назначено сафари в африканской саванне...

Шестое марта – еще совсем зима. После короткого потепления в конце февраля вновь ударили морозы, дороги покрылись толстой ледяной коркой, заломило в висках от резкого перепада давления. На город уже надвигались фиолетовые сумерки, я осторожно плыла по скользкой мостовой с пустым желудком – весь день не могла ничего съесть из-за волнения – и ухоженная до такого идеала, что не чувствовала собственного веса. Я опаздывала на полчаса, причем вполне сознательно – на такие мероприятия все всегда приходят не вовремя.

«Ромашка» была в этот вечер закрыта для других посетителей – какой-то лощеный юноша в бабочке и нестерпимо блестящих штиблетах впустил меня, придирчиво сверив мою фамилию со списком.

– Танита Танеева? Великолепное сочетание...

В тесной гардеробной висели чьи-то шубы, пальто, витала смесь ароматов сигарет, женских духов и мужских одеколонов, и я вдруг подумала, что эти запахи принадлежат моим бывшим сотоварищам и один из запахов, возможно...

Из-под шуб вынырнул молодой человек в черном сюртучке и остолбенел, увидев меня.

– Ужель та самая Татьяна? Пардон, Танита...

– О господи, это же Юрочка... А фамилию твою я забыла! – засмеялась я. Сейчас я была совершенно спокойна. И даже холодна, оставив свои страхи и мучения за входной дверью, – актерская выучка выручала. Спектакль я должна сыграть без заминки.

– Фогельсон, – машинально напомнил одноклассник, пожирая меня глазами. – Танита, тебя просто не узнать!

Я помнила Юру – он сидел на предпоследней парте у окна, был милым, хотя и довольно егозливым мальчишкой.

– Много народу собралось? – спросила я, поправляя волосы перед зеркалом. Костюм, ноги в золотистых колготках, туфельки на небольшой шпильке, которые я предусмотрительно захватила с собой, – все было безупречно. Главное – чтобы на лице не отразилось ни одной сильной эмоции.

– Порядочно...

Юрочка, который сроду на меня не обращал внимания, преданно дождался того момента, когда я закончу прихорашиваться, и предложил мне свой локоть для сопровождения.

Мы вплыли в зал. В первый момент я ничего не заметила, помня только об одном – чтобы на лице играла приветливая непринужденная улыбка, немного усталая и ни в коем случае не вызывающая. Висели какие-то гирлянды, мигали разноцветные фонари, даже конфетти летало в воздухе, словно праздновали Новый год, лица присутствующих мешались в одно пестрое пятно...

– Танита! Звезда ты наша! – заорал кто-то рядом. Это был весельчак и балагур Грибов, который умудрился прохохмить все десять лет школьной жизни. Помнится, он был двоечником и всеобщим любимцем.

– Грибов, сколько лет, сколько зим... – его имя тоже вылетело у меня из головы.

– Смотрели, смотрели кино с вашим участием...

Почти все уже сидели за сдвинутыми в одну линию столами и, видимо, уже успели переброситься друг с другом приветственными фразами, так что все внимание сейчас было устремлено на меня. Пестрый туман

рассеялся, и я стала постепенно узнавать этих людей, которых в последний раз видела еще детьми.

Они обращались ко мне с приветствиями, я тоже отвечала бодрими, дружескими фразами. Федя Брумель, Надя Сеницына, Ленка-толстая и Ленка-в-очках... Бывшие девчонки и мальчишки выглядели великолепно. Они, наверное, тоже ждали многого от этой встречи. Кто откровенно радовался – с охами, ахами, всплескиванием рук, кто сидел независимо, лишь снисходительно поглядывая вокруг.

Непонятно каким образом я оказалась за столом рядом с Юрочкой – тот положил мне в тарелку салат, налил в бокал шампанского.

– Ну что, за встречу!

Мы чокнулись, потом с другой стороны ко мне под села Катя Варшавская, которая, оказывается, была уже не Варшавской, а Романовой, – полная, белокурая, степенная дама, совсем не похожая на вертлявую тощую Катю с растрепанной черной челкой, вечно лезущей ей в глаза. Да, время и пергидроль сильно меняют людей...

– Кажется, еще не все пришли, – заметил Юрочка, то и дело привскакивая со стула, словно ему на сиденье положили горсть канцелярских кнопок.

Входная дверь распахнулась, и появился Никита Мусатов – огромный мужик в шикарном костюме. Рокочущим голосом он на миг перекрыл все другие звуки в кафе. Никита работал хирургом в одном из современных медицинских центров, энергия и оптимизм так и перли из него. Непостижимым образом он за очень короткое время успел переговорить со всеми, мне поцеловал руку, шепнув, что мечтал бы лично пропальпировать меня, причем как-то так мило, без налета скабрёзности это произнесся, что я только рассмеялась счастливо ему в ответ, сказав, что он все такой же «анфан террибль».

Потом появилась приснопамятная Бубнилова – в темных очках, с переброшенной на грудь косой. Сейчас она занималась политикой и удивила всех с порога, заявив, что она депутат Государственной думы. Чем-то она очень напоминала одну известную даму от политики – манерой говорить, жестами, категоричностью суждений, полнотой и очками. Вблизи нее тотчас же завязался спор.

– Ну что, давайте общий тост? – попыталась организовать шум и гам Пирогова.

– Еще двое не пришли, – ответил ей кто-то из толпы.

– Ну и что? Сто лет их, что ли, ждать...

Юрочка Фогельсон в это время очень обстоятельно рассказывал мне о

своей работе менеджера. Но я его почти не слушала, сердце мое билось уже неуправляемо.

– Пойду покурю, – перебила я его.

Но Юра поплелся вслед за мной. В коридоре, слева от входа, было что-то вроде курительной. Там в одном углу уже стояла Бубнилова и ожесточенно спорила с двумя бывшими одноклассниками.

– Танита, ты, что ли? – вдруг спросила она, быстро мазнув по мне взглядом из-под темных очков.

– Здравствуй, дорогая, – ответила я.

– Потрясающе выглядишь, – сказала она и тут же снова нырнула в спор.

Юрочка поднес мне зажигалку и стал рассказывать, как в прошлом году ему прислали настоящие кубинские сигары. Я вообще-то не курила – так, изредка, но сейчас сигарета была единственным спасением для меня.

В это время входная дверь распахнулась, и в клубах морозного пара появилась чья-то фигура. Музыка из зала показалась мне какофонией, я ослепительно улыбнулась Юрочке, всем своим видом показывая, что очень внимательно его слушаю. Человек в вестибюле неторопливо стягивал с себя дубленку. Русые волосы до плеч, широкая спина, свободный свитер с геометрическим узором... Это был он.

– Привет, Сергей! – энергично махнула рукой Бубнилова и тут же переключилась на своих собеседников. Сентиментальностью она не страдала.

Серж медленно подошел к нам. Пожал Фогельсону руку, повернулся ко мне.

– Привет, Танюша, – произнес он своим мягким, почти не изменившимся за десять лет голосом. – Какая ты славная у нас стала.

Я только кивнула в ответ. Он пришел один...

Серж что-то спросил у Юрочки. Что, я не слышала – смотрела на него и не могла насмотреться.

В это время нас позвали из зала, объявив, что больше никого ждать не будем. Мы вошли обратно – в шум, гам, сутолоку. Юрочка как-то сразу оттеснил меня от толпы, захлопали бутылки с шампанским, зашипела пена, лохмотьями шлепаясь из бутылок на пол...

Я держала бокал, слушала тост, который командирским голосом произносила Пирогова, машинально искала взглядом русый затылок и, отмахиваясь от назойливого Юрочки, постепенно приходила в себя.

Серж почти не заметил меня. А чего я ждала? Чтобы он, словно в сказке, упал передо мной на колени и выразил горькое сожаление, что в

юности не смог разглядеть во мне прекрасную принцессу? Что последние десять лет он томился в одиночестве, без любви, и что только во мне наконец нашел свой идеал? Что...

– ...Как одно мгновение. И вот мы снова вместе, словно и не было этих десяти лет после школы, – все такие же молодые, такие же красивые! Ничего не убавилось, только прибавилось – ума, опыта, доброты. Посмотрите друг на друга – какие необыкновенные девочки, какие замечательные мальчики. Сколько талантов уже открылось – есть и врачи, и музыканты, и преподаватели, даже актриса среди нас есть одна... – Все обернулись на меня, а Фогельсон, пользуясь всеобщей эйфорией, чмокнул меня в щеку. – И депутат Государственной думы. Кто знает, может быть, президентом нашей страны когда-нибудь будет женщина, наша замечательная Настя Бубнилова...

Пирогова перешла на персоналии, в зале то и дело раздавались взрывы смеха, а Серж продолжал удивленно смотреть на меня, в то время как все уже переключились на очередного героя дня.

– Так давайте же выпьем...

– Стойте! Подождите!

Хлопнула дверь, и на пороге появилась Шурочка. Та самая Шурочка, которая мне столько крови попортила в юности. Она смеялась и махала руками, раскрасневшаяся от холода, запыхавшаяся, кто-то быстро налил ей шампанского.

– Ура! – закричали все, и она – звонче всех.

– Шурка, молодчина, все-таки пришла! – полезла к ней целоваться Пирогова, внимание всех было переключено на только что вошедшую. Да, вовремя она, эффект почти театральный получился...

– С таким трудом, – смеясь, объясняла счастливая Шурочка. – Не с кем ребенка было оставить, я была просто в отчаянии.

– Золотая ты наша! – Пирогова опять бросилась ее тормошить. – С собой бы взяла.

– Да ты что! Это же такой Терминатор...

Катя, бывшая Варшавская, принялась мне рассказывать о своем сынишке, но я опять ничего не слышала. Это был не вечер, а сплошной адреналин! Серж Мельников, во все глаза глядя на Шурочку, медленно пробирался к ней сквозь толпу, и что-то такое было в нем, что вызвало во мне прежнее бессильное разочарование.

– Ты смотри-ка, – подтолкнула меня локтем Катя, – старая любовь не ржавеет.

– О чем ты?

– Я о Сережке и Шурочке. Они же расстались после школы, а теперь, видишь... просто пожирают друг друга глазами.

– Но у нее ребенок... Разве она не замужем?

Катя посмотрела на меня с изумлением:

– Дорогая, ребенок и без мужа может родиться!

После первого общего тоста присутствующие разбились на небольшие группки, а я опять выскользнула из-за стола, с трудом отбившись от любезного Юрочки.

В дамской комнате я сполоснула лицо холодной водой, потом принялась пудриться. Зеркало отразило мое высокомерное, раздраженное личико.

«Ну и черт с ними! – в сердцах думала я. – Старая любовь не ржавеет. И он по-прежнему без ума от Шурочки... Надо выбросить из головы все эти бредни. Кончено. Серж Мельников для меня умер. Завтра пойдем с Митей подавать заявление в ЗАГС. Нет, завтра воскресенье, придется на той неделе...»

Я подмигнула себе, повернулась в профиль и оглядела костюм. Удачное приобретение, мне повезло.

И в этот момент появилась Шурочка. Она не успела заметить меня в суматохе и теперь, когда наши взгляды вдруг столкнулись в зеркале, вздрогнула и побледнела – яркий румянец стремительно исчез с ее по-прежнему очень симпатичного личика.

Не поворачиваясь, я довольно развязно сказала ее отражению:

– Шурочка, как я рада...

– Танита! – Она оглядела меня с ног до головы, не в силах скрыть в первую минуту встречи изумление и зависть. Я даже посочувствовала ей мысленно, что до сих пор она так и не научилась владеть собой.

Наконец она очнулась – это была уже прежняя очаровательная Шурочка, которую все любили. И с детской непосредственностью, немного наигранной, правда, она восхищенно воскликнула:

– До чего же забавные пуговицы у тебя!

– И это все, что ты можешь сказать мне после десяти лет разлуки? – шутливо уколола я ее.

– Нет, я просто в восторге от тебя. Да и все в восторге... – наконец нашла она верный тон и теперь говорила со мной как старая добрая приятельница. – Танюша, дорогая, ты из тех женщин, которые со временем становятся все лучше и лучше! Я слышала, ты у нас кинозвезда?

– Да, снялась случайно в одном фильме у... – Я назвала фамилию режиссера.

– Ну уж, не верю я в случайности, – скептически поджала она губки.
– Ты работаешь?
– Да, но моя должность звучит очень банально – я зубной врач.
– У тебя ребенок? Мальчик, девочка?
– Сын. – Она улыбнулась довольно. – Витюшка. Ему шесть лет...
– Прекрасно! – искренне восхитилась я. – А кто муж? Кто тот счастливец, которому досталась самая красивая девушка нашего класса?

Я не могла не задать этот вопрос, хотя ответ на него уже знала. Шурочка, глядя мне прямо в глаза, ответила очень просто:

– Я не замужем. И никогда не была.
– Счастливая! – Я вздохнула. – Я была два раза, и не слишком удачно. Детей нет пока...

Шурочка после этих моих слов заметно помягчала, расслабилась и произнесла так мягко, так дружески, что мне очень захотелось поверить в ее теплые чувства ко мне:

– Эх, Танита, нам ли быть в печали! Девушки мы видные, интересные, все у нас еще впереди!

– Сережка Мельников даже в лице переменился, когда тебя увидел, – поделилась я своим наблюдением.

– Да? – Она как-то вяло пожала плечами, хотя я ждала от нее совсем другой реакции. – Мы с ним давно расстались, кажется, сразу после школы. Юношеская любовь – она только на время юности, потом исчезает без следа. Как подростковые угри...

– Зато теперь вы два вполне взрослых самостоятельных человека, и есть шанс...

Она посмотрела на меня с любопытством.

– Возможно. Идем, а то весь вечер здесь проболтаем. Стоп, я же хотела подкрасить губы!

В зале веселье шло полным ходом. Шампанское уже выпили, и теперь на столах почетное место занимала водка. Борька Мусатов, скинув пиджак, лихо отплясывал «Яблочко» – когда-то ему довелось служить во флоте. Потом музыка сменилась, и танцевать принялись почти все присутствующие. Я выпила для куража стопку, и в это время ко мне подскочил Андрей Грибов – его имя наконец всплыло в моей памяти.

– Храбрая женщина, – сказал он, глядя, как я, не поморщившись, заедаю водку оливкой. – Станцуем?

Я протянула ему руку, и мы вошли в круг. Бывшие одноклассницы томно извивались под музыку, Мусатов упорно отплясывал «Яблочко». Ребята больше болтали, сбившись в кучу.

Андрей Грибов был очень хорош. Он и раньше был всеобщим любимцем, но сейчас его мужской шарм был сильнее в сто раз. Не очень высокий, но какой-то удивительно ладный, статный, с зачесанными назад черными волосами и короткой стильной щетинкой на щеках, он глядел на меня бесстыдными, нежными глазами – до такой степени порочными, что это уже было за пределами человеческой морали и потому осуждению не подлежало. Весь в черном, в черной водолазке...

Следующей была когда-то очень модная песенка на испанском языке, что-то про «мучачу» и «амор». Латиноамериканская музыка мне нравилась. Помнится, в одном спектакле я плясала на сцене лихую самбу под похожую мелодию.

Быстро почувствовав, что я двигаюсь очень уверенно, Андрей вытянул меня в центр круга, резко развернул, наклонил назад, потом закрутил в своих руках, как волчок. Это было какое-то безумие – я выделывала такие коленца, которые позволяла себе изобразить только на сцене, играя знойную Пакиту.

Набежал еще народ – все стояли вокруг, хлопали в ладоши, раскрасневшийся Мусатов орал что-то подбадривающее. Мне уже все было нипочем – я танцевала, не отрывая глаз от страстного лица Грибова.

Под конец он так лихо и так ловко опрокинул меня назад через колено, что я чуть не встала на мостик, мои волосы коснулись пола. Все завизжали, Грибов рывком поднял меня и прижал к себе. Танец кончился.

Я подошла к столу выпить чего-нибудь освежающего – было очень жарко. За мной шли Грибов и Фогельсон. Три девицы – Ленка-толстая, Ленка-в-очках и бывшая Варшавская – вопили что-то неразборчивое, Мусатов требовал, чтобы я станцевала и с ним. Но я не могла говорить, а только отмахнулась от всех, жадно глотая апельсиновый сок.

Краем глаза я увидела в противоположном углу зала Шурочку – она стояла рядом с одной из своих бывших подружек. Та оживленно говорила ей что-то, но Шурочка не слушала – она смотрела на меня каким-то безумным, мрачным взглядом, от которого мне стало хорошо и страшно одновременно. Наверное, для нее было потрясением, что теперь в центре внимания была не она, а я – та самая безобразная толстая девочка, которой она когда-то милостиво предложила замазать веснушки ее французским кремом.

Грибов стоял рядом и медленно, мелкими глотками, словно иностранец, цедил сквозь зубы водку. И молчал. Под глазами у него лежали фиолетовые тени – наверное, напоминание о бессонных ночах, которые он провел с теми многочисленными особами, не устоявшими перед его

мексиканским напором. Я вполне могла бы быть одной из них этой ночью, уже сейчас, но – какой смысл? Я никогда не теряла голову из-за мужчин. Плохо это или хорошо – не знаю. Внутри у меня все дрожало. Опять мне досталось то, в чем я совсем не нуждалась, а единственное – единственное! – чего я хотела, снова уплыло из рук. «Надо пересмотреть свои взгляды, – сказал хмельной, спотыкающийся голос внутри меня. – И довольствоваться тем, что имеется в наличии».

– Отстань, – сказала я Юрочке, который довольно развязно попытался взять меня за руку.

– Танечка, потанцуй и со мной, – произнес кто-то рядом.

Я подняла глаза и увидела Его. И такая злость разобрала вдруг меня, такое необъяснимое упрямство, что я, уже ничуть себя не сдерживая, расхохоталась Ему прямо в лицо.

– Как... как интересно! – произнесла я сквозь смех. – Никогда не думала, что буду пользоваться такой популярностью в нашем классе. Спустя... спустя десять лет на меня наконец обращает внимание сам Серж Мельников!

Крылья носа у стоявшего рядом Грибова раздулись. Его, судя по всему, очень раззадорил мой дикий смех, он поставил стакан на стол – я поняла, что он опять решил станцевать со мной очередную самбу, румбу или черт знает что. И пока он не успел оттеснить меня от моей детской мечты, я быстро положила руки на плечи Сержа, и мы скрылись среди танцующих.

Странное дело, я не была пьяна – от одной рюмки водки не опьянеешь, но какой-то хмельной туман продолжал бродить во мне. Играла тихая спокойная мелодия, откуда-то сверху сыпалось конфетти. Мы покачивались под музыку в дальнем, самом темном углу кафе – я обнимала человека, о котором в своей жизни думала больше, чем о каком-либо другом мужчине. Это было такое острое, почти физическое наслаждение, что я едва не застонала, когда прижалась к нему всем телом.

Я не понимала, что же такое произошло, от чего вдруг Серж обратил на меня внимание, почему он был сейчас рядом со мной, а не с Шурочкой. Он так сильно и в то же время нежно обнимал меня, что ошибиться было нельзя – он явно испытывал ко мне какие-то чувства, и довольно сильные. Один раз он осторожно поднял мое лицо за подбородок, взгляделся в меня с выражением безмятежного счастья, а потом опять прижал к себе, провел рукой по волосам, вздохнул... От него божественно пахло мужскими духами... Такие я в свое время хотела подарить Мите, но Митя был брюнетом, и вообще это был не его запах, а вот Сержу с его блестящими русыми волосами, мягкой пластикой леопарда они подходили идеально.

Когда танец закончился, Серж поцеловал мне руку, и мы подошли обратно к столу. Я ждала, что вот-вот он скажет мне что-нибудь важное, после чего моя жизнь станет еще прекраснее, и он уже, кажется, открыл рот, чтобы произнести эти главные слова... как в этот момент рядом с нами оказалась Шурочка.

Она мило, обезоруживающе улыбнулась и сказала своим звонким детским голосом:

– Ребята, давайте выпьем за старую дружбу! А то как-то неудобно, мы самые трезвые на вечеринке...

– Отличная мысль! – откуда-то сбоку налетел Юрочка с горящим решимостью взором – в руках у него была непочатая бутылка.

Серж, слегка поморщившись, наблюдал, как Юрочка разливает водку, но потом все-таки взял рюмку и произнес своим мягким, бархатным голосом:

– Ребята, как здорово, что нам удалось встретиться...

– Да, это просто чудо! – перебила его Шурочка. – И я надеюсь, старая дружба больше никогда не прервется, правда!

Фогельсон сказал еще какие-то прочувствованные слова, мы чокнулись. Я едва пригубила – водка показалась мне горькой, невкусной. «Отчего они поссорились когда-то? – неожиданно подумала я. – Ведь у них была такая необыкновенная любовь, не похожая на обычное юношеское увлечение». Эти мысли неспроста лезли мне в голову – Шурочка с Сержем как-то странно вели себя. Они посматривали друг на друга с изумлением, с ожиданием. Возможно, им было о чем говорить, но они не стремились к этому, как будто старые обиды мешали. Да, увидев Шурочку, в первый момент Серж бросился к ней, но потом какие-то неведомые силы оттолкнули их друг от друга.

– Сергей, извини за нескромный вопрос, но можно узнать, чем ты теперь занимаешься? – спросила Шурочка, и в ее голосе я услышала явное напряжение.

– Работаю, – как-то вяло, без энтузиазма ответил он.

– Не хочешь – не говори, – быстро вставил Фогельсон. – Таня, еще налить?

– Нет, спасибо...

– У меня своя небольшая фирма по продаже оргтехники, – сказал Серж, передернув плечами, словно его знобило.

Шурочка не отрывала от него внимательного, тоскливого и, пожалуй, даже жалостливого взгляда. Во всем этом определенно что-то было!

– Работа по нынешним временам неплохая, – вкрадчиво начала я. –

Особенно судя по аромату твоего одеколona...

– Ого! – уважительно произнес он. – Ты у нас, оказывается, эксперт в мужской парфюмерии.

– ...но, кажется, в юности ты собирался заняться чем-то иным, – закончила я начатую фразу. Я очень хорошо помнила тот разговор в десятом классе, когда он упоминал про свои связи и про МГИМО. Хотя чего тут удивляться, времена очень круто изменились!

– Сережа собирался стать дипломатом, – вставила Шурочка.

И тут я заметила, что Серж посмотрел на нее почти что со злобой. Не знаю, как бы дальше повернулся наш разговор, но в это время в кафе появилась наша бывшая классная руководительница Флора Лаврентьевна, и все с шумом бросились к ней, окружили, загалдели...

– Что-то я заскучал, – произнес Серж, чуть брезгливо глядя на это со стороны. – Помнится, старая гримза ударила меня однажды указкой по голове...

Я тоже была не в восторге от сильно чудаковатой Флоры Лаврентьевны, но настроение Сержа меня пугало.

– Ты замужем? – спросил он. – Не вижу колечка на твоей руке...

Это был опасный момент – от моего ответа зависело очень многое.

– Была раза два, – сказала я равнодушно. – Но это так скучно.

– Да, скучно, – задумчиво повторил он, и сразу отпала необходимость спрашивать о его семейном положении.

– В сущности, на этой ноте вечер встречи можно и закончить. Все всё узнали друг о друге, похвастались своими достижениями, позавидовали более удачливым, окончательно распрощались с детскими комплексами... Кроме совместно проведенного детства, этих людей, – я обвела глазами зал, – больше ничто не связывает.

Серж посмотрел на меня с интересом. Он был похож на утонченно-мрачного декадента начала двадцатого века, да и вообще, весь его внешний облик напоминал картины Обри Бёрдслея – прихотливые, капризные линии сочетались с детским простодушием. Мне невольно хотелось ему подыграть, потому я и произнесла последнюю фразу.

– Ты так изменилась, – сказал Серж, легко прикасаясь тыльной стороной ладони к моей щеке. – Не знаю почему, но мне так приятно рядом с тобой.

Я хотела спросить про Шурочку, но тут же прикусила язык – это было бы банально, а мне не хотелось разочаровывать Сержа.

– Танюша, – неожиданно потянула меня в сторону Шурочка, – там Флора Лаврентьевна принесла старые фотографии, очень забавные...

Я пошла за ней, хотя на старые фотографии мне было наплевать. Я хотела остаться рядом с Мельниковым, но от Шурочки было невозможно оторваться – чем дальше, тем уверенней вела она себя со мной, словно в детстве мы были закадычными подругами. Да, мы сидели с ней за одной партой, но подруги у нее были другие. Правда, сейчас она не обращала на них никакого внимания, сконцентрировавшись только на мне.

Возле старушки Флоры топтался Мусатов. Он захватил меня в медвежьи объятия, похоже, всерьез решив выполнить свое желание «пропальпировать».

– Борька, отстань от девушки! – отогнала его Флора Лаврентьевна, раскладывая веером фотографии, на которых была среди прочих моих одноклассников и я – толстая угрюмая девочка с безобразной прической.

– О господи, это просто компромат какой-то! – застонала я.

Шурочка засмеялась, дружески обнимая меня.

– Танюшка, а я-то, я чем лучше – какой ужасный канареечный свитер! – тыкала она пальчиком в свое изображение.

На миг все поплыло перед моими глазами – я вспомнила этот свитер. И то, как видела Шурочку с Сержем в этом же самом кафе, и как он смотрел на нее, а я, маленькая, ничтожная, была готова отдать всю жизнь за один такой взгляд...

Я обернулась – Сержа нигде не было. Спустя минут пятнадцать, когда Флора Лаврентьевна уgomонилась наконец с фотографиями, я пошла его искать. Искала его везде, даже заглянула на кухню, где зевали сонные повара, ожидая закрытия, послала Фогельсона в мужской туалет на разведку – бесполезно. Я поняла, что Он ушел.

Это было невозможно, немыслимо. Потому что по всем приметам мы должны были уйти с вечеринки вместе. Я пыталась успокоить себя тем, что у Сержа был странный вид – то ли устал, то ли ему нездоровилось... Пожалуй, он был единственным, кого встреча с одноклассниками оставила спокойным.

Я еще немного поболтала с Шурочкой, которая не отлипала от меня, и даже дала ей свой домашний телефон. Вернее, она просто вытянула его из меня. Мне уже было все равно, я чувствовала себя опустошенной и мечтала только об одном – уйти отсюда.

Провожал меня Фогельсон. В гардеробной произошла небольшая заминка – Мусатов уснул на галошнице и решительно не желал просыпаться. Кто-то поймал такси и взял на себя труд довести сонного Мусатова в его Бутово, и, пока все толкались и шумели, разбирая шубы, сумки, одновременно удерживая в вертикальном положении

шкафоподобного Борьку, я потеряла из виду и Шурочку.

– Какой ты юркий, Юрик, – сказала я бывшему однокласснику, когда тот одним из самых первых отыскал в этой неразберихе наши пальто. – Ха-ха, получилась тавтология...

Но он был необидчив – собственноручно натянул на меня сапоги, вывел из кафе под ручку. Народ сзади еще кричал, торопливо обменивался телефонами, но мне было уже не до того.

– Ты далеко живешь? – в темноте его глаза блестели вишневым маслянистым блеском.

– Нет, совсем рядом...

Было темно, холодно, я с запоздалым раскаянием вспомнила, что перед выходом забыла позвонить Мите и сейчас он, наверное, сидит дома как на иголках, переживает.

– Слушай, у меня прекрасная идея, – развязным неуверенным голосом произнес Юрочка. – Давай остаток вечера проведем где-нибудь?

– Где?

– Ну, у тебя, например...

– Юрик, остаток давно кончился, сейчас самая настоящая ночь! Ты что, предлагаешь провести нам эту ночь вместе?

– Почему бы и нет? – произнес он совсем неуверенно. Кажется, ожидал другого ответа от актрисы.

Ситуация была дурацкая, но мне почему-то стало ужасно смешно.

– Юра, я человек старого воспитания, – сказала я очень серьезно. – Просто так я не могу. Я сначала вступаю в брак и только потом позволяю себе интимные отношения. Иначе мне моральные принципы не позволяют. Ты согласен быть моим третьим мужем?

Юрочка едва не упал, поскользнувшись на обледенелом асфальте.

– Ты... ты что, ты это... случайно не шутишь?

– Нет, – твердо заявила я.

– Я не готов. Понимаешь, я еще с женой не развелся... Нет, ты не думай! Мы давно вместе не живем, пока документы оформляем...

– Дети есть? – строго спросила я.

– Дочь.

– Алименты еще будешь платить, – разочарованно протянула я. – Нет, Юрочка, ничего у нас с тобой не получится. Кстати, вот уже мой дом.

– Ладно, пока, – неловко протянул он мне руку.

– Пока... – лучезарно улыбнулась я и исчезла за подъездной дверью.

Так и есть – Митя метался по квартире, как зверь в клетке, и едва только я нажала на звонок, как он тут же распахнул дверь.

– Первый час! – с упреком воскликнул он.

– Митя, пожалуйста, я очень устала...

Он раздел меня, молча прижал к себе. Его объятия не вызвали во мне столь бурных чувств, как объятия Сержа Мельникова, но странное дело, я тут же успокоилась.

– Ты славный, – сказала я.

– Иди, умывайся скорее, я буду тебя ждать...

Митина любовь временами почти не ощущалась – она была как воздух, который вдыхаешь машинально и не думаешь о том, как бы ты дышала без него. Его прикосновения и ласки были так естественны, что я почти не замечала их, мне казалось, что так и должно быть – он ласкает меня именно там и именно так, как я хочу. Я слышала про мужчин, которые после занятий любовью поворачиваются на другой бок и тут же засыпают, но я таких не знала. Воспоминания о первых двух мужьях как о любовниках совершенно стерлись у меня из памяти, мне казалось, что всю свою жизнь я живу только с Митей. И я погружалась в сон в его объятиях, пока он шептал что-то нежное, смешное, легчайшими прикосновениями пальцев касаясь лица, и эти прикосновения вызывали ощущение дивного покоя, который я испытывала, наверное, только в младенчестве, когда мама укачивала меня на руках, напевая колыбельную...

– Таня.

– М-м... – пробормотала я сквозь дрему.

– А ты видела на этом вечере свою первую любовь?

– Откуда ты знаешь?

Внутри меня все окаменело, но я старалась не подавать виду.

– Но у всех случается в школе любовь.

– Да.

– Он произвел на тебя впечатление, у тебя дрогнуло что-нибудь внутри?

– Митя, я устала, поговорим завтра!

– Нет, правда, мне все о тебе интересно.

– Он меня разочаровал, – ответила я коротко и тут же провалилась в глубокий сон.

Я не покривила душой – Серж Мельников действительно меня разочаровал: сначала подал надежду, а потом куда-то смылся без всякого предупреждения. Митя был в сто раз лучше.

Через пару дней мысли о моей первой любви окончательно улетучились – и все потому, что мне позвонили и предложили сняться в рекламе.

– Какой ужас! – невольно воскликнула я. – Мне уже несколько раз предлагали рекламировать прокладки и майонез...

– Нет, у нас другой товар.

– Да какая разница, бульонные кубики меня тоже не вдохновляют!

Иногда я позволяла себе немного покапризничать. Голос в трубке тут же пообещал, что мне хорошо заплатят.

– «Хорошо» – это сколько? – спросила я.

Мне ответили, и я призадумалась.

– А что рекламировать-то придется? – деловито спросила я.

– Итальянскую обувь.

Митя мечтал о новой машине...

Я, конечно, рановато радовалась – претенденток на этот рекламный ролик оказалось несколько. Но сделали пробы, и я больше всего понравилась начальству фирмы, которая собиралась торговать своей обувью в России.

– О, экзотик! – воскликнул, как мне сказали потом, сам господин Тоцци, увидев на экране мое конопатое желтоглазое личико. – Унреале!

Ролик сняли в рекордно короткие сроки – недели за две. На сей раз никаких неудобств я не испытывала, только очень уж много времени уходило на создание моего образа – макияж, волосы, наряды...

Сюжет ролика был довольно незатейлив – Италия, Возрождение, почтенный седобородый старец рисует знатную молодую даму – бархатные одежды, кружева, блеск парчи, сияние свечей, золото моих волос (их специально осветлили, чтобы придать нужный оттенок), словом – яркие, праздничные, густые краски, как на картинах прошлого.

Дамочка в бархате вертится на месте, ей скучно позировать, камера скользит по ней – веснушки на лице, на руках, из-под складок тяжелой одежды на миг высовывается хорошенькая, и тоже вся в веснушках, ножка в чудесном башмачке... Старец усмехается в свою серебристую бороду – картина написана, он тонкой кисточкой ставит свое имя в уголке – Веронезе.

Затем кадр меняется – Россия, зима, поля, засыпанные снегом... Камера скользит, наезжает на уютный домик. В домике девушка, показана со спины, закутанная в простыню. Она потягивается, простыня съезжает, обнажается нога в конопушках, прочие пикантные подробности.

Следующий кадр – девушка выходит из дома, жизнерадостно бежит по снегу. Краски зимнего утра ясные, чистые, золотятся волосы на фоне голубого снега, ножка в хорошеньком сапожке оставляет на снегу след. Камера наезжает ближе, отпечаток подошвы в снегу, на нем надпись –

Веронезе...

Словом, все простенько и со вкусом, построено на игре красок. Несколько пар обуви фирмы «Веронезе» мне достались совершенно бесплатно, а господин Тоцци лично приглашал меня съездить в Италию.

Митя, разумеется, был в курсе того, чем я занимаюсь, но, когда я ему отдала все заработанные деньги, он не знал, плакать ему или смеяться.

– Что за глупости! – сказала я ему, когда он попытался отказаться от них. – Мы уже два года вместе, общее хозяйство ведем, можно сказать, как в Гражданском кодексе...

– Какой еще Гражданский кодекс! – в ужасе возопил он, хватаясь за голову. – Я сам в состоянии заработать деньги!

– Кто же спорит? – хладнокровно согласилась я. – Но у тебя ушло бы еще несколько месяцев, чтобы собрать нужную сумму, я же просто приблизила момент покупки. И потом – я давно хочу, чтобы ты меня прокатил с ветерком... на спортивной модели!

Я, конечно, могла бы потратить деньги и на собственные удовольствия. Например, исполнить свою мечту – обзавестись огромным аквариумом, запустить в него каких-нибудь редких рыбок, купить кораллов, модель затопленного старинного корабля... Но я чувствовала вину перед Митей – он-то ничего не жалел ради меня. Мечта о большом аквариуме была у меня с детства, я часто представляла темную с подсветкой воду, колыхание водорослей, снующих взад-вперед ярких рыбок – таинственный подводный мир, возможность заглянуть в иное измерение...

Едва только рекламный ролик показали по телевизору, мне тут же позвонила Шурочка.

– Это очаровательно, – защебетала она своим детским голоском, – Танюша, ты просто великолепна! Я обычно не обращаю внимания на рекламу, а тут просто со страшной силой захотелось купить себе эти сапожки!

– Да уж... – неопределенно ответила я.

– Ты извини, я раньше не могла тебе позвонить, сама понимаешь – работа, ребенок...

Я хотела сказать, что не испытывала никаких неудобств из-за того, что она мне не звонила, но Шурочка была – сама любезность, и неловко было грубить ей.

– Ты не хотела бы со мной встретиться?

В разговоре возникла пауза – я совсем не знала, что ответить моей бывшей однокласснице. Да и ее неприкрытый интерес к моей особе настораживал.

– Можно, конечно, – нехотя ответила я.
– Отлично! Приходи ко мне в гости.
– Когда?
– Да хоть завтра! – воскликнула она. – Впрочем, если ты занята, приходи в выходные.
– Я бы с удовольствием, но...
– Что? – испугалась Шурочка, словно от этого визита зависела вся ее жизнь.
– Я живу не одна, мой молодой человек... – стала я мямлить, все еще надеясь, что Шурочка отстанет от меня, но та не дала мне договорить:
– Я все понимаю, приходи вместе с ним!
Она так просила, что я не смогла ей отказать. «Мой молодой человек», то есть Митя, преспокойно бы отпустил меня в гости, но я не хотела идти одна. За ним я была как за каменной стеной, которую не могло разрушить Шурочкино назойливое любопытство. В самом деле, чего ей от меня надо?
Я хотела знать.

* * *

Митя сначала попытался отказаться идти со мной, тем более когда узнал, что никаких других мужчин, кроме него и малолетнего Шурочкиного сына, в доме не будет. Он не особенно любил присутствовать при бабских разговорах.

– Митя, совсем недолго! – поклялась я. – Часик-другой – и мы уйдем.

Шурочка жила за два квартала от нас. Митя купил моего любимого красного вина, букетик гвоздик – для хозяйки, и мы пошли.

У Шурочки даже затряслись руки от какого-то странного возбуждения, когда мы наконец появились на пороге ее квартиры.

– Ах, дорогие гости, – запела она. – А я тут одна, все про меня забыли... Я специально пиццу испекла к вашему приходу, да и кулич еще остался...

Может быть, она не врала и действительно умирала от скуки?

Сынок ее, шестилетний Витюшка, был не по годам развитым ребенком. Он поздоровался с Митей за руку, а меня очень серьезно спросил, пристально вглядываясь в мои веснушки:

– Это болезнь, да?

– Это весна, милый! – радостно засмеялся Митя.

За окнами и впрямь была весна – светило солнце, неистово чирикали воробьи, откуда-то издалека доносились звуки благовеста – отмечали Пасху.

Мы сели за стол, Шурочка разрежала свою пиццу, Митя открыл вино.

– За Таниту! – произнесла Шурочка первый тост.

– И за хозяйку, – тут же добавил мой добросердечный спутник.

Витюшка двумя руками запихивал в рот кулич.

Наконец я смогла пристально рассмотреть Шурочку – тогда, на вечеринке, в сумраке кафе, в суматохе, как следует сделать это было невозможно. Она была хороша, как и в юности: черты лица у нее были правильные, классические – большие глаза, тонкий носик, выразительный рот. Но сейчас, при ярком солнечном свете, свободно льющемся из окон прямо в лицо моей бывшей соседке по парте, я заметила на ее личике печать быстротекущего времени.

Конечно, в двадцать семь лет редко у какой особы появляются морщины и тускнеет взгляд – разве что после болезни или от полного пренебрежения к себе, а Шурочка, судя по всему, очень тщательно заботилась о своей внешности. Но все равно что-то неуловимое произошло с ней – этой горькой складки у губ, которая возникает от постоянного выражения недовольства на лице, раньше точно не было. Да и взгляд поскучнел, юношеский оптимизм покинул Шурочку, кажется, навсегда. И короткая стрижка под мальчика, сделанная, безусловно, у дорогого мастера, не молодила ее, как следовало ожидать, а придавала какой-то сугубо «дамский», совсем не девичий вид.

Шурочка тоже всматривалась в меня, едва скрывая любопытство и удивление. Ее чересчур пристальное внимание было бы неприличным, если б она не ахала поминутно и не твердила, какой я стала красавицей.

– Шурочка, перестань! – смеялась я. – Подумаешь, в рекламе снялась... Я от этого лучше не стала.

– Да я бы тоже не прочь сняться в рекламе, лишь бы меня по телевизору показали.

– А ты знаешь, некоторые считают это ниже своего достоинства...

– Снобизм, безусловно!

– Нет, если б Татку пригласили для рекламы прокладок, я бы сильно возражал, – вставил в разговор Митя. – Кстати, очень вкусно... Я люблю, когда так много грибов и маслин.

– Маслины – это гадость, – авторитетно заявил Витюшка.

– За столом так не говорят! – укорила его Шурочка. – Дмитрий, а Танита, наверное, замечательная хозяйка?

– Угу, – самодовольно заявил тот. – Татка, пригласим твою подругу на той неделе? Ты вроде собиралась тоже что-то замечательное испечь.

Мне ничего не оставалось, как только подтвердить его приглашение. Шурочка теперь переключилась на Митю – ей решительно захотелось знать, какой институт он закончил, где сейчас работает и кем.

Митя добросовестно принялся ей отвечать, а я встала и с бокалом в руке принялась обходить комнату. Жилище у Шурочки было вполне современным, в духе минимализма – все очень просто, красиво, удобно. Легкий укол зависти кольнул сердце – минимализм был мне недоступен, я склонялась в сторону пестрых обоев и уютных безделушек, которые загромождают пространство, но так радуют душу.

На книжных полках стояли всякие экономические энциклопедии, справочники, учебники по стоматологии. А еще – огромное количество переводных детективов и, как ни странно, книги по психологии. Фрейд, Бёрн, еще какие-то замысловатые имена...

– Шурочка, ты увлекаешься психологией? – обернувшись, удивленно спросила я.

– А что странного? – улыбнулась она самодовольно. – Каждому человеку необходимо это знать – ведь все мы живем среди людей.

– Одобряю, – согласился Митя. – Я, например, очень люблю Дейла Карнеги. Но у него, конечно, книги прикладного характера – как воздействовать на людей, как ими манипулировать, завоевывать дружеское расположение...

– Удалось чего-нибудь добиться? – в упор спросила я Шурочку.

– Ну, это нельзя оценивать так конкретно, – не отводя взгляда, снисходительно ответила она. – Межличностное общение – тонкая штука, в нем не может быть видимых результатов. Вот, например, у меня есть начальник, главврач поликлиники, – тип довольно мерзкий, если честно. С помощью кое-каких психологических приемов я добилась того, чтобы он относился ко мне хотя бы с формальным уважением. Большой любви и дружбы я, конечно, не пыталась завоевать, да это и ни к чему...

Я слушала ее и невольно вспоминала детство, когда она с тем же выражением усталого превосходства пыталась втолковать мне, какая я безнадежная дура и уродина. Хоть и не прямым текстом, но зато с прямым психологическим расчетом.

– Может быть, кофе?

– Да, пожалуй, – согласился Митя.

Шурочка ушла куда-то, но тут же вернулась.

– Это ужасно, – произнесла она с извиняющейся улыбкой. – Без

мужских рук дом просто разваливается. Митя, вы не могли бы посмотреть мою кофеварку? Кажется, в ней сгорел предохранитель.

– Без проблем! – вскочил тот.

– Витюшка, а ты покажи пока тете Тане наш альбом.

Они ушли, а примерный Витюшка положил мне на колени огромный плюшевый альбом. Я раскрыла его и попросила:

– Ладно, рассказывай, где тут кто...

Маленький человечек стал бойко тыкать в лица на фотографиях, называя имена и степень родства, а я попыталась представить, что сейчас делают на кухне Шурочка и Митя. Я его не ревновала совершенно, но странная мысль, что Шурочка пытается с помощью каких-то простых и одновременно очень хитрых психологических манипуляций что-то сделать с моим честным и доверчивым возлюбленным, вдруг посетила меня.

– А папа твой тут есть? – довольно бестактно спросила я у Витюшки.

– Не-а, – равнодушно ответил он. – Мама порвала все его фотки.

Дальше расспрашивать ребенка у меня не хватило совести. «Порвала! Однако психология не во всем помогает...»

Через несколько минут появились Митя и Шурочка с кофе.

– Ну как, не очень ты тут скучала? – с ласковой улыбкой спросила она. – Да, Дмитрий, передайте, пожалуйста, сахарницу...

– Пожалуйста! – тот опять вскочил, с готовностью демонстрируя свою приязнь.

– Таня, Таня, как я тебе завидую! У тебя не мужчина, а просто клад – починил мне кофеварку, я уже хотела ее выбрасывать...

Мы возвращались домой ясным теплым вечером, со всех сторон продолжал наплывать благовест, скудная городская зелень готовилась вот-вот распуститься, воздух дышал свежестью, что нечасто бывает в центре, но мне было как-то не по себе.

– Митя, как тебе Шурочка?

– Очень милая женщина, – ответил он. – Вообще это хорошо, что ты продолжаешь поддерживать отношения с друзьями детства, я вот своих как-то растерял...

– Ты знаешь, а ведь мы с ней и не друзья вовсе.

– Как это так? – удивился он. – Ты же говорила – десять лет за одной партой сидели!

– Да, сидели, но подругами никогда не были, – упрямо повторила я.

– Ладно – хорошие знакомые...

– Митя, в том-то и дело, что все эти десять лет Шурочка меня терпеть не могла!

– Так что ж вы не пересели в разные места?

– Не знаю, – пожалала я плечами.

– Тогда я не понимаю, зачем мы пошли сегодня к ней, – с досадой произнес он. – Целый вечер потратили на какую-то дурацкую болтовню – психология, родственники, кулинарные рецепты...

– Не знаю.

– Брось, Татка, – мягко встряхнул он меня. – Вы с этой Шурочкой весь вечер так мило щебетали, так расхваливали друг друга, так улыбались... Пстой, я знаю, отчего вдруг у тебя испортилось настроение, – ты меня к ней приревновала!

– Вот еще! – фыркнула я презрительно. – Ты же знаешь, я не ревнивая.

– Просто я повода тебе никогда не давал. А сегодня она позвала меня на кухню посмотреть кофеварку – ты и взбрыкнула.

– Я взбрыкнула?!

– Ну да! Ты, наверное, сидела в комнате и думала, что же мы такое там с Шурочкой делаем!

– И что же вы там делали? – язвительно спросила я.

– Меняли предохранитель у кофеварки!

Митя уже смеялся, глядя в мое насупленное, мрачное лицо, а я подумала, что, вероятно, он не так уж далек от истины – я ревновала его немного к Шурочке. Уж как-то чересчур она лебезила перед ним и восхищалась им экзальтированно...

– Тата, она нормальная, обычная женщина, – отсмеявшись, спокойно сказал Митя. – А вот ты меня, голубушка, сильно тревожишь.

– Чем это я тебя тревожу?

– Я подозреваю, что некоторые детские комплексы в тебе еще не изжиты.

– Ого, ты как Шурочка, увлекся психологией!

– Нет, правда, тебя мучают призраки, которых не существует...

Митя скоро забыл и этот вечер, и этот разговор, но его слова о призраках не шли у меня из головы.

Мне было не по себе – а вдруг я и вправду бог весть что напридумывала про бедную Шурочку, которая искренне обрадовалась своей соседке по парте?

В первый раз я решила посмотреть на всю давнюю школьную историю со стороны. Собственно, и истории как таковой не было – так, какие-то слова, взгляды, наблюдения, перипетии чужой любви, которой я завидовала. Возможно, из-за жгучей неразделенной любви к Сержу Мельникову я действительно вообразила Шурочку какой-то невероятной

ведьмой. Ведь если взять за основу только факты, то она не совершила ни одного плохого поступка, ничем не навредила мне. Ну да, она говорила мне в детстве замаскированные гадости, но такое часто случается среди девчонок. И потом – только мне они казались гадостями, все остальные считали Шурочку образцом добродетели. Она предлагала мне французский крем, который был большим дефицитом в то время!

Словом, после этого вечера в моих мозгах произошел некий сдвиг – я решительно пересмотрела свое прошлое и пришла к выводу, что довольно долгое время страдала ерундой. Неужели я была таким злопамятным чудовищем в юности и до такой степени завидовала чужой красоте?

Нет, не до такой, сказала я себе, но пора бы забыть свою неудачную первую любовь к утомленному декаденту Мельникову, выкинуть из головы подозрения насчет одинокой и несчастной Шурочки. Ибо женщина, у которой нет мужа или на худой конец любовника, считается автоматически в народе несчастной, даже если она себя таковой не ощущает.

И когда спустя несколько дней ко мне явилась Шурочка, заранее приглашенная попробовать мой фирменный бисквит, я сменила гнев на милость и довольно любезно болтала с ней весь вечер. Митя тоже участвовал в нашей беседе и выглядел очень довольным – моя бывшая одноклассница захвалила его с ног до головы, и теперь, пожалуй, я не смогла бы жаловаться ему на Шурочку.

* * *

Однажды я шла по центру – никаких особых дел у меня не было, и ноги сами вдруг понесли меня в тихие московские переулочки. Туда, где раньше был магазин «Драпировка», в котором тысячу лет назад продавались портьеры четырех видов – в цветочек, ёлочку, клеточку и ромбик – и огромные полосатые матрасы, набитые морской травой.

Мой первый муж казался мне теперь еще более далеким прошлым, чем моя школьная юность. Я почти не вспоминала его, хотя, как уже говорила, нашу семейную жизнь несчастливой назвать было нельзя. Теперь я поняла, что он, наверное, очень любил меня и страдал от моего холодного, мрачного характера. Я не отвечала ему взаимностью, я лишь милостиво снисходила до него, пока в конце концов он не понял, что не растопить ему тех бескрайних ледяных полей, которые царили у меня в душе.

Его звали Рома – сокращенное от чужестранного имени Ромуальд, хотя

он был абсолютно русским человеком, с положенным набором плохих и хороших качеств, как у большинства людей русской национальности. Просто его родители были из простых заводских работяг и мечтали о красивой жизни, а имя сына было первым шагом к ней. Ромуальд Попов – человек, за которым я когда-то была замужем.

В последнее время центральная часть города постоянно перестраивалась и перекрашивалась – как модница, каждый сезон меняющая наряды, и я поэтому едва узнавала улочки, по которым ходила не столь уж давно.

Я шла к магазину «Драпировка», совершенно не надеясь, что найду его на том же самом месте. В свете последних экономических событий я больше ждала увидеть там какой-нибудь банк или что-нибудь эдакое, для простых людей труднопонимаемое.

– Девушка, дайте мне автограф! – подбежал ко мне через улицу какой-то лохматый тип с модным рюкзачком. – Я вас в рекламе видел и в кино тоже... Как вас зовут?

– Ошибочка вышла, – равнодушно ответила я, не замедляя шаг. – Я в кино не снимаюсь. Сейчас все похоже...

– Все равно, как вас зовут? – Тип оказался настырным.

– Пошел вон, – мрачно сказала я.

Вот и тот самый дом... Я была совершенно спокойна, лишь любопытство беспокоило меня. Еще издали я увидела, что исчезла прежняя вывеска. Да и дом изменился – был заново отштукатурен, покрашен, восстановлена старинная лепнина на фасаде, вместо прежних трех ступенек – мраморная лестница с колоннами цвета лосося. А посреди этого великолепия роскошная вывеска – «Люси. Интерьер-салон».

«Бедный Рома, – подумала я. – Все течет, все изменяется...»

Но несносное любопытство не позволило мне пройти мимо – я отворила хрустальную, звякнувшую колокольчиком дверь и вошла внутрь. Здесь тоже все переменялось, пространство расширилось – матовые стены уходили в переливающуюся дымкой бесконечность, какие-то вещи в драпировке и золоте, картины, вазы... Внутреннее содержание салона напоминало музей.

Мягким бесшумным шагом ко мне скользнул томный лощеный юноша и бархатным полусшепотом спросил:

– Вам помочь? Я к вашим услугам...

– Это магазин? – скрывать свою наивность я не собиралась.

Молодой человек посмотрел на меня с величайшим сожалением:

– Нет. Наш салон помогает создавать интерьеры – в квартире, в офисе,

в загородном доме... Представлены все направления – от классики до модерна. Если вы нуждаетесь в такого рода услугах, мы предоставим вам опытного дизайнера... – Последнюю фразу он произнес скороговоркой, словно сомневаясь, нужны ли мне такие услуги, – ведь я не смогла отличить обычный плебейский магазин от салона.

– Раньше здесь был магазин «Драпировка», – с ностальгическим сожалением произнесла я.

Молодой человек натянуто улыбнулся:

– Ничего об этом не знаю.

И тогда я все-таки решилась спросить:

– Любезный, а Ромуальд Петрович здесь работает?

«Любезный» тут же сменил кислую гримасу широким голливудским оскалом:

– Как вас представить?

Ого! Неужто Рома владелец всего этого великолепия?

– Скажите, его ждет леди Макбет, – невозмутимо произнесла я.

«Любезный» на миг вытаращил глаза, а потом заскользил куда-то в матовые глубины, нервно бросив мне напоследок:

– Присаживайтесь, сейчас я доложу о вас...

Я села на бледно-лиловый нежнейший пуфик, больше похожий на вечернее облачко, чем на место, на котором принято сидеть, и приготовилась ждать. Мы расстались с Ромой без ссор, почти дружелюбно, я была очень благодарна ему, что он не затеял коммунальных дрызг, а подарил мне квартирку, в которой я живу до сих пор. Но кто знает – хотел ли он еще меня видеть? С тех пор прошло столько времени...

Ромуальд появился через минуту:

– Таня! Я так и думал! – всплеснул он руками, увидев меня. – Господи, наконец-то...

Это «наконец-то» меня и обрадовало, и смутило. Не так уж много лет прошло после нашей последней встречи, но время оказалось безжалостным к моему первому мужу – он полысел и потолстел. «Сколько ему сейчас? Немногим больше сорока...»

– Таня...

Я никак не ожидала, что он с такой детской радостью бросится меня обнимать.

– Что ж такое! – воскликнула я в полном недоумении. – С чего это ты так мне обрадовался?

– Жестокая... – укорил он меня. – Ладно, идем ко мне в кабинет, там поговорим.

По дороге я успела задать вслух свой первоначальный мысленный вопрос:

– Рома, неужели ты владелец всего этого великолепия? А как же несчастная «Драпировка»?

– Умерла и возродилась в новом качестве, – счастливо засмеялся он.

В крошечном, но необычайно уютном кабинетике он усадил меня в кресло, достал из мини-бара бутылку «Отарда».

– Ну, за встречу...

– Рома, ты мне не ответил.

– А, ты не поняла, почему я так тебе обрадовался? Да я и сам не знаю, честно говоря. Ну, за встречу! Я тебя часто вспоминаю, но позвонить как-то не удается...

– Работа? – понимающе спросила я.

– Если бы... Танечка, я ведь снова женился.

– Поздравляю. Ее не Люсей случайно зовут?

– Как ты догадалась? – изумился он. – Хотя да, это, наверное, просто...

Таня, меня держат в ежовых рукавицах – имен бывших жен и любовниц произносить нельзя. Прости, что я не давал о себе знать.

– Да ладно... – великодушно заметила я. – Я зашла сюда случайно. Но, может быть, зря? Не хочу быть причиной раздоров в твоей семье.

– Нет-нет-нет... Еще раз за встречу! Люська сюда редко заходит. Все продавцы – мужики. Ты заметила?

– Ромочка, а где твои кудри?

– Увы! – Он засмеялся грустно, проводя ладонью по макушке. – Что ты хочешь – возраст... Зато ты, Танечка, стала еще лучше. Похудела, правда, очень...

– Рома, дались тебе эти рубенсовские формы! Они уже не в моде!

– А при чем тут мода? – грустно возразил он. – Просто моя природа такова – я тянусь к женщинам с формами.

Мне вдруг стало весело.

– Рома, а фотографии жены у тебя тут нет?

– Хочешь на нее посмотреть? Пожалуйста. – Он развернул ко мне большую фотографию, которая стояла на идеально-глянцевой поверхности стола.

Новая жена Ромуальда Петровича была похожа на заграничную звезду Памелу Андерсон. Такой тип женской красоты довольно часто встречается в жизни и пользуется огромным успехом у мужчин: вываливающийся из декольте пышный бюст, осиная талия, роскошная, потрясающая воображение корма, которая почему-то была видна даже при снимке анфас,

длинные крупные ноги – как у красавиц из американских мультиков, длинные вьющиеся волосы, обесцвеченные до рези в глазах, хорошенькое детское личико, словно у порочного ангелочка, и фантастическая, в какой-то мере вызывающая даже уважение, стервозность в глазах.

– Потрясающе! – выдохнула я, разглядывая Люсин портрет.

– Да, выдающейся красоты женщина, – согласился Рома. – Но характер...

– Терпи, – философски сказала я. – Красота требует жертв.

– Люська меня скоро в гроб вгонит, – пожаловался он. – И знаешь, Таня, только один человек меня пожалеет, когда я умру.

– Кто?

– Ты.

– Почему я? Ты же сам когда-то назвал меня жестокой и злой. – Я совсем не обижалась за те слова на моего бывшего мужа, но сочла нелишним напомнить их ему.

– Таня, боже, как я не знал жизни! – застонал он. – Так, давай еще по маленькой... Ты просто меня не любила. И я сам был виноват в этом – ты же была еще совсем ребенком тогда, в восемнадцать-то лет! Я не сумел разбудить в тебе женщину. Ты была холодна и равнодушна, но я твердо знаю – меня ты не предала бы никогда. Хотя ты и актриса.

– Мерси.

Лицо у Ромы после третьей рюмки покраснело, в голосе дрожали слезы. Но он нашел в себе силы перевести разговор на другую тему:

– Кстати, я тебя недавно видел по телевизору. Ты талант, Танита, настоящий талант!

– Это ты про рекламу итальянской обуви? – хихикнула я.

– Не только. Я еще и фильм с твоим участием смотрел, – серьезно сказал он. – Классно. Кино в России возрождается!

– Еще раз мерси.

– Гонорар-то большой дали?

– Приличный. Но я его отдала.

– У тебя долги? – испугался он.

– Нет. Я отдала их молодому человеку, с которым сейчас живу. Ему как раз доставало на его мечту – на машину.

– Ты спятила... – тихо произнес Рома. – Отдала все деньги!

– Рома, но если у человека мечта, а я смогла ее приблизить... Митя заработал бы сам, но на это ушло бы месяца два-три.

– Господи, а эта ни копейки бы мне не дала! Все сосет и сосет из меня деньги... Если я разорюсь, Люська меня бросит. Таня, какой же я был

дурак!

– Ладно, проехали.

Мне уже стало скучно от его нытья. Раньше он таким не был – кажется, новая жена испортила ему много нервов.

– Танечка, а у тебя есть мечта? – ласково спросил Рома.

– Да. Я хочу аквариум. Чтобы рыбки, водоросли, модель затонувшего фрегата, разноцветные камушки... Литров на сто! – засмеялась я. – А лучше на тысячу.

– Но это же так просто... – сказал он, но тут же оборвал себя на полуслове: – Как тебе мой магазинчик?

– Так это все-таки магазин?

– Ну да...

– Прекрасно. Со вкусом. Я и не догадывалась, что у тебя такие способности к созданию интерьеров.

– У меня – никаких способностей, зато у тех, кто у меня служит, их масса. Сейчас самый клиент пошел – у народа вкус проснулся, обустривают свое жилище по последнему слову дизайнерского искусства...

– А дети у вас с Люсей есть?

– Дочка. Полина. – Рома расплылся в улыбке и повернул ко мне другую фотографию, на которой была изображена хорошенькая девочка с тем же неистребимым выражением стервозности в глазах. – Из-за нее и терплю муку мученическую.

– Какая славная!

Мы еще поболтали немного – я рассказала о Мите, а Рома по второму кругу о своей жене, о том, какие страдания она ему причиняет. Скоро он допил свой коньяк и расплакался.

– Ладно, Ромочка, даст бог, еще встретимся, – бесконечно жалея его, сказала я.

В голове у меня слегка шумело – мне надо было срочно уходить, иначе я сама расплакалась бы в три ручья. Рома долго целовал мне на прощанье руки. Чувствуя необычайную легкость во всем теле, я покинула его кабинет.

Уже выходя из интерьер-салона, я столкнулась у дверей с крашеной блондинкой в ядовито-малиновом платье, которая проводила меня подозрительным взглядом. «Кажется, эта была Люся, – сообразила я уже на улице, вытирая платком влажные руки. – Какое счастье, что я так вовремя ушла... Интересно, успел ли Рома спрятать рюмки из-под коньяка?»

Я шла домой, продолжая жалеть своего первого мужа – его несчастье

заклучалось в том, что либидо в нем сильнее рацио. «И откуда я только помню такие слова? – удивилась я. – Ах да – их употребляла Шурочка, когда говорила о своем увлечении психологией. Но, конечно, можно сказать проще – Рома живет так, как диктует ему его причинное место, а не мозги. Я никогда не позволяла себе так терять голову из-за существа противоположного пола...» Смутный образ Сержа Мельникова вдруг возник передо мною – на миг заслонил и город, и дорогу, и лица встречаемых людей, и нежное майское солнышко...

Через два дня, ранним утром, когда Митя уже ушел на работу, а я еще только варила себе кофе, в дверь позвонили. Я посмотрела в «глазок» и обнаружила на лестничной площадке того самого лощеного молодого дизайнера, который встретил меня в интерьер-салоне «Люси», а с ним еще двух человек в красивых рабочих комбинезонах, нагруженных какими-то ящиками. Я испугалась – в первый момент мне показалось, что стервозная Люся окончательно допекла моего бывшего мужа и он решил по старой дружбе перебраться ко мне, послав вперед себя своего помощника с вещами.

– В чем дело? – довольно сурово спросила я дизайнера.

– Доброе утро! Вам подарок от Ромуальда Петровича, – радостно сообщил он.

– Какой такой подарок? – опешила я, разглядывая ящики, которые тащили в мою квартирку чистенькие яркие работяги, явно из того же салона.

Дизайнер, который представился Кириллом, по-хозяйски оглядел мою комнату со следами утреннего беспорядка.

– Значит, так, – бодро произнес он, уже не обращая на меня внимания, весь в творческом порыве, – этот шкафчик передвигаем сюда, книжную полку чуть подальше, этот стол здесь совершенно не нужен – его вон в тот угол... А торшер я бы посоветовал вам, милочка, поставить в коридоре, он там лучше будет смотреться. Кстати, занавески в этой комнате должны быть кремового цвета. То, что у вас висит на окне, – полное безобразие, как к вам люди еще ходят, не понимаю...

– Что-о? – возмутилась я, но тут же замолчала – рабочие достали из коробок стекла, пластиковые рамы...

Я наконец поняла, что за подарок решил мне сделать Рома. Затаив дыхание, я смотрела, как они собирают роскошный, огромный аквариум, ставят его на изящный крепкий столик, который тоже привезли с собой.

– Но это очень дорого... Ромуальд Петрович совсем спятил, – машинально пробормотала я.

– Да что вы! – снисходительно успокоил меня Кирилл, который руководил всем этим процессом. – Модель не модная, цвет типичный, никто такой аквариум уже не купит. Вещь списанная, можно сказать... Но для вашей квартирки в самый раз! – спохватился он.

– Ну, спасибо! – почти искренне поблагодарила его я. У богатых свои причуды, если такая красота им кажется не модной.

Но Кирилл продолжал меня удивлять – после сборки аквариума и питья кофе, который мне пришлось варить на всех, он велел распаковывать коробки поменьше.

Там были специальный аквариумный грунт, галька и модель затонувшего галеона...

– Живность сами приобретете, это уж дело сугубо индивидуальное, – на прощание сказал мне Кирилл.

Разумеется, Митя был потрясен, когда вечером обнаружил в квартире огромную емкость с водой, в которой спокойно можно было резвиться, словно в бассейне. Кое-как я сумела объяснить ему, что это совершенно бескорыстный и благородный подарок моего первого мужа, но все равно аквариум вызвал в нем глубокое предубеждение.

– Возни-то сколько будет с рыбками, – проворчал он. – Да и Луи их сожрет.

– Не сожрет, – усмехнулась я. – Особенно если это будут пираньи.

На следующий день в моем доме появилась Шурочка. Она приходила не так уж часто, но каждый раз после какого-нибудь особенного события, словно предчувствуя, что мне будет о чем ей рассказать. Я уже вполне привыкла к ней и к ее ласковой, вкрадчивой манере выпытывать у меня последние новости. Даже больше того – иногда мне ее не хватало, словно моя жизнь становилась неполной без ее странного интереса ко мне. Если это была игра, то я тоже играла в нее и чувствовала любопытство и страх – кто же в ней окажется победителем...

– Какая дивная вещь! – всплеснула она руками, когда заметила (а не заметить его было нельзя!) Ромуальдов подарок. – Но это же безумно дорого!

– Да не так уж, – скромно пожала я плечами. – Модель уже не модная, плохо расходилась.

– Неужели существует мода и на форму аквариума?

– А ты думала!

– Танита, ты такая сумасбродка... – Шурочка поджала губки в пунцовой помаде, и мне опять показалось, что она завидует мне.

Я не выдержала и расхохоталась:

– Дорогуша, неужели ты и впрямь думаешь, что я потратила свои кровные денежки на эту бандуру, которая полкомнаты заняла?

– Митя? – Имя моего возлюбленного прозвучало в ее исполнении как-то чересчур фамильярно.

– Вот еще! – рассердилась я. – У Мити собственное увлечение – машина. Кстати, он обещал нас в выходные свозить куда-нибудь на природу. Шашлык-башлык и все такое...

– Витюшку можно взять? – быстро спросила Шурочка.

– Ну конечно. А аквариум подарил мне мой первый муж. Знаешь, все так странно произошло... – и я рассказала Шурочке историю о интерьер-салоне, о разговоре с Ромуальдом и о моем раннем и бестолковом замужестве.

– Так ты говоришь, он решил осуществить твою мечту? Удивительный человек...

– Шурочка, если б ты знала, насколько сентиментальны бывают некоторые мужчины!

– Я не знаю, – рассеянно ответила она, – мне мужчины таких подарков не дарили. Кстати, ты действительно мечтала о таком аквариуме?

– Да, с давних пор. А почему – не знаю. Я представляла, как было бы здорово вглядываться сквозь толстое стекло в призрачную полутьму, любоваться мельканием пестрых рыбок... Жутко, красиво и таинственно.

– Ты совсем ребенок, – укорила меня Шурочка. – Ни семьи, ни забот... Вот и лезут в голову всякие странные мысли.

– Дорогуша, чрезмерный рационализм тоже вреден.

– Не знаю, не знаю... Так этот твой Ромуальд жалеет, что развелся с тобой?

– Кажется, да... Впрочем, он жалеет не о том, что развелся, а что его новая жена такая стерва. Представляю, каким ангелом выгляжу я на ее фоне! Хотя, сама знаешь, я тоже не подарок.

– Да-а... – прошептала она с горечью. – Танечка, меня временами поражает несправедливость, которая царит среди людей.

– О чем ты? – довольно бесцеремонно спросила я. – Удивляешься тому, что другим все, а тебе – ничего?

Это был опасный момент – мы вот-вот могли поссориться. Обычная бабская зависть – ничего удивительного, сколько гадких слов говорится из-за нее. Но Шурочка, видимо, была не так проста. Она вздохнула и посмотрела на меня столь печально, что мне стало очень совестно за свою бесцеремонность.

– Да, правда, – ответила она проникновенно. – Я ведь и не уродина, и

не глупа, и характер у меня вполне нормальный. Я не стерва, как вторая жена твоего первого мужа, и готовлю, и деньги неплохие зарабатываю, высшее образование опять же. Но почему же меня не любят, почему никто не совершает из-за меня таких безумств? Кстати, ты говорила, что была еще раз замужем?

– Да, за Антоном Тарабакиным – запомни это имя. Возможно, он скоро прославится. Он писатель, собирается стать нобелевским лауреатом.

– Ты серьезно? – Любопытство опять вспыхнуло у нее в глазах.

– Более чем.

– Но разве стать нобелевским лауреатом так просто?

– Вот именно поэтому мы с ним и расстались, Шурочка. Жить рядом с человеком, мечтающим о славе, очень тяжело. Так же тяжело, как жить рядом с неудачником, наверное.

– Как интересно... Гением ты его не считаешь. Наверное, твой второй муж тоже очень любил тебя?

– Наверное, – пожалала я плечами.

– Вот, все тебя любят...

Момент был решающий – я остановилась напротив нее и спросила, глядя ей в глаза:

– Шурочка, а как же Мельников?

– Я тебе объясняла когда-то... Что-то жарко, не найдется ли у тебя чего-нибудь прохладительного? – Она явно пыталась ускользнуть от темы.

– Шурочка, я прекрасно помню – у вас было нечто большее, чем простое юношеское увлечение, – продолжала давить я.

– Нет, именно увлечение... – пролепетала она.

– Из-за чего вы расстались? Что произошло?

– Ты прямо как следователь... Таня, черт возьми, мне надоело! Это было так давно, что я уже забыла!

Я достала из холодильника персиковый сок, бросила в него несколько кубиков льда.

– Почти лето, – сказала я мечтательно, словно разговора на неприятную тему и не было. – Шурочка, ты любишь лето?

– Люблю, – буркнула она, все еще продолжая сердиться.

– Возьмем шашлычков, пива, искупаемся в речке, откроем сезон... Шурочка, может быть, попросить Митю взять с нами кого-нибудь из его холостых друзей?

– Что? Нет-нет, зачем... – испугалась она. – Ты думаешь, я сама не в состоянии найти себе кавалера? Нет, ни в коем случае! Это... это как-то гадко, словно сводничество.

– Шурочка, да что ты так переполошилась? Ладно, у меня предложение – поедем завтра на Кузнецкий мост, в зоомагазин...

– Нет, завтра у меня важные дела. А вот насчет выходных я запомнила!

Митя радовался своей новой игрушке на колесах, как ребенок. Я даже немного приревновала его к машине, когда он нежно протер лобовое стекло перед поездкой, пожалуй, не менее нежно, чем прикасался ко мне этой ночью.

Стояли первые дни летней жары, погода была настолько славной, что прохожие невольно улыбались друг другу. Шурочка подошла к нашему дому одна, без сына, в очень простеньком и очень кокетливом сарафанчике.

– Дмитрий, какой дивный у тебя автомобиль! – еще издали восторженно закричала она.

«Дивный» – это было ее любимое слово, высшая степень похвалы. Она едва поздоровалась со мной и тут же принялась обсуждать с Митей его приобретение – цвет, мотор, салон, сигнализацию и прочую ерунду, о которой приятно болтать заядлым автолюбителям, хотя Шурочка ничем раньше не выдавала свою любовь к машинам. Автомобиля у нее не было – это я точно знала. Откуда же такая осведомленность?

Разумеется, Мите было очень приятно такое внимание. Тем более что я с ним никаких технических тонкостей не обсуждала – мне было просто неинтересно.

– Шурочка, а где Витюшка? – спросила я.

– А, к бабке отправил... – махнула она рукой. – Ну что, не пора ли нам в дорогу?

В который раз я ловила себя на странном ощущении, что моя бывшая одноклассница плетет какую-то интригу. Я ругала себя за чрезмерную мнительность, но ощущение подвоха упорно не покидало меня.

За окном мелькали яркие, радующие глаз свежей, еще не успевший запылиться зеленью подмосковные пейзажи.

Мы с Шурочкой сидели на заднем сиденье. Она молчала, выставив в открытое окно локоть, и улыбалась чему-то мечтательно. Еще с юности я помнила у нее эту улыбку – так она смотрела на Сержа Мельникова, и такое безграничное счастье трепетало у нее в глазах, что окружающим верилось поневоле – любовь до гроба существует...

– Купила рыбок? – спросила она, заметив мой внимательный взгляд.

– Да. Приходи посмотреть как-нибудь.

– Такие здоровущие караси! – вступил в разговор и Митя, не отвлекаясь от дороги. – Можно на сковородку бросать и жарить...

– Митя, это не караси, это вуалехвосты.

– Все одно...

– Ты счастлива, Таня? – с тем же мечтательным выражением спросила меня Шурочка.

– Почему ты спрашиваешь?

– Ну, как... Ведь твое желание исполнилось. Ты же хотела любоваться подводным миром, где все так красиво и таинственно...

– Да, я очень счастлива, – твердо произнесла я, хотя к этому моменту уже убедилась: разведение рыбок – большая морока.

– Замечательно. – Шурочка сделалась еще просветленнее и снова впала в глубокую задумчивость.

На пляже возле Клязьмы мы выбрали самое уютное местечко, благо лето только начиналось и народу было не так уж много. Митя сразу принялся разводиться костер, а Шурочка медленными, томными движениями принялась раздеваться, словно исполняла стриптиз.

– Очень жарко, – лениво произнесла она. – Буду загорать.

Шурочка хорошо знала, что показывать ей было что – фигурка у нее, как и в добрые старые времена, отличалась точностью и идеально округлыми формами, которые совсем не скрывал купальник типа «ниточка сверху, ниточка снизу». Митя забросил свой костер и откровенно любовался ею. Такова природа сильного пола – даже самый влюбленный мужчина не может не глазеть на округлые формы, тем более если их выставляют напоказ. Это ровным счетом ничего не значит, но я уже готова была расстроиться... пока своим пристрастным взглядом не отметила, что ноги у Шурочки коротковаты.

Мне сразу стало весело, и нечто, называемое словом «кураж», вдруг напало на меня.

Я повернула ручку магнитолы в машине на полную мощность, подмигнула Шурочке, мол, я тоже готова ее поддержать, и стала исполнять перед разгорающимся костерком эротический танец. Что-что, а танцевать, одновременно стягивая с себя одежду за одежкой, я умела – наш почтенный пьющий Мастер в училище считал, что этому должна научиться каждая актриса, пусть даже самая бесталанная.

У Мити ментально исчез интерес ко всему окружающему – сидя на корточках и сжимая в руке пучок хвороста, он не отрывал от меня совершенно круглых, сумасшедших глаз.

Мой купальник был ничуть не хуже Шурочкиного, веснушки сияли на солнце, я вся была словно из золота... И ощущение собственного превосходства над моей бывшей соседкой по школьной парте кружило мне голову. О, Митя очень бы обиделся, если б узнал, что сейчас я танцую не

для него!

– Шурочка, представь себе, у меня были самые длинные ножки среди всех, кто снимался в «Багровом тумане». – Я поставила одну ногу на бампер, чем окончательно добила Митю. – Актер Коломийцев собирался отпилить их на память!

Краем глаза я все время следила за ней – мой эпатажный номер сбил с нее лирическую томность. Шурочка с деревянной улыбкой наблюдала за моими выкрутасами, потом как-то неестественно захлопала в ладоши и спросила Митю:

– Ну что, шашлык еще не пора нанизывать?

Я была готова поклясться, что она ненавидела меня в этот момент, и точно знала, что она в скором времени сделает какой-нибудь ответный ход. Мы пили, ели, хохотали, слушали музыку, купались с визгом и воплями в прохладной июньской водичке, и все это время Шурочка о чем-то думала. Бешеная работа мысли была видна у нее в глазах – они казались какими-то стеклянными, ненастоящими, словно смотрели внутрь, а там, внутри, ей рисовалась сладостная картина моего поражения.

И от этого напряжения, от этой тайной игры, мне было страшно и хорошо. Я напилась пива и смеялась как одержимая над довольно пресными Митиными анекдотами и думала, что теперь-то уж я окончательно спятила.

– А, вот еще вспомнил... Возвращается женщина домой с работы, после магазинов, усталая, на каждом пальце по авоське. За ней в лифт вбегает маньяк-эксгибиционист в плаще, под плащом никакой другой одежды...

– Сейчас вернусь, – прервала я Митю, – я на соседней поляне видела землянику.

– Только не заблудись! – крикнул он мне вслед.

Никакой земляники я не видела, да и не до земляники мне было сейчас. Я отошла довольно далеко, так, чтобы меня не было видно с нашей полянки, и, затаив дыхание, спряталась в кустах. Я смотрела на Шурочку, которая и не подозревала о том, что за ней наблюдают, и пыталась понять, какой ответный ход она придумывает, чтобы заранее ответить на удар.

Издали, на фоне склоняющегося к реке солнца, Шурочка выглядела еще прелестнее. Ее силуэт был окружен сиянием, черная гладкая головка вертелась при разговоре из стороны в сторону – она что-то рассказывала Мите и отчаянно жестикулировала, а Митя хохотал, кивая в ответ. Без меня она вела себя чуть-чуть по-другому, что-то неуловимо менялось в ее поведении, словно в ней сидело два разных человека.

Внешность для женщины, конечно, имеет первостепенное значение, без формы любое содержание ничего не стоит. Но женщина без мозгов тоже абсолютно бесперспективна. Поэт Заболоцкий о красоте: «Огонь она, мерцающий в сосуде, или сосуд, в котором пустота...» У Шурочки вполне и того, и другого хватало, недаром Митя столь усердно кивал ей в ответ, словно поставил себе целью вывихнуть шею. Я – ярче, я, возможно, с общепринятой точки зрения, успешнее – у меня все есть, и даже больше того, потому что меня еще и любят так, о чем каждая женщина мечтает... Но нет ничего опаснее зарвавшегося самолюбия!

Я даже почувствовала нечто вроде ужаса, когда поняла, что чересчур себя переоцениваю. Осторожная, умненькая, начитавшаяся книжек по психологии Шурочка может сделать мне такую подножку, после которой я уже не встану.

Митя, Митя, как ты мог забыть обо мне! Почему не ищешь, ведь я вполне могла заблудиться? Почему ты слушаешь ее, открыв рот? В этот момент, сидя в каких-то колючих кустах и отбиваясь от мерзкой мошкары, я в первый раз очень сильно разозлилась на него.

Тем временем Шурочка оглянулась – незаметно для Мити и хорошо заметно для меня, – словно проверяя, нет ли кого рядом. Меня она, конечно, не увидела, я замаскировалась так, что сам Штирлиц позавидовал бы мне, жаль только, не слышно, о чем они говорят, но подобраться ближе было невозможно. Оглянувшись, она замолчала, полузакрыв глаза, потом приблизила свое томное личико к Митиной глупой физиономии и поцеловала его.

Если бы у меня в руках был секундомер, я непременно проверила бы, сколько длился этот поцелуй. Потому что мне он показался безобразно долгим...

То был хороший ответный удар – тем более что физически я испытала боль от Митинового предательства, ибо он позволил целовать себя слишком долго. На Шурочку я не обиделась, нет – она вела свою игру, в которой я добровольно согласилась участвовать. Я даже обрадовалась, что сумела разгадать ее планы.

Она хотела отнять у меня Митю!

Поэтому она была так фамильярна с ним и нежна. Поэтому так долго болтала с ним на всякие автомобильно-технические темы, подкупая его своей заинтересованностью, – а что может быть приятнее для фанатичного автомобилиста! Мне даже пришла в голову мысль, хоть и дикая, но вполне логичная: что перед этой поездкой она специально пролистала журналы о машинах, возможно, даже взяла консультацию у какого-нибудь знающего

мужичка, чтобы потом свободно – даже чересчур свободно! – болтать о моторах! Именно поэтому она не взяла с собой сына – он мог ей помешать. И именно поэтому она отказалась от предложения познакомить ее с кем-нибудь из Митиных друзей – потому что у нее был план!

Итак, она хотела отнять у меня Митю... Скучного, серого мужичонку, которому я собственными руками помогла купить его дурацкую машину. Ей это надо было для того, чтобы вновь унижить меня, вновь показать всему миру, какая я некрасивая и глупая, даже веснушки не могу как следует вывести.

Ну уж нет! Она его никогда не получит, только через мой труп...

Тем временем Митя деликатно отстранил от себя Шурочку, которая после затяжного поцелуя все еще продолжала его обнимать, и внимательно оглядел окрестности. На его лице была тревога и тоска, словно он по собственной глупости попал в неприятную ситуацию, из которой теперь не знал как выбраться.

Я шарахнулась назад, в самые заросли, лихорадочно ища в густой траве землянику, дабы мне было чем оправдать свое отсутствие.

Земляники поблизости не обнаружилось, зато я увидела у себя под ногами огромный мухомор.

– Таня, ау! – закричал Митя уже совсем рядом, и в его голосе слышалось самое настоящее беспокойство.

Я схватила мухомор за толстую ножку и вылезла из своего укрытия.

– Ты где пропадала так долго? – строго спросил меня Митя.

– Искала землянику...

– А это что?

– Это мухомор. Знаешь, по-моему, сейчас неурожайный на ягоды сезон...

– О господи! Ладно, пошли... – и он взял меня под руку. В другой руке я торжественно несла ярко-красный пупырчатый гриб, больше похожий на марсианское существо, чем на порождение земли.

– Надеюсь, Шурочка не дала тебе соскучиться? – невинным голосом спросила я.

– Не дала, – мрачно пробурчал Митя.

– Где же ты пропадала? – преувеличенно встревоженным голосом воскликнула Шурочка, когда мы с Митей появились на нашей поляне.

Я молча показала ей гриб.

– Ах, какой дивный мухомор! Его надо непременно сфотографировать.

– Митя, мой фотоаппарат на сиденье, – махнула я в сторону машины.

Митя послушно принес его, а я тем временем придвинулась тесно к

Шурочке, сидевшей возле потухающего костерка на бревне, крепко обняла ее и прижалась щекой к ее щеке, так что Шурочкина колючая сережка больно впиалась мне в шею.

– Митя, нажимай на кнопку! А ты, Шурочка, скажи «сы-ыр»! – крикнула я, размахивая мухомором. А про себя подумала: «Ты самая настоящая иуда. Но я не дам тебе торжествовать. Я тоже что-нибудь придумаю!»

Всю обратную дорогу я старалась ничем не выдать своей тайны, не дать понять Шурочке, что ревную ее к Мите. Я болтала и смеялась, тормозила ее, и чем сильнее я заводилась, тем больше она мрачнела. Вид у нее был усталый, возле глаз легли серые тени – сейчас она казалась старше своих лет.

– Дорогуша, у тебя как будто уже «гусиные лапки»! – вдруг забеспокоилась я, вглядываясь в ее утомленное личико.

– Что ж ты хочешь, – равнодушно произнесла Шурочка, отворачиваясь к окну, за которым проносился вечерний лес, весь пронизанный заходящим солнцем. – Годы-то наши не девичьи...

«А она хорошо ответила – «наши годы», – сообразила я. – Этак теперь Митя тоже начнет искать у меня «гусиные лапки»!»

– У меня есть очень хороший французский крем, – заботливо предложила я. – Знаешь, очень помогает...

– Спасибо, Таня, – ответила Шурочка, пронзая меня ледяным взглядом.

«Что, не нравится? А каково было мне от твоих дурацких советов...»

Дома я едва нашла в себе силы покормить кота и бросить сухой корм рыбкам – тяжелое, гнетущее чувство тянуло меня к земле. Я упала на диван и не вставала до позднего вечера. Борьба с Шурочкой высосала из меня все силы, тем более что большую часть из них я потратила на подавление собственных чувств – мне до смерти хотелось устроить Мите скандал, но я знала, что это будет только на руку Шурочке. Сначала она рассорит нас, потом уведет моего возлюбленного, а я, одинокая, несчастная, никому не нужная...

Кот после сытного обеда вспрыгнул на аквариум, лег на широкий борт и попытался лапкой поймать рыбку. Но полный желудок лишил его энергии, и Луи, лениво наклонив мордочку, стал лакать воду. Я шикнула на него и опять откинулась на подушки.

– Тата, – прервал мои горестные размышления Митя, – я тебе должен кое в чем признаться.

– Что? – слабым голосом отозвалась я. – Ах да, конечно, я тебя

слушаю...

– Помнишь, мы некоторое время назад говорили о Шурочке, после того как в первый раз побывали у нее в гостях?

– Помню, – отозвалась я, привстав на локте.

– Ты призналась, что не считаешь Шурочку своим настоящим другом, а я отругал тебя за чрезмерную подозрительность...

– Да, да, я очень хорошо это помню!

– Мне кажется, кое в чем ты была права... – Митя присел передо мной на корточки и взял за руку.

Я отлично знала, что Митя человек мягкий и деликатный, что даже в самой экстремальной ситуации он не будет резать правду-матку, а как-нибудь косвенно и изящно обрисует положение дел, чтобы не слишком взбудоражить собеседника. Поэтому его деликатное «мне кажется, кое в чем ты была права...» пролилось мне на душу живительным бальзамом. Неужели он собирался мне рассказать о Шурочкином поцелуе? Редко какой из представителей сильного пола способен на подобные признания...

– А мне кажется, ты самый необыкновенный и удивительный человек на свете, – проникновенно сказала я. – Таких мужчин, как ты, не существует. Да, ты мне просто снишься...

– Тата, ты все шутишь, но одно обстоятельство не дает мне покоя. Я не могу от тебя что-то скрывать, и потом – произошедшее произвело на меня такое неприятное впечатление, что я просто обязан рассказать о нем, чтобы избавиться наконец от этого чувства. Это началось не сегодня, уже довольно давно.

– Хорошо, Митя, – кротко сказала я. – Так и быть, стану на какое-то время твоим психоаналитиком. Хотя я не так сильна в психоанализе, как, например, твоя Шурочка.

– Она не моя! – сердито рявкнул Митя – мужское в нем все-таки прорвало лоск цивилизованности. – И к черту психоанализ! «Димитрий, нельзя вкладывать весь мир в одну женщину, это мешает самовыражению. Димитрий, давайте я вам помогу избавиться от этого наваждения», – пропищал он тоненьким манерным голоском.

– Она тебе так говорила?! – Я чуть не до потолка подскочила на своем диване. Ну Шурочка! Даже чересчур ретиво ты взялась за дело!

– Говорила! А сегодня, когда ты ушла за своей дурацкой земляникой...

– Митя, Митя, молчи! – прикрыла я его рот ладонью. – Я все поняла. Забудем о Шурочке.

– Терпеть не могу таких лицемеров! – с холодной яростью произнес он. – Я ее видел в последний раз – запомни это.

– Конечно, – успокаивающе погладила я его по голове. – Больше ты ее не увидишь.

– Я тебя обожаю, – вдруг сказал он, с такой страстью стискивая меня в объятиях, что мне вздохнуть невозможно стало. – И когда кто-то с цитатами из классиков начинает доказывать мне, что мои чувства ложные, что моя любовь – результат каких-то застарелых детских комплексов...

– Что? – вырвавшись из его объятий, расхохоталась я. – Она так сказала? Очаровательно...

– Да... Не зови ее, не приглашай больше, я не хочу ее видеть. Знаешь, я еще боюсь, что ты будешь ревновать меня к ней и в конце концов меня бросишь, а я без тебя не могу. Я тебя обожаю!

Бедный Митя! Оказывается, он боялся того же, что страшило и меня. Запоздавшее раскаяние вползло в душу: выходит, я совершенно напрасно ревновала его и злилась – Шурочкины ухищрения ни к чему не привели. «Я была права. Она мне не друг. Хотя, конечно, ничего особенно страшного она не сделала – вокруг полным-полно хищниц, которые делают подобные пакости своим близким подругам, и никто не ставит на них клеймо преступниц. Это ужасно, конечно, но в нашем мире каждый сам за себя, каждый борется за свое счастье как умеет... Шурочку даже жалко – она так одинока! Впрочем, нет, совсем не жалко, даже интересно, что она еще предпримет».

– Митя, – с напускной серьезностью спросила я, – а вдруг моя бывшая одноклассница права – нельзя вкладывать целый мир в одну женщину, в меня то есть?..

– Какие глупости, – пробормотал он, с закрытыми глазами целуя мое лицо, – ты же знаешь, у меня полно других интересов...

– Машина, работа... – подсказала я.

– Ну да, машина, работа, друзья. А тебя я люблю. Нельзя любить больше одной женщины... Нет, можно, конечно, но тогда ни одно из этих чувств не будет полноценным.

– Митя, ты меня пугаешь! Ты не зануда случайно? – продолжала я его дразнить.

– Нет. Просто я тебя люблю. А ты меня?

– Митя, что за нежности, это чересчур...

Я, конечно, испытывала к нему очень глубокое и яркое чувство, но часто признаваться в любви было выше моих сил. Я старалась как можно реже говорить о ней, потому что каждый раз мне казалось, что я лгу, и меня это пугало.

Считается, что обычно в жизни все бывает наоборот – женщины более

романтичны, они не скрывают своих чувств и обожают говорить о них мужчинам, но на самом деле это бывает редко. Да, они любят говорить о любви, но только в своем, женском кругу. И только совсем потерявшая голову от страсти женщина способна без конца твердить о своих чувствах мужчине... пока не вызовет у него отвращение. В остальных же случаях – это игра, игра и еще раз игра.

С Митей я хотела быть честной. Я не могла ему твердить ежечасно и ежеминутно, что без ума от него, но и не отвечать на его чувства я тоже не могла. Поэтому каждый его вопрос «А ты меня любишь?» вызывал у меня замешательство. Не раз я замечала за собой эту эмоциональную холодность – мое несчастье и мое достоинство, уж не знаю, чего тут больше – плохого или хорошего... Наверное, я вообще слишком холодна, ведь именно по этой причине мне пришлось расстаться с моим первым мужем. Да и со вторым тоже, если задуматься, – я не хотела вкладывать в него душу, жертвовать чем-то.

– Татка, ты меня любишь?

– Митя, перестань, наступит инфляция! – Я стремилась перевести все в шутку, но он с каким-то исступленным отчаянием продолжал ласкать меня.

– Сегодня на пляже ты была такая красивая! Завела меня ужасно, когда сбрасывала с себя одежду... – шептал он мне словно в забытьи. – Я даже ждал, что ты и купальник скинешь, потому что ты все делала по-настоящему, вдохновенно...

– Митя, я не сумасшедшая, мы не на нудистском пляже были.

– Сделай для меня то же самое сейчас, но чтобы уж до самого конца...

– Митя, я страшно устала, мы два часа тряслись на машине по кочкам!

– Я тебя умоляю!

Для меня совсем несложно было повторить спектакль, но холодное, жестокое упрямство вдруг напало на меня, и это было невыносимо – два совершенно противоположных желания раздирали меня: я хотела сделать приятное человеку, который бесконечно любил меня, и не могла... Слезы полились из глаз неожиданно. Я плакала, а Митя пытался осушить мои слезы губами и был так нежен, как ни один мужчина на свете.

Он больше ничего от меня не требовал, он просто ласкал меня, и я молча, безропотно отдавалась его прикосновениям и думала, что только его я, наверное, смогу полюбить. Вот пройдет еще немного времени – и я смогу сказать ему, что тоже люблю его бесконечно и только смерть разлучит нас...

* * *

Мне красиво причесали волосы, загнули ресницы и только слегка припудрили лицо прозрачной пудрой, чтобы не скрывать веснушек.

Я сидела в студии вместе с режиссером, актером Коломийцевым и его женой, сыгравшей в нашем фильме Марийку, главную героиню. На самом деле актрису звали Ксенией, и она была уже бывшей женой Коломийцева – звездная парочка успела развестись этой зимой. Впрочем, вели они себя как старые друзья.

Наш фильм смогли хорошо раскрутить, и, кроме того, он действительно понравился народу. При всей тенденциозности он был милым и совсем не чернушным, после него не хотелось плевать. «Багровый туман» сумел завоевать несколько премий, и теперь его, судя по слухам, собирались везти чуть ли не в Канны. Впрочем, это были пока слухи, и наш режиссер не особенно о них распространялся, будучи от природы человеком суеверным.

Передачу вел некий Костя Грелкин – молодой телеведущий из тех, которых так много развелось в последнее время, что ни имена, ни лица не успевали запомниться. Нечто среднего рода, приветливое и болтливое.

Сначала Костя со всякими остроумными фразочками и умными цитатками беседовал о кино с режиссером – блеск, игра слов, ярко, но абсолютно ничего не понятно. Режиссер подыгрывал Косте, отвечал ему в том же интеллектуальном духе. Даром, что ли, перед записью они выпили по стаканчику подозрительно бесцветной жидкости: глаза у режиссера сверкали, борода топорщилась, пальцы складывались по ходу разговора в какие-то невероятные комбинации.

Затем в разговор вступил Коломийцев и томным ленивым голосом стал рассуждать об искусстве вообще. Марийка, она же Ксения, загадочно молчала, кутаясь в огромную пеструю шаль, и вообще, судя по всему, была далека от происходящего. Я зверски потела от яркого света софитов. Погода располагала к летней неге и отдыху на загородном участке, но никак не разговорам об искусстве.

– Зрителям особенно запомнилась наша дорогая Танита, Танечка Танеева, сыгравшая в фильме Фроську, – наконец подступился и ко мне егозливый Костик. – Танечка, расскажите немного о себе, а то мы о вас ничего не знаем – вы так молоды... Вы метеоритом ворвались в наш кинематографический мир!

Камера смотрела прямо на меня, и, судя по всему, оператор в студии

снимал меня сейчас крупным планом, дабы все мои веснушки были видны телезрителям.

– Говорить особенно нечего, – сказала я, глядя в лицо Костику. – Хотя, признаюсь, эта роль потребовала от меня больших усилий. Женщину из народа играть труднее, чем герцогиню.

– Чистая правда, – по-разбойничьи ухмыльнулся в усы режиссер. – Натурные съемки дались нам всем нелегко!

– Танечка, вы довольны своей работой в кино? Вас узнают на улице?

– Узнают, – честно ответила я. – Меня трудно не узнать.

Они все заржали, даже томная Ксения изящно усмехнулась. Говорили, что ее собираются снимать в каком-то фильме про Блока, где она должна будет сыграть Любовь Дмитриевну. Наверное, сейчас она входила в образ Прекрасной Дамы.

Костя Грелкин придвинулся ко мне поближе и спросил со жгучим интересом:

– Танечка, а веснушки у вас натуральные?

– Натуральные, – кивнула я. Я была хладнокровна и равнодушна, никакое лицедейство не могло вывести меня из себя. – А также цвет волос, глаз и все прочее...

Все опять заржали. Ксения капризным голосом вспомнила про Памелу Андерсон с ее имплантантами, режиссер тут же возразил, что у звезды Голливуда давно опять все вынули, а Грелкин ловко подытожил:

– Наши русские красавицы всегда впереди планеты всей!

– Тане досталась самая трудная роль, – произнесла изнеженным голосом Ксения. – У нее был очень сложный грим, определенные проблемы с костюмом... Да, Танюша права – женщину из низов гораздо сложнее сыграть, чем какую-нибудь фрейлину при дворе Людовика Четырнадцатого. Простота требует сложности.

– Танечка, а что в вашей роли показалось вам самым трудным?

– Да, в общем-то, ничего... Как режиссер сказал, так я и сыграла.

Режиссер внезапно вдохновился, хлопнул Грелкина по плечу:

– Костя, игры как таковой сейчас уже нет! Зрителю страшно приелся актер с его ампула, с его точно выверенным характером... Все это проблемы театра, а кино решает совершенно иные вещи. Игры как лицедейства не должно быть видно – слова и поступки персонажа естественны, он не рвет на себе волосы и не плачет глицериновыми слезами, его поведение – это поведение человека из толпы. Отсутствие всякой системы Станиславского и иже с ней!

– Вы что же, отрицаете актерскую школу? – нарочито сурово

нахмурился Грелкин.

– Боже упаси! – всплеснул руками режиссер. – Мы говорим совсем о другом – о зрительском восприятии, а школа... школа обязательно должна быть! Другое дело, что наша Фрося... пардон, Танечка, оказалась настоящим самородком. Профессиональное образование ее не испортило.

– Искусство прошлого безнадежно устарело, – глядя куда-то вдаль, за шеренгу осветительных приборов, задумчиво произнесла Ксения. – Недаром же Шекспир сказал: жизнь – театр, люди – актеры. Кино уже сейчас снимается скрытой камерой, среди обычных людей, о самых банальных жизненных ситуациях. Все эти новомодные ток-шоу...

– Таня, вы хотели бы, чтобы о вашей личной, интимной, так сказать, жизни сняли полнометражный фильм? – азартно подмигнул мне Костя Грелкин.

Перед моими глазами, как в замедленной киносъемке, промелькнули эпизоды прошлого. Шурочка в канареечно-желтом свитере чертит пальцем по краю бокала, напротив нее Серж Мельников, а я где-то в углу полутемного зала, мои глаза блестят жалобно и тоскливо, обкусанные, пересохшие губы исступленно шепчут что-то, словно молитву... Следующий эпизод – десять лет спустя: на лице ослепительная улыбка, элегантный костюмчик, зажигательный танец, восхищенные лица окружающих. Мельников рядом, на его лице интерес и участие, Шурочка на заднем плане, ее лицо кривится в недоброй, завистливой гримасе, Серж уходит, в моих глазах опять тоска, Шурочка усмехается... Кадр быстро меняется: полумрак, сбитые шелковые простыни, два обнаженных, сплетенных в тесном объятии тела, жадные поцелуи, его вопрос – «Ты меня любишь?» и мой задышающийся, без ноток сомнения голос – «Да»...

Словно молния пронзила все мое тело – от макушки до кончиков пальцев на ногах, потому что моего любовника в эротической сцене играл Серж.

– Это было бы забавно, – лениво ответила я. – Получилась бы неплохая мелодрама. Вообще, если главная героиня женщина – ничего, кроме мелодрамы, не получится.

– А если герой – мужчина?

– Только комедия, – изнеженно улыбнувшись, вставила Ксения.

Все опять заржали, Грелкин замахал руками:

– Позвольте, позвольте, но я точно знаю, что есть еще один жанр!

– Неужели? – ехидно осклабился режиссер. Судя по всему, этот разговор ужасно его забавлял.

– Трагедия!

– Bravo, bravo! – захлопала в ладоши Ксения, но у меня сердце сжалось, словно от нехорошего предчувствия, потому что я вспомнила, отчего трагедия называется именно так. На миг я попыталась представить себе последний эпизод фильма о моей личной жизни трагическим, но тут же отогнала картинку от себя – мелодрама меня вполне устраивала.

– Трагедия – слишком чистый жанр. Она часто присутствует в жизни, но ее никто не любит, она чересчур театральна, ненатуральна по сути своей. Трагедия была хороша для Древней Греции, где она, собственно, и зародилась, но для нынешнего времени она не годится, ибо никто сейчас не хочет переживать катарсис.

– Да, никто не хочет, – горячо поддержал режиссера Коломийцев. – В нашей жизни и так хватает неприятностей. Еще на каких-то вымышленных персонажах нервы тратить!

– Грекам было хорошо, она жили по суровым и простым законам: кружка виноградного вина, лепешка пресного хлеба, горсть оливок – и все, ничего больше не надо. Я им завидую, что они не знали благ нынешней цивилизации и теперешней демократии. Хотя демократию, кстати, тоже они изобрели... Простой поход из дома в магазин за той же бутылкой вина и оливками...

– Фаршированными анчоусами!

– Мерси, коллега... Так вот, простой поход в магазин оборачивается иногда таким катарсисом, что трагедия на экране просто меркнет перед этим!

После записи в студии, еще не выходя из телецентра, я позвонила Шурочке. Я не видела ее несколько дней, после того пикника на природе, и мне уже не хватало ее. Во время разговора с Грелкиным ее образ так неожиданно и так ярко вспыхнул в моей памяти, что я поспешила тут же с ней связаться, словно какая-то неведомая сила заставляла меня продолжать игру. «Еще не финал», – подумала я. Митя, конечно, не захочет с ней больше встречаться, но кто помешает мне видеть Шурочку без Митино присутствие?

– Алло! Здравствуй, дорогая... Как у тебя дела?

– Здравствуй, – медленно ответила Шурочка, точно пробуждаясь ото сна. – Я только что с работы пришла. А ты где пропадала?

– Да вот, звоню тебе из телецентра. Интервью с участниками фильма и все такое... Говорят, наш «Багровый туман» на Каннны собираются везти.

Все эти разговоры о Каннах были еще вилами на воде написаны, но мне очень хотелось поддеть чем-нибудь Шурочку. Я знала, что к моим успехам она не останется равнодушной.

– Канны? – окончательно пробуждаясь к жизни, окрепшим голосом произнесла моя бывшая соседка по школьной парте. – Это просто дивно, я тебя поздравляю...

– Да ладно, – легкомысленно отозвалась я. – Лучше расскажи – как ты, как Витюшка?

– С Витюшкой все в порядке, со мной тоже, – все более оживленным голосом говорила Шурочка. – Знаешь, Танечка, я по тебе ужасно соскучилась. Мне тебя не хватает!

«Знала бы ты, как мне тебя не хватает!»

– Так в чем проблема, дорогая? Давай встретимся, поболтаем.

– Отлично! – выдохнула в трубку Шурочка. Мне даже показалось, что от ее бурного дыхания у меня разлетелись волосы – столько энергии и жажды встречи было в ее голосе. – У меня как раз дома мама, она посидит с Витюшкой. Мы могли бы зайти к тебе.

– Да, понимаешь, у меня тоже не особенно удастся поболтать, – уклончиво ответила я. – Может быть, встретимся где-нибудь в центре?

– Хорошо... Где?

– Бульварное кольцо. Тверской бульвар, например.

Я назвала первое пришедшее в голову место и только потом сообразила, что Шурочке будет неудобно добираться туда от своего дома, но она откликнулась с энтузиазмом:

– Еду!

– Тогда на Тверской, у памятника Пушкину...

Сердце у меня билось так, словно я назначила свидание любимому мужчине. Да и Шурочка очень хотела меня видеть, никакие преграды ей не мешали. «Что же все-таки это такое? – размышляла я, через некоторое время подъехав на Тверскую и бродя кругами вокруг величественного, покрытого зеленоватой патиной памятника. – Какая сила продолжает сводить нас вместе, чего мне ждать от нашей дружбы? Нет, не дружбы, это что угодно, но только не дружба...»

Был жаркий вечер начала июля, седьмой час, но солнце светило так же неистово, как и в полдень, от нагретого асфальта поднималось вверх дрожащее сизое марево. Вокруг бронзового Пушкина толпами ходили влюбленные – юноши с цветами, кокетливо наряженные девушки, то и дело поглядывающие на часики. У всех были веселые, немного сумасшедшие лица, это тепло и долгие ясные вечера были настоящим праздником. На лавочках гроздьями сидели люди, все пили пиво, и даже в воздухе витал хмельной, будоражащий запах.

Ко мне несколько раз пытались пристать какие-то юнцы, потом

подошли взять автограф... Никто в точности не знал моего имени – его перевирали страшно, зато все очень хорошо помнили мое лицо, хотя в последнее время рекламу с обувью Веронезе крутили не так часто.

Шурочка появилась ровно через полчаса. Вид у нее был странный – утомление явно читалось на ее лице, зато глаза блестели от возбуждения.

– Ох, какая жара! – сразу же пожаловалась она. – А на работе кондиционер сломался...

Мы не были исключением из толпы людей – пошли на Тверской бульвар пить пиво. На бульваре было не так шумно, и свободную лавочку нам все-таки удалось найти.

– Ну, рассказывай! – приказала Шурочка, едва мы только сели.

– Такая суматоха была сегодня в телецентре, и не скажешь, что середина лета... – начала я с каких-то пустяков. Я уже почти забыла о записи в студии, но Шурочка требовала подробностей, и это было довольно странно – родная мать так не радовалась моим успехам.

Мучая раскисшую на жаре память, я принялась пересказывать сегодняшнее интервью с создателями фильма. Может, я чего-то не понимала и Шурочка просто хотела через меня познакомиться с какой-нибудь знаменитостью?

– Видишь ли, сегодня большой интерес к некоммерческому кино... – распиналась я, время от времени отхлебывая из горлышка тепловатое пиво, а Шурочка не сводила с меня блестящих темных глаз.

В который раз я заметила, что вид у нее какой-то слишком дамский – эта чересчур элегантная короткая стрижка, классические лодочки, вызывающе скромный летний костюмчик. Бизнес-леди, одним словом. Я не была ни завистливым, ни злорадным человеком, но то обстоятельство, что моя подружка выглядела гораздо старше меня, почему-то грело мне душу.

– А как Митя поживает? – наконец после долгого обсуждения моих телевизионных успехов спросила Шурочка. Я давно ждала, что она это сделает...

– Как? Нормально. – Я пожала плечами. – У него теперь новая игрушка, возится с ней с утра до вечера.

– Да, мужчины... – неопределенно заметила она. – Машина! Наверное, про тебя совсем забыл.

– Ах, если бы! – устало засмеялась я. – Ночью устраивает такую корриду! Знаешь, иногда даже устаешь от подобного обожания...

Я, конечно, немного преувеличила, но в глазах у Шурочки что-то промелькнуло.

– На пикник в следующие выходные не собираетесь?

– Пикник, пикник... – пробормотала я словно в задумчивости. – Боюсь, вряд ли. Знаешь, дорогая, Мите чем-то не понравился наш предыдущий выезд.

– Что?

– Не знаю, – пожала я плечами, изобразив недоумение. – Наверное, жара на него плохо подействовала.

Шурочка то краснела, то бледнела, и я вдруг вспомнила, что она точно так же менялась в лице, когда смотрела на меня в далекой юности, – ее что-то влекло ко мне и одновременно отталкивало.

– Он объяснил, что ему не понравилось? – медленно спросила она.

– Н-нет... просто плохое настроение, голова болела, наверное.

– Может быть, ему не по душе мое общество?

Я энергично затрясла головой:

– Да что ты! Как можно! Я думаю, он в полном восторге от тебя, Шурочка, тебя же все любят...

Она тихо засмеялась и погладила меня по плечу:

– Не говори так. Это тебя все любят.

– Ладно, обойдемся без Мити, – вздохнула я. – Я бы с удовольствием встречалась с тобой и без него. Честно говоря, он меня уже замучил своей любовью.

– Что ты, разве любовью можно замучить?

– Еще как! Да, вспомнила – именно после пикника Митя сделал мне очередное предложение.

– Ты согласилась?

– Нет, я ему ничего определенного не сказала. Хотя бог троицу любит...

В прелестных темных глазах Шурочки мелькнула грусть – она была так тиха, так задумчива в этот момент, что я испытывала к ней почти дружеские чувства. «Стыдно, мадам Танеева, – упрекнула я сама себя, – доводить бедную женщину, которая ни разу не была замужем! – И тут же самой себе возразила: – Но зато она теперь знает, что соблазнить моего Митю не так-то просто. Если она это поймет, то с ней спокойно можно дружить».

А Шурочка, наверное, в этот момент вспоминала, как поцеловала Митю там, на поляне.

– Он хороший, – произнесла она с какой-то светлой, безнадежной печалью. – Соглашайся...

– Может быть... Знаешь, Шурочка, – сказала я тихо, словно делилась с ней самой сокровенной своей тайной. – Я Митю еще не очень хорошо

понимаю. На самом деле я очень ревнивая, у меня и в прежних браках были проблемы с этим. Как ты думаешь, он когда-нибудь даст мне повод для ревности?

Я несла полный бред, но для меня было важным показать Шурочке, что я делюсь с ней чем-то очень личным, что считаю ее мнение важным для себя. Она посмотрела на меня с изумлением и громко, от души рассмеялась, даже голуби, клевавшие рядом в пыли какие-то крошки, разлетелись в разные стороны.

– Это просто... просто дивно! – едва смогла она произнести сквозь смех. – Таня, ты не видишь очевидного, оказывается.

– А что такое?

– Твой Митя не изменит тебе, даже если его будут соблазнять самые признанные красавицы мира!

– Разве такие мужчины существуют? – решила я подпустить сомнения.

– Нет, но Митя исключение. Очень редкое исключение, своего рода игра природы. Он будет верен тебе всегда.

Последние слова она произнесла очень твердо, и даже нотка презрения промелькнула в ее голосе – видимо, она до сих пор досадовала на это Митино качество. Я поняла, что она больше никогда не повторит попытки свернуть моего возлюбленного с пути истинного.

Мы допили пиво и медленно пошли в сторону Никитских ворот. Один вопрос еще мучил меня, я уже не раз пыталась подступиться с ним к Шурочке. Сейчас, после ее ответа, искренность которого я не подвергала сомнению, мне опять хотелось поговорить о Нем. О том человеке, которого я до сих пор не могла забыть.

– Шура, можно задать тебе нескромный вопрос? – решила я сразу взять быка за рога. – Почему вы сейчас с Сержем не вместе?

Она усмехнулась и ответила, глядя куда-то в сторону:

– Значит, между нами, девочками, говоря, тебя все еще интересуется это? Не получилось.

– Ты не захотела?

– Может, и не захотела... Таня, ты в который раз меня о нем спрашиваешь, – произнесла она. – И я вижу, что дело уже не во мне. Давай, выкладывай, – с очаровательной фамильярностью дернула она меня за рукав.

«А что, если и вправду ей все рассказать? – мелькнула у меня мысль, и, несмотря на жаркий летний вечер, холодок пробежался вдоль спины. Никто не знал моей тайны, этой невинной, пустяковой тайны о моей детской любви к бывшему однокласснику. А мне уже надоело носить ее

внутри себя. – Да, надо ей все рассказать и освободиться наконец от наваждения. Именно ей, потому что она тоже любила его».

– Я часто вспоминаю Мельникова, – легким эпическим тоном начала я. – Когда-то в детстве он мне очень нравился. Детская влюбленность, какие-то смешные глупости...

– Почему же смешные? – возразила Шурочка, уже не румяная, а интенсивно-пунцовая – мое заявление о любви к Сержу не оставило ее равнодушной. – Он мне тоже был небезразличен, ты же знаешь... Прости, я тебя перебила, кажется.

– У вас с ним был самый настоящий роман. Красивый, вами любовалась вся школа, все так возвышенно, необыкновенно, страстно... А я сидела в уголке и мучилась безответно.

– В каком уголке?

– Ну, это я так, образно... Ты же помнишь, какой некрасивой я была в детстве. Разве я тогда могла надеяться на взаимность! – усмехнулась я.

Шурочка молча шла рядом, потом вдруг с каким-то облегчением повернулась ко мне, словно ей не надо было больше ничего скрывать, и сказала, сияющая, нежная, возвышенная, снова семнадцати золотых годков:

– А уж как я его любила!

– Я была очень счастлива тогда, даже несмотря на неразделенность моих чувств.

– И я, и я!

Мы засмеялись вместе, схватившись за руки, как дети.

– Почему же ты мне не сказала тогда ничего, мы же сидели с тобой за одной партой!

– Зачем? – удивилась я.

– Мы бы болтали с тобой о нем, о Мельникове...

– Разве тебе не с кем было поговорить о нем, кроме меня?

– Было, но ведь ты тоже любила его! Хотя... хотя все девчонки по нему с ума сходили. Сын дипломата! – произнесла она, и мне показалось, что в голосе ее мелькнула издевка.

– Да, не чета нам. – Я сознательно обобщила с собой и Шурочку. Она было поморщилась недовольно, но потом прежняя радость снова вернулась к ней.

– Вот за Сержа я бы вышла... – призналась она мечтательно.

– Да вы вроде и собирались пожениться после школы, – напомнила я.

– Неужели? Ну, впрочем... жизнь все расставила по своим местам. Так ты говоришь, что тоже любила его? В этом нет ничего удивительного, странно другое – что ты его помнишь до сих пор.

– Нет, я так, просто к слову пришлось...

– Неправда! – покачала она головой. – Ты его в который раз при мне поминаешь, словно все эти десять лет сидит в твоей груди заноза, не дает тебе спокойно дышать.

– Шурочка, это случайно.

– Нет. – Она посерьезнела, лицо стало вдохновенным, словно какая-то неожиданно пришедшая мысль поразила ее. – Таня, а вдруг он твоя судьба?

– О боже! – Теперь настала моя очередь поморщиться. Я терпеть не могла этой лживой бабской мудрости – «твоя судьба», «стерпится-слюбится», «все мужики сволочи», «путь к сердцу мужчины лежит через желудок» и прочая дребедень. – Шурочка, ты что, мыльных сериалов насмотрелась?

Она немного обиделась, но продолжала гнуть свою линию:

– Извини, я слишком упрощенно выразилась... Но в душе каждого человека существует образ возлюбленного, с определенными внешними и внутренними данными. Детские впечатления – самые сильные, и кто знает, может быть, ты теперь до конца жизни запрограммирована на Сержа Мельникова.

– Чушь!

– Милочка, ты что, отрицаешь подсознание? – с такой обидой спросила она меня, словно я отрицала существование бога. – А как ты тогда объяснишь три твоих неудачных брака?

– Не три, а два, и не таких уж неудачных.

– Вот именно! Ты сама отдаешь себе отчет, что в твоих замужествах все было вполне нормальным, только тебе хотелось чего-то другого... Тебе хотелось быть рядом с Мельниковым, ты искала его черты у своих мужей и не находила, а не найдя, оставляла их!

– Шурочка, я тебя умоляю... – простонала я. В ее словах была доля правды, с которой я никак не могла смириться.

– Не перебивай меня. – Она возбуждалась все больше, щеки из пунцовых сделались малиновыми, блеск глаз достиг такой силы, что мне страшно было заглянуть в них. – Теперь возьмем Митю...

– Возьмем Митю, – машинально повторила я. – Стой! Нет, лучше не надо его брать!

– Надо, Таня, для твоего же блага... Вот ты говоришь, что он безумно любит тебя, постоянно тебя хочет и уже достал предложениями руки и сердца. А что ты?

– Что я?

– А ты к нему холодна и ничего, кроме признательности и жалости, не

испытываешь. Если б ты его действительно любила, то давно бы вышла за него замуж!

– И что это значит? – несколько обалдело спросила я.

– Это значит только одно, – жестко ответила Шурочка. – Ты будешь счастлива лишь с Сержем Мельниковым.

– Ха, нужна я ему! – Я ответила Шурочке именно так, хотя в тот момент думала о Мите, о том, люблю я его или нет, и вообще, может быть, лучше прожить жизнь без всякой любви...

– Нужна. Вспомни наш юбилейный вечер в начале марта.

Да, если она напомнила мне тот вечер, то действительно на нем что-то было между мной и Сержем, раз она это заметила.

– Мы танцевали вместе. И все.

– А подтекст?

– Какой еще подтекст?!

– Слова, взгляды, прикосновения, невольный вздох, трепет в сердце...

– Но он же не пошел вслед за мной, не попросил о новой встрече. Ты сама подумай – с тех пор прошло... – Я стала загибать пальцы. – С тех пор прошло четыре месяца! Если бы я была нужна ему, он бы давно объявился. Четыре месяца!

– Кстати, это не так уж и много, – хладнокровно возразила Шурочка. – Чтобы прийти к какому-нибудь важному решению, иногда требуется и больше времени. Это же внутренняя работа, осознание каких-то незримых процессов, накопление энергии... Вспомни, тесту, прежде чем подойти, надо, чтобы оно полежало, накопило углекислоту.

– Это я понимаю, – терпеливо сказала я. – Но из твоих слов выходит, что я могу всю жизнь его ждать. Он, может быть, еще лет пятьдесят будет углекислоту накапливать!

– Не будет, – торжественно заверила меня Шурочка. – Я в психологии немного разбираюсь. Согласно ее законам, время, нужное для осознания подобного решения, уже заканчивается, Серж вот-вот появится на твоём горизонте. Или не появится вообще.

– Здравствуйте! Разве есть такие законы? Насколько я понимаю, психология – одна из самых темных и неопределенных наук, где все очень приблизительно и туманно. А ты мне с такой уверенностью говоришь – «в ближайшее время»!

– А вот посмотрим, – с азартом сказала Шурочка. – Я с тобой даже поспорить готова.

– Отлично! На что?

– На бутылку коньяка. Если Мельников появится в течение июля – ты

проиграла!

– Решено! – Хохоча, мы хлопнули друг друга по ладони.

Признаться, я с большим вниманием выслушала свою бывшую одноклассницу, но последним ее словам не поверила.

* * *

Через несколько дней вышла в эфир передача. Кое-что из нее вырезали, кое-какие куски перетасовали, вставили эпизоды из «Багрового тумана» – и получилось на удивление бойко и захватывающе. Даже мне захотелось еще раз пересмотреть фильм, в котором я когда-то снялась.

Митя смотрел передачу вместе со мной.

– Ты великолепно смотришься на телеэкране, – с восхищением сказал он. – К рекламе сапог я привык, ты там на себя не похожа в бархате и немислимых кудрях, но эта передача...

– И что же тебе больше всего нравится? – кокетливо спросила я.

– Твои веснушки. – Он посадил меня на колени. – Ты настоящее солнышко, все золотое – аж глаза ломит!

– Значит, я красивая?

– Бе-есконечно! – шутливо пропел он и поцеловал меня в шею. – И вообще, это, кажется, очень модно сейчас.

– Что?

– Веснушки. Выглядит так беззащитно...

– Я выгляжу беззащитной?

– Иногда. Женщина с веснушками всегда будет выглядеть юной. Вот ты смотришься лет на десять младше своего возраста.

– Спасибо, дорогой. – Я нежно поцеловала его в ответ. – Ты мастер на комплименты.

– Это не комплимент, а истинная правда! Брови и ресницы у тебя тоже рыжие.

– Брови и ресницы я крашу, – машинально возразила я, а сама вдруг подумала – что, если передачу видел и Серж Мельников? Шурочка, конечно, наговорила кучу псевдонаучной чепухи, но он может действительно появиться на горизонте – «здрасьте, я тут вас недавно опять по телевизору видел!».

Я встала и подошла к аквариуму, взгляделась в зеленоватую полутьму – передо мной мелькали серебристые силуэты рыб, и это бесконечное

движение успокаивало меня.

– Кажется, одна из рыбешек разродилась мальками, – сказал Митя, наблюдая за мной.

– Я не вижу...

– Значит, уже сожрали. Надо было отсадить.

Мне вдруг нестерпимо захотелось плакать. «Я не понимаю, люблю его или нет, – подумала я о Мите. – Если любовь – что-то острое, очевидное, окончательное, то у меня ее нет. Но этот человек для меня – как воздух, с ним необыкновенно легко, с ним я такая, какая есть. Без него мне будет очень плохо».

Заметив, что я тоже на него смотрю, Митя улыбнулся...

Тридцать первое июля. Жара уже спала, но теплая погода еще оставалась, воздух был – словно парное молоко.

Я шла домой от метро, в открытом платье, беззаботная и счастливая, и все проходящие мужчины мне улыбались. До мужчин мне не было никакого дела, но все равно – пустячок, а приятно... Я думала о том, что Шурочка проиграла мне бутылку коньяка – сегодня последний день нашего пари. Тоже – пустячок.

Впереди показался киоск – в нем я всегда покупала газеты. Я была уже метрах в десяти от него, как вдруг из-за его угла вышла знакомая фигура. Я еще ничего не успела сообразить, но сердце у меня забило как сумасшедшее. Серж!

«Это просто совпадение, – машинально подумала я. – Случайная встреча».

Мне стало так жутко, что я, опустив глаза, решила пройти мимо – авось он меня не заметит, и не состоится эта странная, случайная встреча, мы просто разойдемся в огромном городе.

Киоск был уже позади, когда я услышала:

– Таня!

Я была взрослой, самостоятельной женщиной, я многое знала и многое испытала, но этот голос вызывал во мне какое-то первобытное, неконтролируемое чувство. Я была совершенно беззащитна перед бархатной, чуть хрипловатой модуляцией звуков, из которых он сложил мое имя. Кто-то из известных сказал, что люди боятся бездны не только потому, что могут упасть туда нечаянно, но и потому, что могут сделать это нарочно.

Я вздрогнула и медленно обернулась.

– Таня...

Он шел ко мне ленивой, разнеженной жарким летом походкой

городского человека – фирменные джинсы, свободная майка, легкие удобные сандалии на босу ногу, чистые мягкие волосы до плеч, под локтем – свежий номер спортивной газеты.

Мне совсем не было жалко бутылки коньяка, которую я проиграла Шурочке, – у меня появилось чувство, что я потеряла нечто большее.

– Сергей, – просто, без всяких интонаций, произнесла я его имя.

– Здравствуй. – Он взял мою руку и поцеловал. Обычный жест мужской вежливости, но мне показалось, что руку прижгли раскаленным железом.

– Улица полна неожиданностей, – усмехнулась я довольно криво. – Какими судьбами? Впрочем, что я говорю – случайно, наверное...

– Нет, не случайно. Я хотел тебя увидеть.

– Как это мило, – промямлила я – ничего умнее не пришло мне в голову.

Серж глядел на меня неотрывно. Глаза у него были большие, голубовато-серые и безмятежно-спокойные, слегка утомленные – как вечернее небо.

– Давай посидим где-нибудь. Ты не торопишься?

– Нет. А где?

– Где хочешь.

Голова у меня совершенно ничего не соображала.

– Лучше ты сам придумай...

– Здесь недалеко, минут десять пешком, – остановка речного трамвайчика. Ты бы хотела прокатиться по Москве-реке?

– Да! – ответила я с неожиданным энтузиазмом. – Это было бы замечательно! – Кафе и прочие заведения меня совершенно не привлекали – грех было сидеть в них в такую погоду.

Мы пошли в сторону Китайгородской стены.

– Не могу забыть нашу вечеринку в марте, – тихо произнес Серж.

– Конечно, столько впечатлений – Мусатов, Бубнилова, вечная староста Пирогова...

– Нет. Только ты.

У меня мурашки по спине побежали, хотя день был ясный, теплый.

– Почему я?

– Сейчас сядем на трамвайчик, и расскажу. Подожди немного, это серьезно...

– Я терпеть не могу ничего серьезного! – взмолилась я. – Меня такие заявления просто пугают.

Он опять поцеловал мне руку – мягко, успокоительно, но лучше бы он

этого не делал... Все демоны, которые дремали в моей душе последние десять лет, вдруг проснулись и заметались черными теньями, заставляя забыть всё и вся и видеть одни только эти голубовато-серые глаза.

Серж купил билеты. Пассажиров в этот час и в это отпускное время было мало, в основном туристы с кинокамерами. Я выбрала места на открытой палубе, Серж принес холодного пива из буфета.

– Рассказывай, – требовательно произнесла я, положив одну руку на бортик. Трамвайчик двинулся, ветер заиграл моими волосами. Происходящее было больше похоже на сон из моего прошлого.

– погоди, – сказал Серж. – Я на тебя еще посмотрю.

Он глядел на мои руки, лицо, плечи, открытые колени, потом затряс головой, словно отгоняя наваждение, и твердым голосом произнес:

– Я тебя люблю.

– Что?

Я очень хорошо его слышала, но неожиданно его безумное заявление привело меня в чувство – я уже была прежней Таней Танеевой, которая не любила экзальтации ни на сцене, ни в жизни. «Этого не может быть, потому что не может быть никогда», – почему-то подумалось мне.

– Сережа, по-моему, ты на солнце сегодня пересидел, – холодно произнесла я.

– Может быть, я довольно долго тебя ждал.

– Ты мог мне позвонить, спокойно договориться о встрече...

– Это было бы не то. С точки зрения психологии...

– Что?! – переспросила я, словно не веря своим ушам. – С какой точки зрения?!

Психология – любимое Шурочкино слово!

– Почему ты так враждебно настроилась? – испугался он. Сейчас у Сержа было точно такое же лицо, как тогда на вечеринке, – утомленное, усталое. Мучительно, страдаяще закусил он нижнюю губу, сощурил глаза...

– Скажи, пожалуйста, до нашей с тобой встречи ты виделся с Шурочкой?

– С нашей Шурочкой? – переспросил он.

– Да, с нашей Шурочкой. – Я сделала упор на слове «нашей».

– Да.

– И теперь от ее лица ты со мной будешь толковать о науке психологии?

– Я не совсем понимаю...

– Это она посоветовала тебе встретиться со мной?

Мы как раз плыли мимо храма Христа Спасителя – солнце отражалось от его куполов, туристы вокруг так и вились с кинокамерами.

– Нет. От нее я узнал, как мне лучше встретиться с тобой, – ответил он умиротворенным голосом и поцеловал меня в плечо.

– Что же это такое! – в совершенном недоумении воскликнула я, почти закричала, стирая ладонью очередной жгучий поцелуй. – Я ничего не понимаю!

– Я люблю тебя. Я понял это окончательно. Я ни с кем не могу быть счастлив, кроме как с тобой...

– Ты меня не знаешь. Мы десять лет не виделись после школы, и вдруг ты появляешься и говоришь, что любишь меня. Ладно бы у нас в юности был роман, как у вас с Шурочкой, это бы еще как-то объясняло твои слова, но так, вдруг... Ты не шутишь, это не Шурочкины козни?

– Нет, – удивился он. – Я не ожидал, что ты так настроена против нее. Честно говоря, думал, что вы подруги.

– Да, мы почти подруги, – согласилась я. – В последнее время часто встречаемся, болтаем подолгу и все такое... Просто ты заговорил о психологии, а это – Шурочкин конек.

– Ну и что? – Лицо у него вновь стало безмятежным. – Вот с ней я встретился действительно случайно. У меня на центральном компьютерном рынке свое место, я торгую комплектами, но об этом неинтересно... В общем, она проходила мимо, увидела меня, мы разговорились. Сам не знаю почему, но я говорил с ней только о тебе, меня словно прорвало. И я даже благодарен ей – за то, что она помогла мне набраться решимости и прийти к тебе...

«Вот уж не думала, что Шурочка готова удавиться из-за бутылки коньяка. Случайная встреча! – язвительно подумала я. – Хотя черт его знает... а вдруг и правда случайная. Он говорил только обо мне! Шурочка умеет направить собеседника в нужную сторону. «Он твоя судьба, ты его судьба!» Зомбирует людей с помощью всяких психологических штучек... Про эти штучки всякий дурак знает, они в любом журнале расписаны – как располагать к себе людей, как влиять на их мнение... Только единицы решают повторить их на практике. Серж попался на эту дешевую уловку. Да мне и две бутылки не жалко ей отдать, подумаешь!»

Я злилась на Шурочку, но не могла не признать очевидного – Серж действительно хотел видеть меня. Если б не хотел, никакие разговоры на него не подействовали бы, наверное. Я злилась потому, что сама теряла голову в его присутствии и никакие спасительные мысли о Мите, о его бесконечной преданности мне на меня не действовали.

– И давно ты понял, что любишь меня? – уныло поинтересовалась я.

– Я всегда любил только тебя. Давно, давно, сколько себя помню. Маленькая Беатриче с букетиком роз, веснушки и солнце в глазах... Тебе было семь лет тогда. Осень, первое сентября...

Надо отдать должное Сержу – он всегда отличался начитанностью. Сравнение с Беатриче очень меня подкупило. Впрочем, я никогда не забывала главного.

– А как же Шурочка? – ехидно спросила я.

Трамвайчик сделал поворот по изгибающемуся руслу Москвы-реки, я закрыла глаза от бьющего прямо в глаза солнца. Как же красиво он говорит...

– Шурочка – просто пережиток подросткового возраста. Вспомни, Данте всю жизнь любил свою Биче, что не мешало ему быть женатым на другой женщине, быть почтенным отцом семейства... Жизнь души и жизнь тела часто не совпадают. Я совсем недавно это понял и решил достичь гармонии.

Все это немного походило на бред сумасшедшего. Меня так и подмывало сказать в ответ что-нибудь язвительное, но сдерживало одно обстоятельство. Я вдруг вспомнила единственный наш полноценный разговор с Сержем, когда он в десятом классе встретил меня после школы и сказал, что я похожа на весну. Да, он подрулил ко мне с единственной целью – разузнать что-нибудь о Шурочке, ведь я была ее соседкой по парте, но говорил он со мной так мягко, так приязненно, словно в глубине души у него действительно пряталось ко мне нежное чувство, но он был слеп тогда и любил то, что считалось возможным любить в то время. Такие Шурочки, наверное, действительно как подростковая болезнь... Они ходят королевами в юности, а потом их время кончается. Быстро увядает ранний первоцвет.

– Что мне тебе ответить? – сказала я, невольно повторяя слова одной из своих театральных героинь. – Я не знаю пока... Любовь – такое нежное чувство, что его лучше не стирать лишней раз словами. Потом, как-нибудь, когда не говорить уже будет нельзя... Поверь, мне тоже есть что тебе сказать.

Вместо ответа он отставил в сторону, на свободное сиденье, бутылку с едва пригубленным пивом и обнял меня. Если на его прежние жгучие поцелуи я еще как-то умудрилась отреагировать более или менее сдержанно, то перед таким тесным контактом устоять не смогла. Словно какая-то невидимая плотина прорвалась в моей душе. И не надо было уже больше сдерживаться, говорить язвительные фразы и казнить недоверием – я полностью доверилась этому человеку, о котором думала большую часть

моей не такой уж длинной жизни.

Мы проплывали мимо Нескучного сада, одного из прелестных уголков Москвы. Пейзаж был самый обыкновенный – гранитная набережная, скамейки вдоль нее, бронзовая фигурка ныряющей пловчихи, плотная полоса деревьев, но, наверное, притягательность того или иного места заключается не столько в его красоте, сколько в особой его магии, которую не увидеть глазами, но которая всегда ощущается.

– Хорошо, наверное, в Нескучном саду... – сказала я, не отрывая глаз от берега.

– Так в чем же дело! – с воодушевлением ответил мне Серж. – Сейчас остановка, причалим – прогуляемся.

Пароходик пришвартовался, молоденький матрос перекинул деревянные мостки на берег, протянул мне загорелую крепкую руку:

– Всего хорошего.

– Спасибо, – машинально поблагодарила я, Серж был рядом.

– А я вас узнал! – крикнул мне вслед матросик. – Вы в моем любимом фильме играли деревенскую девушку. В жизни вы еще лучше!

Я улыбнулась беспомощно – все это было ужасно приятно, но больше меня волновал Серж. Он глядел на меня своими голубовато-серыми глазами, в которых отражалось перевернутое небо, и, кажется, был особенно доволен оттого, что меня узнают. Он осторожно вел меня под локоть, как будто я была бог знает какой драгоценностью, и его прикосновения волновали меня необычайно – в ладонях обожаемого мужчины всегда заключено электричество.

– Здесь очень хорошо, правда? – сказал Серж, оглядывая открывшийся перед ним пейзаж слегка затуманенным, подернутым слезой умиления взглядом.

– Да. В общем-то, это была твоя идея...

На аллее недалеко от набережной катались роллеры. Возле старого пруда, заросшего ядовито-зеленой тиной и пахнущего густыми чернилами, обнималась какая-то парочка. И все – больше никого в парке не было. Какая-то сонная, светлая тишина гуляла между деревьев, будто время здесь остановилось навеки. Наверное, лет десять назад все здесь выглядело точно так же – с этим оттенком томного умиротворения, и так же пах тиной пруд, и так же, едва слышно, но в то же время отчетливо, шелестели листья на деревьях, словно кто-то рядом читал стихи вполголоса.

Мы упустили то время, но сейчас оно вернулось к нам...

– Я купил кассету с тем фильмом, в котором ты снималась, я даже записал рекламу с обувью...

– Зачем?

Серж засмеялся негромко, значительно, показав крупные острые зубы – а я их даже не помнила, ведь он улыбался достаточно редко. Этаким изнеженный, искушенный герой портрета кисти Обри Бёрдслея, интеллектуальное порождение стыка веков, вечный юноша, недоступный и чувственный, не веселый и не грустный, а какой-то далекий. В голове у меня была полная каша.

– Создает эффект твоего присутствия, – донесся до меня его голос. – Иногда я нажимаю на кнопку стоп-кадра и говорю с тобой. Ты смотришь, но не отвечаешь...

У него были полные, немного мягкие, но с четким очертанием крупные губы. Я смотрела на них как замороженная, следя за тем, как выговаривает Серж слова, и мне нестерпимо хотелось поцеловать их. За всю свою почти тридцатилетнюю жизнь я не помню, чтобы мне так хотелось поцеловать кого-нибудь. Хотя нет, Митю хотелось. Но поцеловать его было так просто, он всегда ждал моих ласк, здесь же были и тайна, и интрига, и томительное усиление желания, чего прежде я никогда не испытывала.

– Ты необыкновенная женщина, – произнес Серж, останавливаясь передо мной и беря меня за руки. Он глядел мне прямо в глаза своими яркими очами – так пристально, пронзительно, что мне даже показалось, будто прямо сквозь мои зрачки он глядит куда-то глубоко мне внутрь, что его всевидящему оку доступно даже каждое сокращение моего сердца. – Я таких не видел нигде и никогда. Таня, ты случайно не с Марса прилетела?

– Не знаю, – честно ответила я. – Я очень плохо помню раннее детство, а что было до трех лет – вообще плавает в каком-то тумане...

Мы стояли под склонившейся ивой. От пруда оглушительно несло застоявшейся водой, но запах был не неприятный – в нем заключалось что-то животное, первобытное. Над прибрежной травой летали прозрачные голубые стрекозы, желтым жирным перламутром блестели под ногами лютики.

Сержу чем-то понравился мой ответ – он опять засмеялся, склонился ко мне и поцеловал. Это мгновение – полузакрыв глаза, он тянется к моему лицу с готовыми для поцелуя губами – навсегда отпечаталось в моей памяти. Происходящее виделось мной как замедленная киносъемка, поэтому я очень хорошо смогла ощутить и прочувствовать это мгновение. И даже успела сказать себе, что ждала его десять лет.

Физиология у всех людей одинаковая. Уж не знаю, чего я ожидала, но меня поразило то, как прохладны были его губы. Язык скользнул по

ровным зубам, потом встретился с его языком, и там, в какой-то темной круговерти, было невысказано горячо, влажно и совершенно неуправляемо...

Этот поцелуй длился целую вечность. Он напоминал затяжной прыжок с парашютом – я бесконечно долго падала в бездну, сердце колотилось как сумасшедшее, ладони похолодели, кружилась голова, в висках свистел воздух... Мы отдались бы друг другу прямо здесь, у пахнущего жирной тиной пруда, не отдавая себе отчета в том, что вокруг ходят люди – их не так уж много, но все-таки это же не дремучий лес, а Нескучный сад как-никак...

Слава богу, небольшие крупницы разума у нас еще сохранились – с трудом мы оторвались друг от друга. Недалеко стояла скамейка, мы сели на нее – дрожали ноги, особенно у меня. Там Серж опять потянулся ко мне. Глаза у него были совершенно безумные, остановившиеся, но я вовремя остановила его ладонью – второй поцелуй совершенно меня добил.

– Пожалуйста, нет, – прошептала я стиснутым голосом. – Надо держать себя в руках.

– Зачем? – Он откинулся назад, потянулся с наслаждением. – Да и поздно уже – я совсем потерял голову.

– Скажи мне, я сплю? Я ничего не понимаю – как я оказалась здесь, с тобой. Эти пылкие признания в любви... Я совсем не планировала на сегодня романтическое свидание.

– О женщины! Прагматичнее вас нет на свете...

Серж весь так и светился, а мне было страшно и хорошо, ситуация полностью вышла из-под моего контроля. Когда-то давно, тысячу лет назад, я была тоже вот так полна ощущением безумного, безудержного счастья, твердя как сумасшедшая – «он будет моим!». И здравствуй, не прошло и вечности, он действительно стал моим.

– Меня мучает одна мысль – я не знаю, как мне тебя называть, – призналась я.

– Ты забыла мое имя?

– Прекрасно помню – ты Сергей. Но не Сергеем же мне тебя называть? Сережа, Серый, Серенький... – перебрала я все возможные варианты.

– Ты ужасно забавная... Но я тебя понимаю. Чем мне помочь тебе, дитя мое? «Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет». Сии прекрасные строки были сказаны в адрес некоего юнца из Вероны, но их вполне можно применить и ко мне. Можешь называть меня Дон Карлосом, Ромео, Иван Иванычем...

– А может, мне никак тебя не называть? «Ты» – и этого достаточно.

Он наклонился над моими коленями, стал водить по ним пальцем.

Было щекотно и хорошо.

– Один, два, три, четыре, пять...

– Что ты делаешь?

– Я считаю твои веснушки. Их кто-нибудь когда-нибудь считал?

Митя делал неоднократные попытки пересчитать их, но я решила об этом не упоминать.

– Нет. Но вряд ли тебе удастся – это отнимет слишком много времени.

– А если не сразу, а в несколько приемов? Взять калькулятор, запастись терпением... Я думаю, на целую жизнь хватит.

– Да уж!

– Представляю, как захватывающе будет исследовать некоторые места... – Серж шутливо облизнулся, словно кот, который увидел сметану.

– Это уже слишком, – строго сказала я. – Мне кажется, ты форсируешь события.

– Да, да... – грустно согласился он. – Я попытаюсь держать себя в рамках. За последние десять лет мы говорим с тобой всего второй раз, а я уже веду себя как во время медового месяца. На тебя только сейчас все это обрушилось, а я уже давно думал, мечтал... Танечка, люби меня так же, как я тебя! – жалостно, страстно, иронично протянул он, положив голову мне на плечо.

Честно говоря, я не знала, плакать мне или смеяться. Если мужчина заикается о медовом месяце, даже в шутку, – это очень серьезно. А уж фраза – «на целую жизнь хватит»!.. Не думаю, что Серж собирался мне в ближайшие дни сделать предложение, но все равно – даже самые влюбленные мужчины опасаются говорить слова, которые можно истолковать как призыв к походу в районный отдел записи актов гражданского состояния.

– Мне уже надоело здесь сидеть, – немного нервно сказала я. – Прогуляемся по парку?

Он встал, подал мне руку, потянул к себе.

– Серж, не надо, меня пугает такая резвость. – Я старалась держаться на некотором расстоянии.

– Это нечаянно, я ничего не могу с собой поделать, – жалобно простонал он.

Если б не врожденная холодноватость характера, я бы, наверное, отдалась ему где-нибудь в густом кустарнике, как практиковалось среди раскрепощенной молодежи, но меня такое быстрое облегчение не привлекало. Я бы даже не поехала к Сержу домой, если б он пригласил. Я непременно хотела растянуть удовольствие на как можно более долгий

срок, когда не любить уже нельзя... Я ждала его столько лет, я не имела права так быстро сдаваться.

Он шел рядом и каждым своим жестом, каждым словом выказывал обожание – то целовал мне пальцы, то гладил по волосам, то утыкался носом куда-то в шею...

– Я чувствую себя Евой, которая в садах Эдема собирается с Адамом откусить кусочек зеленого яблока, – лениво сказала я, бросив тщетные попытки хоть как-то усмирить моего спутника. – Кстати, где находится твой компьютерный рынок?

– Рядом с метро. – Он назвал станцию. – Ты что, хочешь навестить меня там?

– Нет, просто...

– Не ходи туда, – вдруг нахмурился он. – Я не хочу, чтобы ты меня видела в такой обстановке. Нет, у меня хорошая работа, и ничего стыдного в ней нет, и вообще... не апельсинами же я торгую. Но все равно...

– Что за комплексы! – уколола его я.

– Это не комплексы. Я бы хотел, чтобы ты меня видела только в капитанской рубке, на корабле, идущем под алыми парусами.

– Послушай, а ты вроде в дипломаты собирался идти? – Я, кажется, уже спрашивала Сержа об этом – тогда, на встрече выпускников.

– Времена сейчас другие, – с неожиданной усталостью ответил он, потирая пальцем виски. – Знаешь, у меня что-то голова заболела. Кажется, надо перекусить...

Вид у него и правда был утомленный. Столь резкий переход от безмятежной радости к умирающему декадансу меня не смутил, я и сама чувствовала себя не очень хорошо – слишком много неожиданностей преподнес мне сегодняшний день. Я решила больше не спрашивать его о работе, кажется, эта тема не доставляла Сержу удовольствия. Я вспомнила, что прежде он тоже был очень честолюбив...

Вдоль по набережной мы отправились в парк Горького.

Там на каждом углу раскинули свои шатры летние забегаловки, от переносных мангалов стелился над землей удушливый сизый дымок.

– Почему людей на свежем воздухе разбирает такой аппетит? Дома, в четырех стенах, такое количество пищи не съешь.

– Ты тоже голодна?

– Нет. Я не хочу. – На меня вдруг напала какая-то брезгливость – разгульный пейзаж никак не гармонировал с моим лирическим настроением. – Я бы чего-нибудь выпила...

– Тогда и я не буду ничего есть, – вымученно улыбнулся Серж. Судя по

всему, голова у него действительно болела.

– Перестань. Я прекрасно знаю, что такое мужской аппетит. Думаешь, я настолько изнеженное и утонченное создание, что не вынесу вида жуящего мужчины?

Он засмеялся радостно и сразу же потащил к летнему кафе, которое показалось ему приличнее других.

– Что ты будешь пить?

– Все равно... Какого-нибудь вина.

* * *

Стоило мне хоть немного выпить, как я полностью теряла чувство реальности. Нет, я не пьянела, голова у меня не кружилась, язык не заплетался, но странным образом мне начинало казаться, что я нахожусь где-то в своих мечтах.

Вот и сейчас я сидела напротив Сержа, с материнским умилением наблюдая, как он сосредоточенно жует шашлык, усердно поливая его кетчупом, и была уверена, что я уже тысячу раз видела эту сцену. После стаканчика «Мукузани» я со светлой радостью обнаружила, что появление моего бывшего возлюбленного уже не кажется таким уж особенно невероятным, а в его признаниях я усмотрела строгую закономерность. Словом, я получила то, что и должна была получить, – все объяснимо, все нормально, все так и должно быть.

– Твое здоровье! – Он чокнулся со мной еще раз, медленно, со вкусом допил вино. – Кстати, не исключено, что еще один человек ищет тебя.

– Кто же? – с интересом спросила я.

– Грибов.

Я засмеялась:

– С какой это стати?

– Ему понравилось, как вы вместе исполнили самбу. И немудрено – зажигательное было зрелище.

– Да, Грибов кого хочешь сумеет распалить, – машинально заметила я, но Серж вдруг стиснул мне руку.

– Перестань! Даже в шутку не говори этого. Я тебя никому не отдам, у меня уже есть план...

Он тоже не был пьян – да и не опьянеешь от одной бутылки вина, распитой на двоих. Но глаза у него ярко блестели, словно утреннее небо

сквозь только что вымытые окна.

– Какой план? – удивилась я.

Он немного смутился.

– Нет, это я так... Таня, ты такая необыкновенная женщина, что я просто теряю голову!

– Где же вы были раньше, сударь? – насмешливо поддела его я.

– Где? – усмехнулся он. – Эх, золотая моя... Таня, скажи откровенно – ты способна на предательство?

– Странный вопрос. – Я пожала плечами. – Ты бы еще спросил меня, уважаю ли я тебя. Все, вина больше не пить...

– Нет, ты все-таки скажи, – упрямо попросил он.

Кажется, для него это было действительно важно. Он сидел такой забавный, гордый, красивый.

– Не знаю. Сказать можно что угодно... Вообще, как мне кажется, большинство подлостей совершается не нарочно.

«Какая-нибудь душевная драма в прошлом, – снисходительно подумала я. – Честное слово, все мужчины – как дети... Но почему «какая-нибудь»? А что, если это связано с Шурочкой? Вполне вероятно, что им пришлось расстаться по ее вине и бедный мой Сержик до сих пор страдает...»

– Да, нечаянно... – Он поднял брови, осмысливая сказанное. – Что ж, тогда это судьба. Нашими поступками руководит Нечто.

Разговор был вполне в духе слегка выпивших людей. Меня ничто не смущало, только вот ужасно хотелось утешить чем-то моего спутника.

– Я была два раза замужем, – откровенно призналась я. – Не буду сейчас разбираться, по какой причине пришлось нам расстаться, но с моими бывшими благоверными я до сих пор в прекрасных отношениях. Мы расстались без ссор и обид. Исходя из этого, я думаю, что предательницей меня никак нельзя назвать.

Серж посмотрел на меня с изумлением:

– Два раза!

– Ну да, разве Шурочка тебе не говорила? Да и вообще, я этого никогда не скрывала...

– Но два раза...

– Мельников, я всю жизнь ждала настоящей любви. И пока у меня ее не было, – упрямо подтвердила я.

– Нет, я ничего... – замотал он головой. – Хочешь, я буду твоим единственным?

– Да, – просто ответила я. «Мукузани» бродило у меня в крови, о Мите

я совершенно забыла.

На парк медленно спускались сумерки, фиолетовый туман постепенно окутывал Москва-реку, наше кафе, аттракционы за деревьями, людей за соседними столиками.

– Как мне хорошо с тобой, – вздохнул глубоко Серж. – Господи, если бы точно знать, что я не опоздал...

Я не совсем его поняла, но мне так хотелось его утешить, что я с искренним убеждением сказала ему:

– Нет, милый, ты очень вовремя...

Возле моего дома мы оказались в двенадцатом часу. Серж, бережно поддерживая меня под локоток, помог мне выйти из такси. Остатки хмеля все еще бродили у меня в голове – я чувствовала себя прекрасно и ни о чем не думала.

– Когда мы снова встретимся? – спросил Серж, обнимая меня в тени акаций, которые росли возле нашего дома.

– Позвони мне завтра. У тебя есть мой телефон?

– Да.

– Шурочка дала?

– Да.

– Все, не надо... Послушай, все! До завтра.

Он уже совсем было отпустил меня, как вдруг снова загородил дорогу:

– Не нравятся мне эти помехи. Может быть, ты поедешь ко мне?

– Я тебя умоляю: ничего не надо форсировать. И потом, о каких помехах ты говоришь?

В темноте его глаза блестели, как у кошки, губы кривились невольно от неутоленного желания. «Однако, как вас разбирает, молодой человек!» – самодовольно подумала я.

– Как какие? Насколько я понял из Шурочкиных слов, ты и сейчас живешь не одна, – глухо ответил он.

– Ревнуешь?

– Не знаю... Да, очень. Не хочу тебя никому отдавать.

– А я пока не твоя, – нашла я в себе силы проявить свое самодовольство. – Ты славный, но запомни – я ничья. Я только своя, хоть и женщина.

– Новая русская феминистка, – почему-то рассмеялся Серж. – Ты задиристая... Шурочка предупреждала меня об этом.

– Уже поздно – до завтра...

Митя не спал. Он стоял у окна на кухне и молча курил, когда я вошла туда. Не поворачиваясь, он спокойно спросил меня:

– Ну, и где ты была?

– Гуляла.

Он повернулся – бледный, холодный. Посмотрел – буквально окатил меня презрением.

– Что же ты не предупредила?

– Я не смогла.

– С кем ты гуляла?

– Митя, мы пока еще не муж и жена, нечего лезть в душу...

– Я всех обзвонил.

– А Шурочку?

– Ее телефона я не нашел.

«И очень замечательно!» – подумала я. Шурочкиного телефона в моих старых записных книжках не было, а новая находилась у меня в сумочке.

– Вот я с ней и гуляла.

– Прекрасно! – саркастически ответил Митя, затушил сигарету и отправился спать.

Мне стало как-то не по себе. Во-первых, весь хмель куда-то испарился, и я могла уже реально оценить происшедшее. Во-вторых, мне совсем не нравилось лгать.

Я стала умываться в ванной, время от времени виновато поглядывая в зеркало, где отражалась моя конопатая физиономия. Веснушки вкупе с цветом моих глаз и недовольным выражением лица показались мне вдруг какими-то особенно некрасивыми, порочными. Я никогда не кривила душой, и два моих развода были тому весомым подтверждением – не захотела, и ушла. Поэтому согласно логике моего характера мне следовало отправиться сейчас к Мите, все ему рассказать и... и попросить его удалиться. Дескать, так и так, встретила другого, мечту всей моей жизни. Пойми и прости.

Я глубоко вздохнула, мысленно повторив про себя эти банальные и страшные слова, потом опять посмотрела на себя в зеркало. «Ну не могу же я выгнать его посреди ночи! – вдруг пришло мне в голову. – Кроме того, Митя не теленок на веревочке – в какую сторону потянули, туда и пойдет. Он непременно захочет поговорить со мной, выяснить все обстоятельства. На ночь глядя затевать выяснение отношений? Ему завтра на работу...»

Я стояла в ванной и тупо перебирала все «за» и «против», пока вдруг не обнаружила, что у меня нет никакого желания выгонять Митю. Свидание с Сержем казалось таким нереальным, из области снов, что я зевнула и отправилась спать. Как сказала бы бестолковая и вредная Скарлетт О'Хара, «я подумаю об этом завтра».

* * *

Самое тяжелое для человека время – утреннее пробуждение. Из сладкого мира грез он снова попадает в жестокую реальность, каждый раз испытывая одно и то же сомнение – есть ли смысл прощаться со спокойным небытием, не остаться ли там навсегда и, не открывая глаз, нестись по волнам вечности и не суетиться... Короче говоря, больше спишь – меньше делаешь ошибок.

Я открыла глаза и увидела, как Митя одевается, – он стоял перед зеркалом и тщательно, даже фанатично, завязывал на шее галстук.

– Митя, куда ты? – слабым голосом спросила я.

Не переводя глаз со своего отражения, он холодно ответил:

– Как куда? На работу.

Я вдруг вспомнила весь вчерашний день, и воспоминание никакой радости, как ни странно, мне не принесло. Требовалось решать что-то, но ни решительности, ни силы воли я у себя в это утро не обнаружила.

– Митя, ты на меня сердишься еще? – спросила я тем же слабым, стонущим голосом, который должен был, по моему разумению, тронуть даже самое каменное сердце.

– Ну что мне тебе сказать? – холодно произнес Митя, все так же не поворачиваясь. – Свинья ты, матушка.

Это было самое страшное оскорбление за всю нашу с ним совместную жизнь, и самое время было обидеться и указать ему на дверь, пылая от праведного гнева. Но в его голосе не прозвучало раздражения – его слова были простой констатацией факта.

– Ах так, ах так! – пробубнила я, кутаясь в одеяло и тщетно пытаюсь вызвать в своем сердце обиду. – Невинного человека обижать... Я же сказала: я с Шурочкой гуляла – можешь проверить.

Митя ничего не ответил. Я прекрасно знала, что Шурочке он звонить не будет, это не в его характере.

– Мне приходится сегодня вечером? – вдруг спросил он, уже выходя в дверь.

Сердце у меня похолодело и оборвалось.

– Что? – вскочила я с подушек.

– Мне приходится сегодня вечером или мое присутствие в этом доме уже нежелательно? – ровным голосом повторил он.

Момент был решающий – самое время расставить точки над «i», но мысль о том, что Митя вот так просто может покинуть меня, показалась

убийственной.

– Митя, я люблю тебя! – вдруг пискнула я. Слова так легко сорвались с моих губ – в первый раз за столько лет! – что я сама удивилась, как будто мной руководила какая-то высшая правда. В тот момент я думала только об одном – не хочу, чтобы он уходил!

Он молча закрыл за собой дверь.

Хуже всего было то, что я так и не поняла, как он намерен поступить, произвело ли на него впечатление мое признание.

Я села в скомканной постели и глубоко задумалась над тем, чего же я на самом деле хочу. Серж – это мечта, это полет, это горячка, это те ощущения, которые я никогда и ни с кем не испытывала. А Митя...

«О господи! Неужели я люблю двоих?» – смеясь и плача, я упала обратно на подушки. Происходящее казалось мелодрамой. Хорошей, полноценной мелодрамой, как в мексиканском сериале про какую-нибудь Дикую Розу. «Да, прав оказался режиссер, сказав, что наша жизнь – сплошная мелодрама, – вспомнила я его слова из интервью. – И ничего другого уже не придумаешь».

Утро не оказалось моим спасением – я так ничего и не придумала.

Мысль о том, что скоро должен позвонить Серж, пугала меня. Я быстро собралась и выскочила из дома – я была не готова говорить с ним. Смятение и необходимость сделать хоть что-то привели меня к тому, что я решила отвлечься. У меня было два варианта – сходить в парикмахерскую или отправиться в бассейн, и то и другое прекрасно успокаивало нервы. В парикмахерской я была совсем недавно, значит, выход оставался один...

В первых числах августа еще тепло, люди нежатся под солнцем на пригородных пляжах – купаться еще можно, но время пребывания в воде уже ограничено. Вода постепенно становится холоднее, напоминая о том, что короткое лето среднерусской полосы близится к концу. Но я не особенно любила подмосковные речушки и озерца, где берег пестрел от мусора, а коварное дно могло таить россыпь бутылочных осколков. То ли дело бассейн – вода прозрачна, кругом чистота, и полупьяные отдыхающие не лезут с предложением познакомиться. Я была очень благодарна маме, которая в детстве отвела меня за ручку в плавательную секцию.

В воде я чувствовала себя уверенно и спокойно. Холодная жидкая стихия была моей средой, и теперь я стремилась туда, словно истина пряталась где-то на глубине.

В здании моего любимого «Ихтиандра» царила тишина, редкие энтузиасты оздоровительного плавания проходили мимо. Никого из знакомых. Сезон еще не начался.

В кассе мне улыбнулся знакомый служитель.

– А, это вы! – улыбнулся он, подавая мне билет. – Давненько у нас не были.

– Да уж... – неопределенно ответила я, считая знаменитые слова Кисы Воробьянинова универсальным высказыванием, готовым ответом на любой вопрос.

– Я вас тут недавно по телевизору видел, – со значительной улыбкой добавил он. – Такая красавица на экране! Вот что называется фотогеничностью. Только о творческих планах ничего не сказали... Небось все по заграницам?

– Да уж!

– Вы купайтесь, купайтесь, сейчас народу мало, очень хорошо... Наша-то водичка, родная, небось лучше всех новомодных аквапарков будет!

Этот пожилой служитель отличался страшной болтливостью, все свои сведения он черпал из газет и телевидения и полагал, что знает все.

Еле отвязавшись от него, я пошла в раздевалку.

Две толстые тетки неторопливо, с удовольствием обтирались полотенцами, делясь друг с другом рецептами похудения. Я подошла к крайнему шкафчику и тоже неторопливо, со вкусом стала складывать туда свои вещи. Из душевой тянуло знакомым баннным запахом.

Когда я разделась и заперла шкафчик, тетки в один голос завопили, что я большая редкость и столько веснушек сразу на одном человеке они еще не видели. Я им улыбнулась устало и ушла в душевую. Там, под теплой струей воды, на меня снизошел покой. Бассейн был не нов, но недавно в нем сделали ремонт – стены блестели кремовым кафелем, серебрились вешалки для полотенец, было чисто и хорошо.

«Надо бы поговорить с Шурочкой, предупредить ее, что я сказала Мите, будто вчерашний день провела с ней... Митя, конечно, проверять не будет, но все равно, как бы при случае у нее не спросил. Только почему я так беспокоюсь обо всех этих мелочах?..»

Не вытираясь, я натянула на себя купальник.

В коридоре было прохладно, и я поскорее зашла в дверь, которая вела непосредственно к бассейну.

Там, в узком помещении с глухой пластиковой дверью, было тихо, только изредка раздавался всплеск воды, бьющей по темным каменным ступеням. Бассейн располагался под открытым небом, и зимой, когда воду подогревали до нужной температуры, здесь все плавало в тумане – жутковатое впечатление: пар поднимался клубами вверх, и казалось, что вода превращается в кипяток.

Сейчас пара не было, но все равно это место пугало меня и притягивало. Узкий, длинный и темный коридор заканчивался квадратиком света – как возвращение из клинической смерти.

Я сняла резиновые шлепанцы и осторожно стала спускаться по ступеням в воду. Она была голубовато-синей и зеленоватой – в зависимости от угла падающего на нее света, кафельные квадратики на глубине причудливо меняли свои очертания. Откуда-то снаружи глухо раздавалась музыка – тягучие странные звуки, искаженные барьером, опущенным до уровня воды, зимой он не пропускает в помещение холод с улицы.

Я вдохнула воздуха в легкие и нырнула под барьер...

Светило солнце, народу и вправду было мало. Я взглядом нашла свободную дорожку на воде и поплыла к ней.

Постепенно, с каждым гребком ощущение тяжести покидало меня, словно здесь, в воде, обычные житейские проблемы имели совсем другой вес. Я вдруг представила себя маленькой золотой рыбкой в своем аквариуме, беззаботно вьющейся над макетом затонувшего галеона.

...В прошлом году, в декабре, я болела гриппом. Температура поднялась чуть ли не до сорока, состояние было ужасное – все тело в огне, суставы словно выворачиваются наизнанку. Митя тщетно поил меня какими-то новомодными лекарствами, укутывал в одеяла – ничего не помогало. Строгая докторша из поликлиники предлагала отправить меня в больницу, но больниц я боялась смертельно.

Однажды ночью я проснулась – Митя сидел рядом.

– Почему ты не спишь? – удивилась я сквозь жар, потом снова закрыла глаза и пробормотала в забытьи: – Ненавижу декабрь... Самое темное время года. Хочу лета и свежей клубники. Митя, а ты любишь клубнику?

Когда я перед рассветом снова открыла глаза, то рядом со мной на столике стояло блюдце с ярко-алыми ягодами, источавшими изумительный летний запах – запах мечты и счастья. Мне показалось, что я все еще брежу.

Мити в комнате в тот момент не было, я положила одну ягоду в рот и удивилась, что она в самом деле настоящая, в то же время совсем не думая о том, где и как мой любимый искал ягоды посреди ночи. Скоро, буквально на следующий день, я уже чувствовала себя вполне сносно, и мысли потекли по нормальному руслу: подумаешь, клубника среди ночи! В наше время круглосуточно работающих супермаркетов, где можно найти и манго, и анчоусы, разве это проблема?

...Вода в бассейне резко пахла хлоркой, но этот запах меня не раздражал, я с детства привыкла к нему. Я проплыла двести метров брассом, потом еще столько же кролем, а затем медленно, оставившись в

ярко-синее небо, стала дрейфовать на спине, отдыхая и собирая свои мысли в единое целое.

Отличное решение пришло мне в голову – пусть все остается по-старому. Эта странная ситуация с двумя мужчинами, которые одинаково дороги моему сердцу, авось сама как-нибудь рассосется.

Я доплыла до бортика, скосила глаза влево – там ходил мрачный работник бассейна, наблюдавший за порядком на воде, а потом, пользуясь удобным моментом, глубоко нырнула... Вообще-то нырять запрещалось, но я не могла удержаться от искушения – там, под толщей воды, мир был совсем другим. Кстати, Митя собирался в конце осени отправиться со мной на Кубу – говорят, занятия дайвингом в тех местах особенно хороши. Неужели мне придется отказаться от этой поездки? Я не знала, сможет ли мне Серж предложить то же самое...

Под водой, за стеклами моих специальных, для плавания, очков, переливался зеленовато-желтый свет. Я коснулась пальцами дна и уже хотела подниматься вверх, как вдруг передо мной откуда-то сбоку метнулась тень. Боковое, немного искаженное очками зрение не сразу смогло определить, кому принадлежала эта тень, и в первый момент мне стало не по себе, словно я увидела плавающую в бассейне акулу.

Я вздрогнула, затрепетала, как заметившая хищника рыбешка, но тут же поняла, что это никакая не акула, разумеется, а другой ныряльщик – некто в темных плавках, резиновой шапочке серебряного цвета и в черных очках, за которыми глаз не было видно. Растопырив руки, он подплыл ко мне ближе и показал язык.

Все это произошло очень быстро, буквально за несколько секунд – я тут же поднялась вверх, отлепила от глаз очки с твердым намерением отчитать нахала.

Но вместо одного их вынырнуло целых три – вероятно, еще двое подплыли с другой стороны. Смотритель в это время зевал, глядя на полет вороны в небесной вышине. «Бездельник!» – презрительно подумала я, хотя только что сама нарушила правила.

Потом мое внимание перешло на трех любителей порезвиться в глубине.

– Это свинство, – сказала я им. – Вы меня напугали. И вообще, здесь нырять запрещено.

– А вы что делали? – лукаво спросил один, оперевшись локтями на разделяющий дорожки трос.

– Это вас не касается, – мрачно ответила я. – Может, я уронила что-нибудь на дно.

– Правда? – серьезно спросил другой – тот самый, что показал мне язык под водой. Черные очки он прилепил ко лбу, и я увидела, что глаза у него того же неопределенного зеленовато-коричневого цвета, как кафель на дне бассейна.

– Вам-то что?

– Мы бы вам помогли. Анатолий, поищем? – Он обернулся к третьему – унылому юноше с посиневшими от долгого плавания губами.

– Спасибо, не стоит. – Я решила сменить гнев на милость. – Я придумала, я ничего не роняла.

– Девушка, а как вас зовут? – все так же лукаво спросил первый. Я заметила, что он очень красив – мускулистые руки, покрытые легким загаром, голливудская улыбка, отважное, как у героя боевика, лицо. – Меня, например, Игорем зовут...

– Что, хотите познакомиться?

– Почему бы и нет?

– Но вас же трое! – притворно ужаснулась я.

– Не хотите с тремя, так выберите кого-нибудь одного, – упорствовал красавчик Игорь.

Это небольшое приключение в водах «Ихтиандра» неожиданно развеселило меня. Я очень серьезно переводила глаза то на одного, то на другого пловца.

– Ты, – сказала я, протянув руку в сторону среднего, того самого, что напугал меня. Игорь, судя по всему, ждал иного ответа – он душераздирающе вздохнул и сделал вид, что камнем пошел на дно. В этот раз служитель не зевал. Он довольно строго крикнул в нашу сторону, что нырять здесь запрещено, и вообще, нечего разыгрывать сценки из «Титаника»...

– Пардон, – сказал вынырнувший Игорь. – Ладно, мы с Анатолием не в обиде. Толян!

Унылый Анатолий встрепенулся.

– Плыдем отсюда, не будем мешать этому счастливчику...

Они и вправду поплыли в обратную сторону.

– Ну, а твое имя? – довольно бесцеремонно спросила я, считая, что вежливым обращением на «вы» не стоит себя утруждать.

– Алексей. Лёша... – У него был приятный, чуть хрипловатый баритон, как у большинства мужчин с атлетическим сложением.

– Таня, – в свою очередь представилась и я. Разумеется, никаких знакомств я заводить не собиралась, но поболтать совсем немного была не прочь.

Он смотрел на меня каким-то странным, напряженным взглядом. Впрочем, я к этому привыкла.

– Что, еще не видели таких конопатых? – засмеялась я.

– Таких – нет, – серьезно ответил он. Не знаю, возможно, там, на глубине, я показалась ему каким-то пестрым расплывчатым чудовищем, которому и язык не грех показать, но сейчас что-то сильно его смущало. – Извините меня, я вас напугал?

– Да ладно! – великодушно сказала я.

Вероятно, он изо всех сил старался казаться человеком порядочным, дабы сгладить первое впечатление, но это ему удавалось с трудом – его глаза все время сползали с моего лица ниже, где в прозрачной воде среди солнечных бликов переливалось мое тело в довольно откровенном купальнике...

– Вы хорошо плаваете, – сглотнул он.

– Ну, тогда на старт! – скомандовала я. – А то я уже начинаю мерзнуть.

Оттолкнувшись ногами от стены, я скользнула вперед, Лёша загребал руками рядом. Я старалась изо всех сил, но и он, похоже, тоже был не промах – до следующего бортика мы дошли одновременно.

– Отлично, – сказал он, растирая по лицу брызги. – Как насчет того, чтобы встретиться после сеанса?

– Смелый юноша, – поощрительно заметила я. – Сразу берешь быка за рога.

Похвала очень сильно на него подействовала, и он тут же стал требовать мой телефон.

– Два два два, три два два... нет, три два два... – Я морочила ему голову и уже откровенно веселилась, замечая, как его лицо принимает все более упорное выражение. – Ладно, Лёша, я дам тебе его после бассейна. Сколько тебе лет, кстати?

– Двадцать четыре.

– А мне тридцать, – легко приврала я. – Ты не замечаешь некоторого несоответствия?

– Нет, – сказал он спокойно и даже для убедительности заиграл мускулами. Хотя скорее всего это у него произошло от волнения. Мы еще немного поболтали, потом договорились встретиться в холле бассейна.

– Ты можешь еще поплавать минут двадцать, – сказала я. – Все равно мне долго волосы сушить.

– Ты не уйдешь без меня? – угрюмо спросил он, тоже переходя на более дружескую форму общения.

– Нет, что ты! – Я даже как будто обиделась такому недоверию. – Мы

же договорились.

Разумеется, я не сдержала слова. Может быть, я и согласилась бы с ним посидеть в местном буфете какое-то время, но мне показалось это неразумным – уж слишком настойчив был любитель подводного плавания. «А нечего было язык мне показывать», – мстительно подумала я, сбегая по ступенькам из здания, где располагался «Ихтиандр».

Мокрые волосы во время быстрой ходьбы подпрыгивали у меня на затылке, холодные струйки стекали с них под воротник, но это совсем меня не смущало. Даже несмотря на то, что на солнце набежала фиолетовая туча и закрапал мелкий дождик, предвестник осеннего ненастья.

В ближайшем гастрономе я купила бутылку армянского коньяка – дарить Шурочке французский показалось мне слишком накладно. И непатриотично к тому же. Вдобавок подозревала, что появление Сержа на моем горизонте было вызвано искусственным путем.

Шурочка оказалась дома одна, ее сын с бабушкой отдыхали на даче в Подмосковье.

– Ах, это ты! – как-то чрезмерно обрадовалась она, увидев меня на пороге. – Что, под дождик попала?

– Угу.

– Да вроде дождик не такой и сильный, – недоуменно произнесла она. – Ой, а что это я вижу у тебя в руках?

Я прошла в комнату и торжественно поставила бутылку в центр стола.

– Что, проиграла? – усмехнулась Шурочка, ее глянцево-карие глаза вспыхнули торжествующе.

– Как видишь...

– Ладно, я не жадная. – Она достала из серванта пузатые рюмочки. – Садись, тебе согреться надо.

– Там совсем не холодно, лето еще, – попыталась было возразить я, но Шурочка упрямо повторила:

– Садись.

После первой рюмки она потребовала, чтобы я в подробностях рассказала ей все.

– Ты действительно оказалась на компьютерном рынке случайно? – как бы между прочим спросила я.

– Ах, где Серж работает...

– Что-то слишком много междометий.

– Да, случайно! – вызывающе ответила Шурочка.

Ее красота сегодня показалась мне еще более потускневшей, какой-то пыльной – словно слоник из ее серванта, по которому она забыла провести

метелочкой.

– Ладно, будем считать, что это правда, – легко согласилась я. – И так – он встретил меня недалеко от дома и предложил прогуляться...

– Мог бы и в ресторан позвать, – недовольно заметила она.

– Ты попала в точку – звал, но погода была такой прекрасной, что мы решили прокатиться на речном трамвайчике по Москве-реке.

– Отлично, отлично, – промурлыкала она, постукивая длинными крепкими ногтями по столу. – Очень романтично...

– Шурочка, ты действительно уже ничего не испытываешь к Мельникову? – вкрадчиво поинтересовалась я.

Шурочка положила ногу на ногу, повертела в руках рюмку и сказала очень довольной:

– Нет. Даже когда я увидела его там, на рынке, в толпе и сутолоке... Знаешь, когда взгляд вдруг выхватывает в такой толпе знакомое лицо, всегда немного не по себе становится, что-то екает внутри... Так вот, когда я внезапно его заметила, то ничего не екнуло. Мое сердце было абсолютно холодно – как лед! – Для убедительности она даже взмахнула рукой, слегка расплескав коньяк. В воздухе запахло шоколадом и ванилью, и этот праздничный аромат напомнил мне Новый год и то предчувствие счастья, которое не давало мне спать по ночам в холодные и снежные дни начала января. Неужели мечты сбываются?

– И ты посоветовала Мельникову поскорее встретиться со мной, пока июль еще не кончился? – улыбнулась я.

– Будем откровенны, – заерзала она в кресле. – Из его слов я поняла, что он постоянно вспоминает тебя и хочет еще раз увидеть. Его желание не было оформлено – так, смутные устремления. Я только помогла ему определиться в своих поступках.

– Ты замечательно излагаешь! Сплав поэзии и психологии. Может быть, тебе стоит бросить работу и заняться любимым делом?

– Ты на меня сердишься? – жалобно спросила Шурочка.

Наши глаза встретились и тут же разбежались по разным углам комнаты.

– Нет, нет... Мы плыли с Сержем на теплоходе, и солнце светило нам в глаза, – возвышенно произнесла я, поддельваясь под стиль подруги. – Он признался мне в любви и поцеловал.

– Поцеловал?!

– Не понимаю твоего удивления... Разве этого не следовало ожидать? Так вот, он меня поцеловал.

– О боже! – дрожащим голосом произнесла Шурочка. Лицо ее горело

то ли от коньяка, то ли от любопытства.

– Ах, милочка, дальше – больше, – вздохнула я, словно каясь в содеянном. – Мы сошли в Нескучном саду и там, в безлюдном парке, под сенью склонившейся к воде ивы, целовались еще битых два часа. И если б не последние остатки разума, там бы и...

– О боже! – повторила Шурочка, подливая себе еще коньяка.

– Но это еще не все, – угрожающим тоном добавила я. – Он предложил переехать к нему, намекал на готовность жить со мной до самой смерти – говорил что-то такое романтическое, возвышенное, дословно не помню...

– А ты? – со жгучим интересом спросила она.

– Я? Я ничего определенного не ответила. Дорогуша, я была просто шокирована – он свалился как снег на голову, сразу признался в любви, чуть ли не предложение сделал... Что я могла ему сказать?

– Ты же любишь его! – быстро произнесла моя собеседница, отпивая глоток из рюмки.

– Я его люблю?

– Да. Ты сама говорила мне об этом.

– Я говорила тебе, что когда-то давно, во времена золотой юности, лет десять назад, испытывала к нему нежные чувства. Но про то, что я испытываю к нему сейчас...

– Вы о чем-нибудь договорились? – быстро спросила Шурочка, перебив меня.

– Он обещал звонить мне сегодня.

– И...

– К сожалению, меня целый день не было дома.

– Ты просто сбежала! – исступленно воскликнула Шурочка. – Он, бедняга, целый день тебе названивает, наверное, а ты шляешься неизвестно где!

– Я плавала в бассейне, – с достоинством возразила я. – Очень полезно для фигуры.

Шурочка надменным взглядом окинула мою фигуру и презрительно фыркнула. Вообще ее волнение начало мне казаться каким-то чрезмерным, не соответствующим обстоятельствам. Да, всегда интересно обсуждать личную жизнь подруги, вникать в подробности чужого романа и давать ценные советы, однако подобные разговоры ведутся хоть и оживленным, но вполне спокойным тоном, допустимы лишь вскрикивания, ахи и охи, всплескивания рук. А когда начинают вопить в полный голос и покрываться багровой краской – это по меньшей мере странно. Пожалуй, Шурочка чересчур увлеклась моим романом с Сержем. Можно было даже

предположить, что она ревнует, но мне почему-то казалось, что такое ее поведение вызвано не ревностью, а чем-то другим... Словно она изо всех сил хотела свести нас с Сержем и мое нежелание отвечать на его бурную страсть ужасно бесило ее.

– Так позвони ему сейчас, – словно в ответ на мои мысли, строго произнесла она. – Нельзя мучить хорошего человека.

– Ты невероятная гуманистка... Я не знаю его телефона.

– Вот! – Она сунула мне под нос бумажку. – Звони!

– Ты в самом деле настаиваешь? – Я еще пыталась сопротивляться. – Может, не стоит так ретиво браться за дело... Я думаю, он сам мне потом позвонит еще раз. Ведь если Серж действительно меня любит, то подобные мелочи не смогут охладить его чувства.

Шурочка от досады даже топнула ножкой.

– Ну почему ты такая упрямая! Дело ведь в другом, дело в элементарной вежливости... Ты обещала ждать его звонка сегодня, а сама удрала из дома. Обязательно позвони ему, а то он разволнуется и подумает бог знает что! Например, что Митя твой тебя приревновал и задушил, как Отелло в той трагедии.

– В жизни трагедий не бывает, – с видом знатока возразила я. – Но, в общем, ты права.

Я подошла к журнальному столику, на котором стоял телефон, и, обреченно морщась, стала набирать нужный номер. Шурочка окинула меня огненным взглядом и вышла из комнаты, как будто не желая мне мешать.

Почему я так боялась этого разговора и изо всех сил откладывала его на потом – не знаю. Я испытывала к Сержу самые нежные чувства. Сколько себя помню, я всегда желала его ответной любви, и моя голова еще кружилась от тех волшебных, почти фантастических слов, которые он наговорил мне вчера. Но он, вероятно, ждал от меня чего-то определенного, а я пока еще никаких планов на будущее не загадывала.

– Алло! – ответил мне в трубке слабый, далекий голос, словно я говорила с дальним зарубежьем.

– Алло, – ответила я. – Милый, с тобой говорит Таня Танеева.

На том конце провода повисла пауза, заполненная шуршанием телефонных проводов.

– Алло!

– Я тебя слышу, – все так же тихо ответил он. – Где ты пропадала?

– Я у Шурочки.

– Я очень волнуюсь. Мне кажется, ты совсем не рада нашей вчерашней встрече.

Беспомощная, печальная нежность в его голосе совершенно меня обезоружила. Я вдруг действительно почувствовала себя самой настоящей свиньей из-за того, что заставила Сержа так переживать.

– Неправда... Обстоятельства сегодня сложились таким образом, что я никак не могла...

– Где ты? – прервал он мою покаянную речь.

– Я же говорю – у Шурочки...

– С тобой все в порядке?

– А что со мной может быть? – искренне удивилась я. – Просто обстоятельства сложились так, что я не могла ждать твоего звонка дома...

– Он тебя обижает?

– Кто? – Тут до меня постепенно стало доходить, что Шурочка со своим знанием психологии была права – Серж испугался моего отсутствия и связал его с Митиным гневом. Митя меня обижает... Боже мой! Я даже почувствовала нечто вроде раздражения. – Со мной все в порядке.

– Зачем же ты скрываешься от меня?

– Умоляю, не заставляй меня оправдываться, – мрачно произнесла я. – Как у тебя дела?

– У меня сейчас нет никаких дел, я только о тебе думаю... Давай встретимся.

– Сегодня?

– Да, я часа через два уже смогу подъехать...

– Я не могу сегодня! – всполошилась я. – Завтра! И, знаешь что, больше не звони мне домой, будем держать связь через Шурочку.

– Я так и думал – он тебя обижает.

– Святители-угодники! – возопила я уже в полный голос. – Да я сама кого хочешь обижу!

– Все, я не буду, – прошептал Серж испуганно. – Ты настоящая валькирия... Только завтра – точно.

В комнату влетела Шурочка.

– Что случилось?! Какие-то дикие вопли...

– Извини, – буркнула я, кладя телефонную трубку на рычаг. – Кстати, ты не против, если Серж будет держать связь через тебя?

– Что будет держать? Ах, как ты мило выразилась... – Ни следа прежнего напряжения на Шурочкином сияющем личике уже не было. – Ладно, моя квартира отныне будет называться явкой, а я – разведчицей Кэт...

– Знаешь, Шурочка, я еще не определилась в отношении Мити, – твердо произнесла я, решив больше не скрывать своих намерений. – Что

посоветуешь, мой личный психоаналитик?

– Я советую тебе бросить его, – легко сказала она, садясь в свое любимое кресло и протягивая руку к недопитой бутылке.

– Дорогуша, ты так совсем сопьешься.

– Я? О нет! Сегодня особенный день. – Она плеснула и мне, подняла бокал. – Виват, виктория!

– Что-то я тебя не понимаю, – буркнула я, нюхая коньяк. – Что за победу ты сегодня отмечаешь?

– Милочка, ну могут быть и в моей жизни какие-то события...

– Вполне допускаю, – рассеянно сказала я, но расспрашивать Шурочку о ее личной жизни мне совсем не хотелось. Другая мысль мучила меня, и я спросила: – Почему ты предлагаешь бросить Митю?

– А что, у тебя есть какие-то другие варианты? Или, может быть, ты собираешься жить с двумя мужчинами?

– Что-о?

– О, это было бы очаровательно – разделение семейных дел! Один ходит в магазин, другой стирает, а уж что до супружеских обязанностей... Двойная доза сладких объятий! Правда, с рождением детей возникли бы некоторые проблемы...

– Ну тебя! Почему ты считаешь, что мне лучше уйти от Мити? Может быть, для моего женского счастья именно он и нужен! А что Серж? Я его только один день знаю, если судить по большому счету.

– Ты его знаешь всю жизнь, – жестко заявила Шурочка. – Он – твоя мечта. Все, что ты хотела получить от бога, – это только он, Серж.

– Допустим, я бы еще кой-чего попросила от всевышнего, не стоит заикливаться только на одном мужчине... Милочка, да ты меня просто зомбируешь!

Неожиданная мысль посетила меня – а что, если бывшая моя одноклассница сама влюблена в Митю и теперь с помощью Сержа пытается решить свою проблему? Очень похоже на правду, стоит только вспомнить тот поцелуй на поляне, который обманом вырвала Шурочка у моего незадачливого сожителя. Я уйду к Сержу, а Митя автоматически достается Шурочке!

– Шурочка, неужели тебе Митю не жалко? Помнится, ты была о нем очень высокого мнения.

– Да ну его... – холодным, равнодушным голосом, никак не соответствующим моей теории, произнесла она. – Неужели ты не понимаешь, что на кону стоит твое счастье!

– Что оно такое, это счастье... – уныло протянула я.

Шурочка неожиданно вскочила со своего кресла и энергичной, но, впрочем, немного неровной походкой принялась ходить из угла в угол.

– Что есть счастье! – патетически воздела она вверх руки. – Каждый вкладывает в это понятие свои установки, но есть некоторые общие места, которые нужны всем людям, независимо от их устремлений и вкусов.

– Не поняла. Впрочем...

– Все очень просто – женщина не может без мужчины. Но мужчин много, как разобраться, который из них будет идеальным партнером?

– Действительно, как?

– Да легко: нельзя полагаться на одни чувства, при подобном выборе должен быть включен мозг, то есть рацию.

– А где кнопочка?

– Какая кнопочка?

– Ну, чтобы включить мозг...

– Да пойми же ты! – Шурочка все быстрее и быстрее бегала передо мной, сливаясь в одну сплошную линию. – У тебя уже есть определенный идеал мужчины, за много лет он укоренился в тебе. Вспомни – детские комплексы самые сильные! На другого мужчину ты уже не настроишься. У тебя есть только один выход – Серж. А Митю не жалеешь...

– Может быть, тебе стоит это сделать?

– Что? – Шурочка чуть не споткнулась от недоумения.

– Пожалеть Митю, – шелковым голосом подсказала я.

– Да брось ты! Он не в моем вкусе... – В ее голосе было столько равнодушного пренебрежения, что я вдруг поверила ей.

– Эх, милочка! Впрочем, не буду... Кажется, ты действительно права. Серж... Серж – мечта всей моей жизни!

Стол передо мной качнулся, но я крепко вцепилась в край обеими руками. Я вспомнила Сержа. Нет, не вчерашний сумасшедший день, а тот, другой, в начале марта, когда мы танцевали с ним под медленную, тягучую мелодию и я едва могла сдержать крик от пронзившего меня наслаждения. Наслаждения от того, что я впервые обняла любимого мужчину. Господи, да Шурочка просто гений. Как тонко она чувствует людей! Она милая, добрая и искренне желает мне счастья. И огорчается, когда я не хочу замечать очевидного... Надо признать – я никого не любила в своей жизни, кроме... кроме Него. Ах, как невыносимо сладко было обнимать Его... Я ни с кем не испытывала подобного! А что, если сделать картинку более интимной, сбросить покровы и перейти непосредственно к десерту? Что же я испытаю тогда, в те минуты, когда уже нечего больше желать?

Вероятно, я немного захмелела от коньяка, потому что мысли мои

вились каким-то причудливым образом, словно я играла роль в старинном спектакле. Не исключено, что мои мысли и были словами одной из моих героинь, вот только я не могла вспомнить, из какой пьесы...

Мы о чем-то еще бурно и жарко спорили с Шурочкой, потом обнялись вдруг и залились слезами. Кажется, в тот момент я безумно ее любила и считала самым лучшим своим другом.

* * *

Мити не было. Я быстро обошла квартиру, даже заглянула в таинственные глубины аквариума. «Он меня бросил!» – подумала я, наблюдая за призрачным парением вуалехвоста, но странно – эта мысль не принесла мне удовлетворения. Я постепенно начала трезветь.

Я умылась и легла спать, на сердце было тяжело, тоскливо. «Даже вещи свои не забрал!» – подумала я.

В начале двенадцатого раздался долгий телефонный звонок. «Межгород!» – подскочила я на кровати.

– Татка, дорогая, ты не поверишь, где я! – раздался в трубке знакомый голос, вопреки всему – веселый и ласковый.

– Митя! Ты где?

– Я в Санкт-Петербурге. Надо было срочно подписать документы, генеральный здесь на совещании, пришлось лететь...

– Да уж! – только и смогла я ответить.

– Я звонил тебе, только никто трубку не брал.

– Я у Шурочки, в гостях...

– Да не важно все это! Татка, я тебя страшно люблю и прошу прощения за ту дикую сцену ревности, которую тебе устроил. Татка, я приеду послезавтра. Я тебе сувенир купил!

– Жду! – машинально ответила я и положила трубку. В голове у меня произошло нечто вроде короткого замыкания.

В темноте продолжала гореть аквариумная подсветка – медленно проплывали сонные рыбешки, переливались зеленоватые, коричневые, багровые краски, словно передо мной вертелся хрустальный шар гадалки, в котором смутными образами отражались картины будущего, а я вглядывалась и ничего не понимала...

Я проснулась непривычно рано для себя – в восьмом часу – и обнаружила, что за окном медленно, напряженно наступает августовский

рассвет. Пронзительные малиновые краски, напоминающие бутафорскую кровь, заливали всю восточную часть небосклона. День, судя по вчерашнему прогнозу погоды, обещал быть по-прежнему теплым, но сейчас мне показалось, что лету все труднее удерживать свои права, так тяжело, страстно, из последних сил закипал этот восход.

Я открыла банку кошачьих консервов – Луи немедленно подбежал ко мне с таким видом, словно его неделю морили голодом, бросила сушеных дафний в свой роскошный аквариум, а себе сварила кофе. Голова не болела после вчерашнего, но в ней было как-то странно пусто – ни желаний, ни мыслей.

Передо мной стояло зеркало. Прихлебывая горячий кофе, я рассматривала отражение хмурой молодой женщины с невероятно всклокоченными волосами (подобного типа волосы умеют за ночь растрепаться так, словно никогда не знали расчески), с круглым, густо усыпанным веснушками личиком и светло-карими, почти желтыми глазами, которые смотрели на меня холодно и жестко, почти жестоко.

– Я тебя люблю, – сказало мое отражение кому-то невидимому там, в зеркальной глубине. – Я тебя люблю. Нет, не так, надо больше экспрессии – я люблю тебя! Опять мимо, слишком театрально, напыщенно. Я тебя люблю...

На разные лады, как будто на репетиции, повторяла я три слова, но глаза у женщины в зеркале были по-прежнему жестоки и холодны. Тогда я нарисовала себе ядовито-алые, вампирские губы, а веки густо покрыла темно-синими тенями. Любовница Дракулы!

– Ты будешь моим! – хриплым угрожающим голосом прокаркала я, перебирая перед собой пальцами, словно выпуская когти. Кот очумело вздрогнул, оторвавшись от миски, коротко мяукнул и умчался под диван. Вероятно, бедному животному показалось, что его хозяйка сошла с ума. – Мы созданы друг для друга!

Я просидела перед зеркалом битый час, занимаясь этой ерундой, пока телефонный звонок не прервал мое творчество.

– Любимая! – прошептал голос в телефонной трубке. – Ты обещала мне сегодняшней день...

Серж.

– Я просила посылать сообщения через Шурочку, – несколько сварливым тоном заметила я. – Впрочем, уже не важно. Ты помнишь мой точный адрес? Сгораю от нетерпения увидеть тебя...

Я, конечно, опять немного актерствовала, но настроение после утреннего гримасничанья у меня значительно улучшилось. Мы

договорились о встрече в полдень, и я, стерев вампирскую маску с лица, принялась тщательно приводить себя в порядок, словно от этого свидания зависела вся моя жизнь.

Так оно и было – завтра приезжал Митя, и надо было окончательно решить что-то.

Внутри у меня все дрожало, потому что я точно знала, что будет, когда сюда придет Серж. Предстоящее свидание и манило, и пугало. Я очень много ждала от него: ждала, что я наконец пойму, что я есть за женщина, ждала, что вечная мерзлота в моей душе растает и мое имя не будет казаться белой холодной снежинкой – я стану самой собой, наступит полная гармония, и моя внешность станет соответствовать моему внутреннему содержанию.

До прихода Сержа я медленно ходила по квартире, сжимая руки на груди, пытаюсь унять дрожь в сердце. В зеркалах, в полировке мебели, в аквариумном стекле отражалась хорошенькая кудрявая девушка в простеньком ситцевом платье. Сейчас, в ознобной горячке, я выглядела чрезвычайно юной, словно вновь вернулись мои семнадцать лет. Единственное отличие от прошлого – я была очень хороша. Я ощущала это остро и отчетливо: я была прекрасна в предчувствии любви. Помнится, когда-то я завидовала Шурочке, что та умеет преображаться при виде своего героя. Теперь и ко мне пришло это умение. «Нет, не умение! – мысленно возразила я самой себе. – Такому никогда не научишься, это дар божий! Кажется, я полюбила, в первый раз в жизни полюбила...»

Я старательно, изо всех сил заставляла себя не думать сейчас о Мите. Как молитву, твердила я Шурочкины слова о том, что только Серж моя судьба, я – для него, он – для меня, тугева-форева.

Когда коротко тренькнул звонок в прихожей, я была, как выразились бы в старинном романе, на грани обморока. «Это не Митя, Мити до завтра здесь не будет!» – строго сказала я себе и пошла открывать дверь.

Первое, что я увидела, был огромный букет лилий – матовые, прекрасные, чистые лепестки издавали необыкновенный, сладкий аромат.

– Милый! – только и сумела я воскликнуть, оглушенная этим сумасшедшим запахом.

Когда за вошедшим Сержем захлопнулась дверь, я наконец смогла разглядеть как следует и его самого.

Песочного цвета брюки, светлая рубашка, блестящие русые волосы, бледное, взволнованное лицо... От его облика веяло торжеством, праздником – с таким выражением обычно венчаются. Он упал на колени и обнял меня за ноги. В самых необузданных своих юношеских мечтах я не

могла себе представить подобной сцены!

Я протянула к нему руку, заставила встать.

– Милый, это какое-то безумие...

– Все в порядке, – тихо возразил он. – Просто я люблю тебя.

– Скажи, я тебя вчера не обидела?

– Нет, нет, стоило подождать еще один день, чтобы вновь увидеть тебя.

Знаешь, я за этот день понял – я не могу без тебя жить.

– Серж, голубчик, ты меня пугаешь, я так боюсь всяких высоких слов...

– Ладно, молчу... Силенциум. Иначе взорвутся волшебные ключи, вода замутится.

– О чем ты говоришь?

– Ни о чем.

Он обнял меня и поцеловал. У меня закружилась голова от этого долгого поцелуя, тем более что перед ним я не успела набрать в легкие побольше воздуха.

– Я... я хочу поставить цветы, – задыхаясь, едва смогла произнести я потом. – Проходи в комнату, я сейчас.

Когда я снова появилась – с букетом в красивой хрустальной вазе, – он с изумлением стоял перед моим аквариумом.

– Что это? – спросил он, на какое-то время возвышенная любовь на его лице сменилась обычным любопытством.

– Ты же видишь! – засмеялась я.

– Да это целый водоем, можно рыбалкой заниматься...

– Ты хочешь сказать, что я страдаю гигантоманией? – Я поставила цветы на стол.

– Нет, что ты... Шурочка рассказывала мне об аквариуме. Он ведь – чей-то подарок, да?

– Да.

В этот момент глаза наши опять встретились, и Серж, словно загипнотизированный, сделал шаг в мою сторону. Он был очень красив – более изысканного мужчины в моей жизни не было, я даже ощутила нечто вроде тщеславия.

– А что еще Шурочка обо мне рассказывала?

– Многое... Я о тебе, наверное, все знаю. Я знаю, что лучше тебя никого нет.

«Что же такое она обо мне рассказывала? – озадаченно подумала я. – Не ожидала, что она оказалась способной даже пожертвовать своей прошлой любовью... Обычно женщины о своих подругах говорят не только

хорошее, но Шурочка, выходит, стала выше бабской вредности».

Мы опять слились в поцелуе. В этот раз я так и не поняла, отчего у меня закружилась голова – от страсти или опять от недостатка кислорода. Впрочем, не важно, я жаждала испытать самое острое наслаждение в своей жизни.

Серж поцеловал меня в шею, потом, спустив бретельку с плеча, стал ласкать губами и его. Я тихонько застонала и хотела расстегнуть пуговицу на его рубашке, но руки у меня так дрожали, что я смогла только провести пальцами по его груди...

– Ты мое счастье, золотце мое! – Виски у него заблестели от внезапно покрывшей их испарины, и я вдруг заметила, что пальцы у него тоже прыгают, не в силах совладать с «молнией» на спинке моего платья.

– Нет, выше, – прошептала я, поднимая рукой волосы. – Да... Ой, осторожнее!

А вот Митя был безумно аккуратен, раздевая меня, я еще ни одного волоска из своей шевелюры не потеряла... «Что за черт! – сердито прервала я себя. – Если я буду думать о Мите, то не получу главного наслаждения в своей жизни – хотя бы один раз, один только раз».

Тем временем Серж успешно справился с застежкой, и платье упало к моим ногам. Я постаралась на славу – тонкое шелковое белье алого цвета очень шло к моей пестрой коже. Краем глаза я взглянула на свое отражение в аквариуме – дивное существо, не похожее ни на одну другую женщину, словно прилетевшее с огненного Марса. Я себе откровенно нравилась.

Купить и надеть красивое белье – вещь совершенно простая, но даже на самых искушенных мужчин оно всегда действует безотказно. Громко засопев, Серж подхватил меня на руки и понес к кровати.

Потеряв голову, он торопливо раздевался передо мной, путаясь в пуговицах и ремне, носки не желали слезать с ног.. я закрыла глаза и приготовилась к тому блаженству, которое должно было на меня вот-вот снизойти.

Обнаженный, он упал рядом и стиснул меня что было сил, я даже пискнула сдавленно... На груди у него росла светлая, мягкая шерстка, я провела по ней, потом мои руки заскользили по всему его телу, словно одного зрения не хватало для того, чтобы ощутить его красоту, он стал стягивать с меня трусики...

– Только не торопись! – прошептала я. – Только не торопись, я тебя умоляю!

Он не торопился, он делал все достаточно медленно, но я вдруг поняла, что мне еще очень далеко до обещанного блаженства. Сновали

туда-сюда рыбки в аквариуме, кот сидел на полу перед кроватью и, склонив мордочку, озадаченно наблюдал наши телодвижения. Я стонала, извивалась, Серж был уже весь покрыт испариной, от него интенсивно пахло дезодорантом, одеколоном, туалетной водой после бритья, шампунем от перхоти, кремом для ног – от запаха всей этой парфюмерии у меня даже заложило нос, я все еще чего-то ждала... Я хваталась двумя руками за его чудесное обнаженное тело и постепенно понимала, что ничего не чувствую.

Всякое проявление любви оправдано самой любовью, но я не была влюблена в Сержа. Когда-то, давным-давно, я хотела, чтобы этот человек был только моим, но сейчас мое тело не отзывалось на его прикосновения, словно вместе с прошедшей юностью ушла и любовь к нему.

Я была археологом, который, разгребая в разные стороны песок посреди пустыни, обнажает огромный остов динозавра, умершего тысячи лет назад. Все было настоящим – и песок, и кости, и руки, которые терпеливо откапывали прошлое, под сомнением была только жизнь этого несчастного динозавра, ибо факт его гибели скрывался в глубине веков.

Я обнимала Сержа, я прикасалась к его шее, пахнувшей дорогим мужским одеколоном, я стонала и вскрикивала, отзываясь на каждое его движение, но эта сцена любви была не со мной, а с той девочкой, которая десять лет назад собиралась отдать свою бессмертную душу за один час блаженства с обожаемым ею человеком. Я же нынешняя, холодная и жестокая, равнодушно наблюдала за этим актом любви... Нет, любовью нельзя назвать животные телодвижения, которые мы производили, что-то вроде ритуальной пляски смерти.

Серж зарычал непроизвольно, и я с неожиданным отвращением оттолкнула его. Он упал рядом – судороги, похожие на агонию, сотрясали все его прекрасное тело. Он испытывал наивысший миг наслаждения, но лишь отвращение он вызвал у меня... Я была актрисой, которая играла любовь, но сама не любила.

– Только моя, – хрипло сказал он, оставляя на моих плечах синяки.

– Серж, господи, мне больно! – пропищала я, отталкивая от себя его цепкие руки. – Серж, не трогай меня...

Откинувшись назад, он замер. Тишина повисла в комнате. Я скосила глаза и заметила, что кот давно удрал куда-то, в пустой комнате гулко раздавались какие-то странные удары. Я поняла, что это громко стучит мое сердце.

Серж лежал рядом, бледный, с закрытыми глазами, и если бы не вздымавшаяся от дыхания грудь, его можно было принять за мертвеца. Я с

ужасом смотрела на него... Все было прежним – и моя комната, и этот человек, и я сама, но что-то незримое, неуловимое произошло, черной тенью пролетело над нами. Я постепенно, но с каждой минутой все сильнее, жалела о том, что произошло. «Отчего так? – растерянно думала я. – Отчего мне кажется, что лучше было бы оставить мою детскую любовь нетронутой и по-прежнему вспоминать с нежностью и грустным умилением Сержа? Только желать воплощения мечты, но никогда не претворять желание в жизнь?»

– Тебе хорошо было? – спросил Серж, открыв наконец глаза. – Впрочем, это дурацкий вопрос, я не должен был его задавать...

А разве мне было плохо? Нет. Слишком большие ожидания, конечно, но ничего такого, к чему можно было бы придраться! Я пыталась с помощью рассуждений успокоить себя, но удавалось мне это плохо.

– Ты хочешь есть? – спросила я машинально.

Серж приподнялся удивленно на локте:

– Да! – и добавил потом: – Если любимая женщина накормит меня и восстановит мои слегка иссякшие силы, то я буду готов к новым подвигам!

Он говорил шутливым тоном, но у меня его ответ вызвал тоску, я пожалела о своем предложении перекусить... Что-то странное со мной творилось. Я вскочила, с ловкостью фокусника накинув на себя шелковый легкий халатик, и умчалась на кухню. «Какая я дура! – с раздражением подумала я. – Чего же я испугалась? Ведь всего полчаса назад я была уверена, что безумно люблю Сержа...»

Я насыпала в турку кофе, смастерила какие-то бутербродики и чуть не уронила поднос – в дверном проеме появился Серж, элегантно закутанный в простыню, – зрелище, достойное Древней Греции, а не моей скромной кухни.

– Я по тебе соскучился, – заявил он. – Ты собиралась подать мне завтрак в постель?

– Ну, в общем...

– Господи, ты чудо! Я все испортил, не надо было мне вставать!

– Что ж, раз испортил, так давай останемся здесь, – серьезно произнесла я.

Он попытался усадить меня к себе на колени, но я соскользнула с них под предлогом, что мне неудобно. Вертя в руках чашку с кофе, я сидела напротив него и не знала, о чем говорить.

– Ты выгнала его?

– Что?

– Того человека, с которым жила. Ты его выставила?

– Серж, голубчик, он совсем неплохой, нельзя так...

– Неплохой! – презрительно фыркнул Серж. В его голосе было что-то такое, что заставило меня насторожиться. Обычно с подобным апломбом говорят люди, которые точно знают что-то. Но что он мог знать о Мите? Я же ничего не рассказывала... «Шурочка! – озарило меня. – Она описала Митю злодеем. Но она перестаралась, в этом вопросе могла разобраться я сама». Мне стало обидно за Митю.

– Да, неплохой, – твердо повторила я.

– Хорошо, не будем об этом, – он накрыл мою руку своей ладонью. – Но мне совсем не хочется делить тебя с кем-то. Ты только моя, – ровным голосом повторил он. Похоже, Шурочка здорово сумела его накрутить. Я не злилась на нее, мне было только досадно, что ситуация вышла из-под моего контроля. – Таня, ты меня любишь?

– Да, – ответила я, с ужасом понимая, что безнадежно лгу.

– Тогда поцелуй меня, – он потянулся ко мне. Я покорно подставила губы, в очередной раз не понимая, почему мое сердце молчит. – Выходи за меня замуж, – сказал он потом серьезно.

– Не слишком ли ты торопишься?

– Милая, что ты! Мы столько лет потеряли, к чему тянуть...

– Но живут же люди и без штампа в паспорте! – с досадой произнесла я.

– Не надо, Таня, – мягко остановил он меня. – Ты согласна?

«Что ж это такое! – подумала я в совершенном отчаянии. – Вроде бы я должна согласиться, но мне смерть как не хочется! И вообще мне ничего не хочется!»

– Ты согласна? – повторил он, глядя на меня своими чудесными сероголубыми глазами. Этот взгляд совершенно лишил меня всякой ориентации, я барахталась в нем, как в утреннем тумане, не видя дороги.

– Да, – вдруг ответила я и опять поняла, что лгу. Что никогда не выйду за него и даже не захочу никогда быть его женой, потому что невозможно сочетаться браком с мечтой, которая осталась в прошлом.

Он обнял меня и стал говорить о своей бесконечной любви, о том, как он прозрел недавно – в фигуральном, естественно, смысле – и как он счастлив теперь, и что я большая умница, что согласилась.

– А то некоторые женщины не могут не поломаться для вида, – осуждающе добавил он.

Все свои фразы он пересыпал цитатами из классиков – остроумно, тонко, но у меня от его эрудиции мурашки по спине бежали. Что-то было не так – он словно роль говорил, вытверженную назубок, его речь была как-то

слишком красива для безумно влюбленного человека.

– Серж, а где мы будем жить? – Я попыталась вернуть его с небес на землю.

– Где хочешь – можно у меня, можно у тебя, – великодушно ответил он. Его уверенность в нашем счастливом семейном будущем невозможно было поколебать.

– Серж, я не хочу! – уныло прошептала я, но он словно не расслышал моих слов, подхватил на руки и опять понес на кровать. Я не сопротивлялась. Без сил и без воли я опять отдалась этому человеку, уже не ожидая, что сказочное блаженство посетит меня. Я не считала себя холодной женщиной, и ни один из моих возлюбленных не мог пожаловаться на отсутствие у меня темперамента. Физиологически я была вполне нормальна, если, конечно, не обращать внимание на некоторую психологическую холодноватость. Но сейчас я была абсолютно равнодушна к ласкам Сержа.

Когда он уходил (после тонких моих намеков, что мне совершенно необходимо остаться одной и обдумать его предложение), я наконец нашла в себе силы сказать:

– Мельников, тебе не кажется, что мы делаем ошибку?

– Ошибку? – удивился он.

– Ну да. Как-то скоропалительно у нас все произошло...

– Ты сомневаешься во мне?

– Нет. Но... – Я замолчала и добавила после долгой паузы: – Я сомневаюсь в себе.

– Это бывает, – снисходительно обронил он и поцеловал меня на прощание.

Весь вечер я действительно пыталась осмыслить произошедшее, оценить эту любовь, так нежданно-негаданно свалившуюся на меня. Разум мне говорил, что тревожиться не из-за чего, что Серж, как и предрекала умная Шурочка, – единственная моя любовь, основанная к тому же на детских мечтах. На самом крепком фундаменте мира! Но сердце молчало. Я металась по комнате, хваталась за какие-то вещи, пытаюсь навести порядок, но вещи падали у меня из рук – поставленная жизнью задача оказалась слишком сложной для меня, интуиция и интеллект вошли в непреодолимое противоречие.

Августовский вечер догорел быстро, за окнами наступила ночь, затренькал по карнизу мелкий холодный дождичек, опять напоминая, что осень не за горами.

Я с ненавистью смотрела на кровать – смятые простыни напоминали о

ласках Сержа. Мысль о том, что мне придется спать на этом ложе любви, не доставляла мне особого удовольствия, словно и ночью меня должны были мучить те же противоречивые мысли, что и днем. «Завтра же придет Митя!» – вдруг осенило меня. Я сорвала простыни, вытряхнула подушки из наволочек, освободила одеяло... Затолкала всю гору белья в стиральную машину, включила программу и только тогда почувствовала некоторое облегчение. Я напоминала себе преступницу, которая спешила избавиться от выдававших ее улики. «Нет, это не все... Что же еще я забыла?»

Я металась по всей квартире, пока наконец не увидела – огромный букет лилий стоял в центре стола и источал дивный, сладкий, даже, я бы сказала, порочный аромат. Эти белые матовые лепестки, изгибающиеся словно в смертельной страсти, эта лживая белизна... как будто падшая женщина надела платье невесты для того, чтобы распалить прихотливый вкус очередного своего клиента.

Я прекрасно осознавала, что бедные лилии ни в чем не виноваты, что причина моих страданий только во мне самой, но ничего поделать не могла – я схватила букет и выбросила его из окна – туда, где как раз густо разрослась сирень возле нашего дома.

Я любила все живое, и этот поступок дался мне с трудом... Я выбросила лилии и заплакала.

– Митенька, что же мне делать!..

И вдруг странное освобождение снизошло на меня – ну конечно, только он, Митя! Только с ним хорошо и спокойно, только рядом с ним моя душа не извивается от мук и сомнений – не это ли и есть счастье? Я привыкла к нему как к воздуху, я почти не замечала его и только сейчас, теряя его, поняла, что не проживу без него долго. И все мои переживания были основаны на том, что я не хотела покидать его, что я... ну да, что я люблю его!

Вероятно, мой несчастный кот думал, что его хозяйка окончательно сошла с ума. Он сидел под кроватью и круглыми желтыми глазами недоверчиво следил за мной – как я то плачу, то смеюсь, как бегаю по комнате, разговаривая сама с собой, словно репетирую роль...

А я была теперь бесконечно счастлива!

– Соня, вставай! – разбудил меня на рассвете такой знакомый, такой родной голос.

Я открыла глаза и увидела перед собой Митю – он стоял, склонившись надо мной, в костюме, с идеально приглаженными черными волосами.

– Митя, ты уже уходишь? – отчаянно вскрикнула я, вцепляясь в его пижонский галстук модного цвета зеленоватой плесени. В голове у меня

спросонья все спуталось... Тут я увидела на стуле его дорожный кейс.

– Я уже приходишь! – с ласковой насмешкой сказал он. – Впрочем, ты права – сейчас уже опять ухожу – надо срочно в офис, документы подписаны, теперь необходимо отгрузать товар.

Какой товар, какие документы... Я никогда не вникала в офисную суету своего возлюбленного, мне это было совершенно неинтересно и непонятно, но сейчас я почувствовала самую настоящую злость на его работу.

– Ты же устал! – подскочила я. – Столько времени в дороге... Митя, это невозможно, я по тебе соскучилась – страшно, нечеловечески соскучилась!

Мы обнялись, он весело смеялся над моим отчаянием, словно прошлой нашей ссоры и не было.

– А подарок! Я чуть не забыл про подарок! – Он сунул мне в руки большую деревянную шкатулку. – Вечером поболтаем, сейчас бегу!

Митя чмокнул меня на прощанье (ах, какой светлой радостью дохнуло на меня от этого поцелуя, настоящее неземное блаженство, которое было, оказывается, совсем рядом!) и крикнул:

– Я тебя люблю!

Входная дверь хлопнула, я так и не успела крикнуть ему вслед, что тоже его люблю.

– Фигаро там, Фигаро тут, – с притворной сердитостью буркнула я, вертя в руках шкатулку. В первый раз в жизни мне хотелось признаться в любви. Причем слова признания вертелись на кончике моего языка и легко и просто были готовы слететь с него, и никакой лжи или сомнений я не чувствовала. Мне было даже тяжело от того, что эти слова остались во мне, что я не успела отдать их Мите, и теперь они не давали мне покоя, рвались на волю...

Я открыла шкатулку – там лежали украшения из балтийского янтаря. Янтарь – не золото и не бриллианты, его ценность не сравнима с их ценой, но сейчас у меня было такое чувство, что Митя подарил мне сокровище. Ну, во всяком случае, с его стороны это было очень мило.

Замирая, как и любая другая женщина, получившая подарок, я надела серебряный перстень с большим овальным камнем, плоское тяжелое ожерелье, браслет. Потом, протянув руку к тумбочке, взяла заколки, с их помощью подняла волосы вверх и в мочки ушей вставила длинные каплевидные серьги.

Это было чудесно. Я поняла это, даже не подходя к зеркалу, потому что от камня, прикасавшегося к обнаженной коже, исходило какое-то спокойное, ровное тепло, придающее уверенность и силу.

Я вскочила с кровати и бросилась к трюмо... Моя ночная рубашка

цвета персика своим оттенком очень подходила к янтарю...

Я вертелась и так и эдак и не могла прийти в себя от восхищения. Станный камень янтарь – он не дорог и не дефицитен, но почему-то его никогда не было среди моих украшений. Случайно или нет, но Митя угадал, что только его мне и не хватало для полного счастья.

Он сливался с веснушками и одновременно выделялся на их фоне. Его неоднородная внутренняя суть, состоящая из переливов золотистого, медового, карамельного, чрезвычайно шла мне – я с этими украшениями казалась целиком состоящей из балтийского камня.

– Кто бы мог подумать! – невольно воскликнула я, прикасаясь руками к ожерелью. – Да у тебя безупречный вкус, Митенька!

Потом вдруг, словно холодок из открытого окна скользнул по телу, я вспомнила о Серже... Уже ни минуты не сомневаясь, я знала, что расстанусь с ним. И причиной тому был не Митин подарок, не его всепрощающая доброта и не капризный мой характер, выбирающий из мужчин того, кто показался мне удобнее, – вовсе нет. Просто я поняла, что не люблю Сержа, – нежное чувство, которое я когда-то испытывала к нему, бесследно исчезло, испарилось, как испаряется к полудню роса на траве. Наваждение кончилось!

Но я была безмерно счастлива от другого открытия – теперь я поняла, что хочу от жизни только Митю. И все. И никого мне больше не надо.

«Надо срочно объясниться с Сержем! – мелькнула в голове лихорадочная мысль. – Мамочки мои, сколько лишнего я наговорила ему вчера! И в любви призналась, и замуж согласилась...» Я хихикнула, впрочем, несколько нервно – предстоящее объяснение ничуть меня не радовало, но разговор с Сержем был неизбежен, как... как смерть.

– Что за театральщина у меня вечно на уме! – произнесла я вслух, продолжая любоваться Митиным подарком. – Надеюсь, Мельников умный и современный человек, поймет меня.

Но далее сложности начали преследовать меня. Во-первых, оказалось, что его телефона у меня нет – я звонила ему от Шурочки. Во-вторых, связываться сейчас с Шурочкой мне совершенно не хотелось, я и так прекрасно знала, что она мне скажет по поводу моих метаний. Собственно, она и была виновницей того, что я сошла с прямой дорожки и сделала непростительную глупость – оказалась в постели с Сержем... А как она в последний раз отозвалась о Мите! Нет, я на нее не злилась – сама во всем виновата, но некое предубеждение против нее у меня возникло.

* * *

Тщеславие женщин неистребимо. Собираясь на встречу с мужчиной, которому я намеревалась сообщить о том, что прерываю с ним всякие отношения, я постаралась одеться как можно более изысканно, накраситься выразительнее, а главное – не сняла с себя Митин подарок, эти украшения из янтаря, которые так чудесно шли мне. Да я бы их, впрочем, не сняла в любом случае – они уже словно приросли ко мне. Мне и в голову не приходило, что согласиться на разрыв с такой необыкновенной, эффектной женщиной, какой я сейчас выглядела, гораздо сложнее, чем с усталой, несчастной и неухоженной особой...

Стоя перед зеркалом, я думала совершенно о другом. Мне опять пришла в голову история Скарлетт О'Хара – как она много лет думала о том, что любит Эшли, а потом вдруг поняла, что совсем не он ей нужен, а родной муж Ретт Батлер. Типичная житейская ситуация, как определила бы ее Шуручка, психолог-любитель. Она ехидно сказала бы мне: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем!»

– Ничего, дорогуша! – задорно подмигнула я зеркалу. – Я еще ничего не потеряла. Слава богу, до меня наконец дошло, чего же мне все-таки надо!

А если обо всем узнает Митя? Измена не приведет его в восторг. Он вообще может меня бросить... И пиши пропало мое вновь приобретенное счастье...

– Не бросит, – мрачно ответила я самой себе. – Он никогда не узнает. А если узнает... от всяких доброжелателей... Актриса я или нет! Что-нибудь придумаю.

И я выскочила из дома, полная решимости начать жизнь заново.

На рынках я бывала время от времени, но на компьютерном – никогда. Я могла понять, как можно купить платье, кожаные сапоги или модную сумочку, но что можно отвалить бешеные деньги за какую-нибудь микросхему или странную деталь из множества проводов и клепок – нет.

Компьютерный рынок поразил меня своей цивилизованностью. Относительной, конечно, но такой, которая отсутствовала на обычных барахолках или плодово-овощных оптушках.

Я ходила от павильона к павильону, спрашивая о Серже, а мимо меня сновал фанатичный народец – в основном современные юноши с программистским блеском в глазах, с рюкзачками, стильно, хоть и не всегда богато, одетые, вертя перед глазами прайс-листами и разговаривая на

совершенно особом языке, который не вполне был мне понятен. Никто не обращал на меня внимания, лишь изредка какой-нибудь озабоченный апгрейтом молодой человек кидал мне вслед задумчивый взгляд, но тут же отводил его на расставленные в витринах мультимедийные товары.

Словом, это место не произвело на меня неприятного впечатления – рынок был большой, крытый. Здесь слегка пахло пластмассой и еще чем-то, что всегда сопутствует технике, уютно мерцали выставленные на продажу мониторы различных размеров и возможностей, программистский жаргон не резал ухо, но... Это был все-таки рынок, а Серж когда-то подавал очень большие надежды...

Наконец я, после долгих блужданий, нашла и его павильон – «Мельников и ТКО». «Что за «ТКО» такое?» – рассеянно подумала я, открывая перед собой стеклянную дверь.

Интерьер был самый обычный, как и в соседних помещениях, – куча железок на витринах, стенд с мониторами, все завешано плакатами и объявлениями. За прилавком стоял молодой человек самого что ни на есть компьютерного вида – в стильной курточке, кожаных джинсах, с серебряным колечком в ухе и весь в юношеских розовых прыщах.

– Добрый день! – поклонился он мне. – Чем могу помочь? Есть новые модели джойстиков, чрезвычайно современный дизайн...

– Мерси, но я хотела бы Мельникова...

– А, Мельникова, – понятиво протянул юноша. – Минутку. Сергей! – Он обернулся куда-то в глубины помещения.

Из-за тонкой перегородки появилась растрепанная русая голова эстетствующего декадента.

– Чего еще? – устало спросил Серж и тут увидел меня. – Танита!

На его лице сменилось сразу несколько выражений – радость, ужас, смятение, томная нежность...

– Господи, как ты нашла меня? Проходи сюда, тут есть комнатка...

Он протянул мне руку, и я оказалась, вероятно, в подсобном помещении – оно все было заставлено коробками, коробами и коробочками, везде валялись стопки бумаг, на маленьком столике кипел электрический чайник.

– Ты мне не рад? – машинально спросила я и тут же пожалела о своем вопросе – сегодняшний серьезный разговор надо было начать с какой-то другой фразы.

– Сладкая моя! – простонал он, привлекая меня к себе на грудь. – Как ты могла подумать... Но это место не для тебя!

– Нет, Серж, не надо. – Я попыталась вырваться из его цепких

объятий, но это было не так-то просто. – У меня серьезный разговор!

– Что-то случилось?

– Да.

– Он тебя обижает? – мрачно спросил он.

– Серж, я тебя умоляю! – Сердце у меня начало быстро-быстро биться, я вдруг поняла, что объяснение будет не из легких – от Мельникова исходило какое-то угрюмое упорство. – Кстати, нас не слышно? – Я покосилась на тонкие пластиковые стены неприятного белого цвета.

– Если нормальным голосом говорить – не слышно. Таня, ты меня заинтриговала.

– Ты прав, разговор очень серьезный, – повторила я как попугай. Решиться сказать главные слова я все еще не могла.

– Таня! – Он вдруг упал на колени и обнял мои ноги – его излюбленная поза. – Вчера был такой волшебный день, у меня до сих пор кружится голова...

Медлить было уже невозможно, и я выпалила скороговоркой:

– Серж, мы должны расстаться!

Он оторвал лицо от моих ног и посмотрел вверх.

– Ты сегодня необычайно хороша. И этот дивный янтарь! У тебя безупречный вкус, Танюша.

– Мельников, ты меня слышишь? – спросила я трагическим шепотом.

– Я тебя не понимаю.

– Мы должны расстаться.

– Что значит «должны»? – возмутился Серж. – Это приживальщик твой требует?

– Нет, этого требую я.

– Таня... – Он грустно рассмеялся и наконец встал с коленей. – Я тебя понимаю – все так сразу случилось, кто хочешь испугается и невольно пойдет на попятный. Но ты не бойся – вспомни, сколько лет нашему чувству!

– Вот именно! – решительно произнесла я. – Это чувство в далеком прошлом, а сейчас... сейчас все по-другому.

– Милая, только вчера ты призналась мне в любви и согласилась быть моей женой. Что могло измениться за одну ночь?

– За эту ночь я как раз и поняла...

– Он опять к тебе заявился, – перебил меня Серж.

– А он никуда и не уходил, просто уехал в командировку на пару дней.

– Танечка, но с этим надо когда-то кончать! – мягко произнес он. – Ну хочешь, я с ним поговорю?

- Не хочу. – Мне вдруг стало по-настоящему страшно.
- Глупенькая, ты же меня любишь! – Он устало вздохнул, сел в кресло на колесиках и хозяйским жестом посадил меня к себе на колени. – Мы вчера уже все обсудили. Когда он приехал?
- Сегодня утром. Серж, пойми, он тут ни при чем...
- Я все понимаю, этот человек оказывает на тебя давление, он хочет вертеть тобой, как куклой. – В голосе моего собеседника слышались угрожающие нотки. Дело было очень серьезным, мое утреннее легкомыслие окончательно испарилось.
- Никто на меня никакого давления не оказывает, – медленно произнесла я. – Кроме тебя в этот момент, разумеется. Так вот, повторяю еще раз – я тебя не люблю, замуж не пойду, видеть больше не хочу.
- Серж жалостливо на меня посмотрел, словно я была больной и бредила, и от того на меня даже сердиться было нельзя за эти сказанные в бреду слова, и начал терпеливо и рассудительно:
- Мы встретились в первый раз за долгое время в марте, в школьном кафе... Это было словно удар молнии – ты потянулась ко мне, а я потянулся к тебе, пелена с наших глаз наконец упала. Помнишь, как мы танцевали и словно огонь пронизывал нас насквозь, так нас друг к другу тянуло?
- Помню, – честно ответила я. – Но это произошло по следующим причинам...
- Дай мне договорить, – спокойно перебил меня Серж. – Карты на стол – я все о тебе знаю, о том, как ты жила эти годы.
- Шурочка рассказала?
- Да, Шурочка, – твердо произнес он. – Она рассказала о твоей любви ко мне в школьные годы, о том, как ты ревновала меня к ней, как сходила с ума... Ведь правда последние десять лет ты думала только обо мне?
- Ну, вспоминала иногда, – пожала я плечами.
- «Иногда»! – саркастически воскликнул он. – Хотя, прости, я понимаю, трудно выворачивать душу наизнанку. У тебя было два брака – и ни в одном ты не нашла удовлетворения, и этот нынешний твой сожитель – тоже не твоя мечта, – с презрением добавил он. – Твоя мечта – я. Таня, ну посмотри мне прямо в глаза!
- Серж, не надо, пожалуйста! – взмолилась я, вырываясь из его рук. – Все не так, не так, не так!
- Таня, он слишком подчинил тебя себе. Ты актриса! А он живет у тебя в квартире, и ты ухаживаешь за ним, как пошлая домохозяйка, даже деньги на машину дала!
- Да что вы все к машине привязались! – крикнула я. – Он мне уже

вернул деньги.

Это была чистая правда, тем более что я решительно собиралась опять потратить все накопленные непосильным трудом средства – на занятия дайвингом у берегов прекрасной республики Куба, который, по слухам, весьма недешев.

Серж скептически покачал головой:

– По сути, ты его рабыня.

– Серж, голубчик, я не уйду от него. Я буду рядом с ним всегда, пока смерть не разлучит нас...

– Решительно и бесповоротно?

– Да, да!

– Бедная моя! – прошептал Серж, и – мне совсем не показалось! – его глаза налились слезами. – Что же этот изверг с тобой сделал!

Я хотела ответить ему, что единственное, что сделал со мной Митя, это сделал меня счастливой, но потом поняла – спорить с героем моих школьных лет бесполезно, какая-то странная мысль прочно оккупировала его мозги.

– Я знаю, почему ты так говоришь! – с мстительным видом произнесла я. – Шурочка тебе лапшу на уши навешала – она переврала все факты. Только я не понимаю, какая ей от этого выгода...

– Вот именно! – с сердцем подхватил Серж. – Ей от этого никакой выгоды. Она умная и добрая женщина, она не хочет, чтобы ее друзья из-за каких-то предрассудков ломали себе жизнь.

– Шурочка интриганка!

Он неожиданно засмеялся и прижал меня к себе:

– Милая моя, да ты меня ревнуешь! Брось! У нас с ней все в прошлом.

Бессильное отчаяние захлестнуло меня – я смотрела на этого красивого мужчину с усталым одухотворенным лицом и не понимала, как могла любить его. Теперь, после нашего с ним сближения, он казался мне совершенно другим – чужим, неприятным и даже страшным. Почему именно страшным, я пока еще не понимала до конца, но именно угроза исходила от его упрямого желания владеть мной, от его желания видеть Митю моим учителем. Вполне обоснованно можно было предположить, что в ближайшее время Серж отправится к Мите и начнет выяснять отношения. А я этого не хотела. Очень не хотела.

У меня было такое чувство, будто я всю жизнь была поклонницей одного киноактера, пересмотревшей все фильмы с его участием, но когда встретила этого человека в реальной жизни, то немедленно охладела к нему. Мельников был неплохим человеком, но чужим мне. Моя душа и мое

тело отторгали его.

– Я и не думаю ревновать, – произнесла я с холодной яростью, в очередной раз вырываясь из его объятий. – Я даже жалею, что ты сейчас не с ней... Кстати, расскажи мне, пожалуйста, причину, по которой вы расстались когда-то.

– Она тебе об этом не говорила? – усмехнувшись, поинтересовался Серж. Его ирония относилась явно не ко мне.

– Нет.

– А ты любопытная... Так, говоришь, не ревнуешь?

– Серж, погоди, все это ерунда... – схватила я за голову. – О чем мы? Ах да! У меня к тебе огромная просьба – я бы не хотела, чтобы вы с Митей выясняли отношения.

– Мы с Митей... – повторил Серж, как-то нехорошо усмехаясь. – Боюсь, я не смогу выполнить твою просьбу.

Сердце заколотилось у меня как сумасшедшее.

– Что это значит? – грозно спросила я.

– Это значит, что я поговорю с ним непременно.

– А я запрещаю!

– А я люблю тебя! – Он что было сил вцепился мне в предплечья – как тогда, во время занятий любовью.

– Черт! Черт, черт! – взвизгнула я.

– Ага, разобрало тебя! А мне каково, как ты думаешь?! – Он тряс меня, как медведь молодую березку, он был вне себя.

– Ребята, вы спятили? – в приоткрытую дверь заглянул прыщавый юнец. – Всех клиентов распугали! Серега, не лучше ли выяснять отношения в другом месте?

Серж кинул на него невидящий взгляд.

– Идем! – мрачно приказал он мне.

– Никуда я с тобой не пойду! – возмутилась я. – Я тебе уже все сказала.

Я стремительно выскочила из комнатенки, а потом из павильона «Мельников и ТКО».

Я мчалась, расталкивая толпу, Серж дышал мне в затылок.

– Отстань от меня! – прошипела я, стараясь не поднимать особого шума.

– И не подумаю! – мрачно ответил он. – Я не верю, что все могло измениться за один день. Вчера ты мне кофе в постель подавала, а сегодня посылаешь куда подальше...

Мы выскочили из здания рынка, и я, не разбирая дороги, свернула куда-то за угол, чуть не растоптав стайку вьетнамцев с соседней

барахолки...

– Таня!

Прохожие наблюдали за нашими гонками с нескрываемым любопытством.

– Ну что ты за мной идешь, что ты идешь?! – прошипела я, плача злыми слезами.

– Ты – моя жизнь, – тихо, отчетливо произнес он.

Я остановилась и посмотрела на него. Это было очень короткое мгновение – когда я хотела броситься ему на шею и взять все свои слова обратно, но оно тут же прошло, подобно смутному воспоминанию о ночном сновидении, которое днем кажется смешной нелепицей.

– Я не оставлю Митю.

– Никогда?

– Никогда.

– «Пока смерть не разлучит нас»? – произнес он с кривой улыбкой.

– Серж, отстань от меня, пока я сама тебя не убила.

– Нет, – спокойно ответил он.

Не помню, кажется, я стукнула его – все кружилось передо мной от гнева и отчаяния. Впрочем, мои кулаки не произвели на него никакого впечатления – он стоял прямо и таким же прямым, неподвижным взглядом смотрел на меня, и в его глазах невозможно было ничего разглядеть – один серо-голубой туман. Я уходила от него и спиной чувствовала его густой, вязкий взгляд.

– Черт, черт... – бормотала я. Когда-то я произнесла это слово при Мите – в самом начале нашей совместной жизни, и он попросил, чтобы я никогда его больше не повторяла. «А то и правда придет черт!» – с веселой улыбкой объяснил он мне тогда.

Дома первым делом я набрала телефон Митинового офиса.

– Дмитрий Игоревич на совещании! – дежурным ангельским голоском сообщила их конторская секретарша. – Будет на месте часа через два. Что-нибудь передать?

– Черт... – снова выдохнула я и бросила трубку.

Митя был необходим мне сейчас как воздух, только он мог снять с меня это безумное напряжение, только ему я могла пожаловаться на свои беды. Я хотела сказать ему, что люблю его, что никогда не оставлю – все, все, что угодно, лишь бы он не бросал меня. Надо было срочно предупредить Митю, пока Серж не добрался до него и не затеял свой «серьезный разговор»...

Как полоумная, я носилась по квартире, пугая кота. Мне было очень

страшно – я боялась, что сейчас заявится Мельников собственной персоной и начнет качать права.

Митя пришел раньше обычного – с моим любимым ореховым тортиком и бутылкой шампанского. Время от времени мы устраивали маленькие праздники «на двоих», и сейчас я с судорожным восторгом поддержала его идею:

– Митяй, ты замечательно придумал!

Он раздевался и пока не видел моего лица.

– Да? – довольно пробурчал он, распутывая галстук. – Тебе понравился мой подарок?

– Очень, очень...

Он вдруг обернулся и удивленно спросил:

– Что-то случилось?

– Нет. Да. То есть... Кое-какие мелкие неприятности, но ничего страшного!

Я хорошо знала, что одну и ту же историю можно рассказать по-разному, что из драмы можно сделать комедию и наоборот – все зависит от интонации и последовательности фраз.

– Ты мне расскажешь?

– Да, конечно, только сначала открой шампанское!

В первую очередь я хотела убедить Митю, что ничего серьезного не произошло, что об этом деле можно поболтать немного позже. Именно поболтать, а не поговорить, ибо есть вещи гораздо более важные и интересные, например – распитие бутылочки шампанского под мой любимый ореховый торт. Я призвала на помощь все свои актерские способности, и постепенно встревоженное выражение исчезло с лица моего возлюбленного.

– За твое возвращение!

– За нас!

Мы чокнулись и поцеловались.

– Как там Северная Пальмира?

Он рассказал мне о Петербурге, потом мы вспомнили, как прошлой весной ездили туда вдвоем смотреть белые ночи. И лишь затем я стала потихонечку подводить Митю к интересующему меня вопросу.

– Господи, Митя, как поклонники замучили... – устало вздохнула я.

– Потому что нельзя быть красивой такой! – засмеялся он. – Это и есть твоя проблема?

– Митька, тебе бы все шуточки шутить! – Я взъерошила его идеально уложенные волосы. – А мне так надоело...

- И кто на этот раз?
- Ты не поверишь – бывший одноклассник!
- Та самая школьная любовь?
- Ох, если бы... Мы и пары раз не говорили тогда. Увидел на той самой встрече в марте – ну, ты помнишь! – и теперь не дает проходу.
- Даже так!

В голосе у Мити не было и капли сарказма, лишь одно удивление, но у меня опять забилось сердце. Я представила себя циркачкой, идущей по тонкому канату, одно неверное движение – и нарушится равновесие, и соскользнут ноги с каната, и ахнет в тысячу ртов испуганный зал, и номер закончится неудачей...

Да, я обманывала Митю, но с одной только целью – чтобы не причинить ему боли, чтобы разговор с Мельниковым не стал для него неприятной неожиданностью.

- Этот человек решил, что я отвечаю ему взаимностью.
- У него есть повод?
- Нет, – железным голосом отрезала я. – Один медленный танец на встрече выпускников не дает никаких прав.
- Так в чем проблема?
- Митя, если ты встретишь этого человека, не слушай его, не верь ни одному его слову. По-моему, он немного... того... – шепотом добавила я.
- У тебя есть его координаты? – Он отодвинул от себя блюдце с кусочком торта.

– Приблизительные... Нет, прошу тебя, не делай из мухи слона, ничего страшного не происходит! Это я так тебя предупреждаю, на всякий случай... Все, забыли!

- Татка, кажется, ты чего-то недоговариваешь.
- Вот! Ты мне напомнил, я с самого утра хотела сказать тебе одну вещь. – Я перебралась к нему поближе, обвила руками шею. – Я по тебе ужасно соскучилась. Знаешь... наверное, я тебя люблю.
- Потрясающе! – усмехнулся он. – «Наверное»!

Митя был полной противоположностью Сержа – никакой небрежности и утонченного изнеможения в его облике не наблюдалось. Даже сейчас, в домашней обстановке, после бокала шампанского, он был собран и выглядел элегантно. Растрепанные волосы он машинально пригладил рукой.

- Прости – не наверное, а точно.
- Редко можно услышать от тебя подобное. – Он налил мне еще шампанского. – Скупа ты, матушка, на нежности, ох скупа! Нутром чую –

что-то ты скрываешь. Так как, говоришь, того одноклассника зовут?

– Сергей. А теперь давай за здоровье...

Телефон молчал, в дверь никто не ломился.

На следующее утро я была почти спокойна и лишь удивлялась тому, как могла потерять голову из-за каких-то пустяков. В самом деле, Серж разумный современный человек, он понял, что бессмысленно что-то требовать от меня, и успокоился. За нашим стремительным и коротким сближением ничего не стояло – все кончилось быстрее, чем началось.

После полудня я собиралась на одно чрезвычайно ответственное дело – в самодеятельную студию при нашем театре набирали на платные курсы желающих обучиться актерскому мастерству. Многие люди мечтали владеть собой, владеть своим голосом, другие грезили о том, что их случайно заметит известный режиссер и пригласит сниматься. Меня же пригласили на прослушивание как человека, уже имеющего достаточный опыт и могущего отличить зерна от плевел. Курсы хоть и были платными, но откровенных бездарностей мы не брали даже за деньги.

Напевая, я одевалась, Митин янтарь уже мерцал на моем теле. И в этот момент появилась Шурочка...

Вернее, она не появилась – она вломилась, презрев кнопку звонка и элементарные правила вежливости.

– Танита, открывай! – забарабанила она кулаком в дверь.

– Что случилось? – перепугалась я, открывая ей, Шурочка пролетела мимо меня в комнату и с разбегу плюхнулась в кресло, отбросив свою сумочку в сторону. Вид у нее был разгневанный и ошеломленный.

– Ты его окончательно отшила, да? – задыхаясь, спросила она.

– Отшила? – протянула я. – Какой странный психологический термин...

– Брось ломаться, говори все как есть!

Шурочка и раньше была склонна к некоторой экзальтации – вероятно, кровь итальянских предков время от времени ударяла ей в голову, – но сейчас творилось нечто невообразимое.

– Почему ты не на работе? – Я не могла ее не позлить.

– У меня сейчас сердце разорвется! – воздела она руки к небу. – Дайте мне терпения! Танита, что ты делаешь?!

– Ничего такого, из-за чего можно поднять такой шум. Ты, милочка, вторгаешься в частную жизнь, – сухо произнесла я. Шурочка аж вся посинела, мне даже вдруг стало ее жаль. – Ладно, как подруга подруге скажу тебе – да, я отшила, как ты выразилась, Сержа Мельникова. Но почему это тебя так волнует?

– Мы уже сто раз обсуждали с тобой... – запальчиво начала она, но я ее перебила:

– Да хоть двести! Спасибо, конечно, за твои психологические советы, но голова у меня на плечах все-таки своя. Не надо меня больше агитировать.

Она нервно вскочила, подбежала зачем-то к аквариуму, застучала ногтями по стеклу.

– Ты об этом пожалеешь, ты об этом очень пожалеешь...

– Шурочка, ты мне всех рыб распугаешь!

– Пардон... – Она опять упала в кресло и неожиданно разрыдалась. – Таня, как мне плохо!

Я налила ей воды.

– Что случилось? – строго спросила я. – Эх ты, советчица... Самой небось совет понадобился...

Ее слезы почему-то успокоили меня. Мне показалось, что ее интерес к нашим с Сержем отношениям не настоящий, что сейчас она пришла вовсе не затем, чтобы узнать о причинах нашего с ним разрыва, а просто у нее самой были какие-то неприятности и она искала повод, дабы излить душу.

– Шурка, платок... Да не реви ты так!

Она не имела никакого представления о том, как женщина должна плакать, – лицо у нее покраснело и перекопилось, с носа капали слезы. Да и вообще, она совершенно напрасно не пользовалась водостойкой тушью при подобном темпераменте.

– Вот успокоительное! Шурочка, расскажи, легче будет...

Своими слезами она совершенно обезоружила меня, теперь я не могла упрекнуть ее в том, что она сует нос не в свое дело. Мне оставалось только одно – носиться вокруг нее то с платком, то с лекарством, то с питьем...

– Таня, погоди! – Она отвела в сторону мою руку со стаканом и посмотрела на меня прозрачными, огромными, ярко-кариими глазами – точь-в-точь итальянка с картин Карла Брюллова, было даже что-то неприятное в этих ярких выпуклых глазах. А древние греки сказали бы – «волоокая»... Но сейчас такие глаза хороши только для детей, у взрослой женщины они смотрятся несколько неестественно... Какая-то чепуха лезла мне в голову, я смотрела на жизнь как на спектакль, в котором над Шурочкой поработал не особенно умелый гример.

– Да в чем дело-то? – раздраженно спросила я.

– Ты когда-нибудь чувствовала, что тебя никто не любит? – жалобно спросила она.

– Какая чушь...

– Вот видишь, ты даже не думала об этом! А я шла сейчас к тебе, чтобы расспросить о Серже, и вдруг поняла – так бессмысленно все это... – и новый поток слез хлынул из ее огромных глаз, как будто предназначенных для рыданий.

– Шурочка, тушь размазалась... Что бессмысленно?

– Я... моя жизнь... – икая, сообщила она. – Меня никто не любит. Я хотела тебе дать совет... Господи, какие глупости! Тебе, которая купается в любви – один мужчина, другой, первый муж забыть никак не может, все так и рвутся к тебе, все нежны, все дарят подарки! А я...

«Детский сад какой-то!» – раздраженно подумала я. Часы показывали, что в студию я уже безнадежно опоздала.

– Чем я-то плоха? – подвывала она в голос. – Разве я некрасива, глупа, руки у меня не из того места растут? Таня, ну скажи, в чем дело! – Она вцепилась в меня, как утопающий хватается за спасательный круг.

– Ты слишком много думаешь об этом, – сурово произнесла я. – Я, например, совсем не думаю о том, любят меня мужчины или нет.

– А о чем же? – жадно спросила она.

Я оторвала ее руки от себя и подошла к аквариуму.

– О рыбках я думаю. Ты посмотри, какие миленькие, пестренькие, плавают туда-сюда...

Она посмотрела на меня с нескрываемой ненавистью.

– Ладно, Танита, ты извини, что я вот так прибежала, рассиропилась... – Слезы на ее глазах моментально высохли.

– Нет, ты правильно пришла, – рассудительно заявила я. – Кто еще поможет, кроме подруги! Шурочка, вот мальки появятся, я тебе непременно отсажу... В прошлый-то раз они их сожрали.

Ее прелестное покрасневшее личико опять перекосилось.

– Я насчет Сержа... – неестественно произнесла она. – Ты правда окончательно с ним рассталась?

– Правда.

– Надо же! – покачала она головой, пряча глаза. – И как же теперь?

– Да никак. Шурочка, дорогая, у меня есть Митя, который мне дороже тысячи Сержей...

– Но он был у тебя... – быстро сказала она.

– Кто?

– Мельников. Он был у тебя дома.

– Откуда ты знаешь?

– Оттуда! Мельников просидел у меня вчера целый вечер, на тебя жаловался...

– И все рассказал?

– Все. – Она подняла свои глаза, в которых теперь не было ни одной слезинки. Мне сразу стало как-то нехорошо. Теперь еще один человек знал мою тайну. О моей измене. «Убить ее, что ли? – лениво подумала я. – Чтобы она Мите не разболтала. С нее станется...»

– Зачем он это сделал?

– Он просил моего совета, – скромным голосом доложила Шурочка, теперь в нем не было и следа прежнего отчаяния.

– И что ты ему посоветовала?

– Ну... время лечит, сказала ему я. Что ты так смотришь? Нет, ничего конкретного я ему не говорила, лишь кое-какие успокоительные фразы. Он вчера был просто вне себя, все рвался – извини за грубое выражение – набить морду твоему Мите.

– Какая гадость, какая гадость... Шурочка, я не просто не люблю Сержа. Я его почти ненавижу! Набить морду... Если он что-нибудь сделает Мите, я его уничтожу. Не знаю как, но я это сделаю точно!

И тут раздался звонок в дверь. В пылу спора я забыла обо всем на свете, и этот звонок прозвучал как гром среди ясного неба.

– Кто это? – с испугом и любопытством спросила Шурочка. – Митя?

– Н-не знаю. Может быть, Серж?

Я могла рассуждать о моих чувствах к этому человеку сколько угодно, но увидеть его сейчас вот так, лицом к лицу, была совершенно не готова.

– Ладно, нам терять уже больше нечего... – С этими словами я бросилась открывать дверь.

На пороге стоял Антон Тарабакин, мой второй муж, человек, которого я меньше всего ожидала увидеть в данный момент.

– Таня, здравствуй, – сглатывая, произнес он. – Извини, я без предупреждения.

В руках он теребил журнал «Новый мир», дымчатые очки как-то криво сидели на его остреньком носу, на щеках – явно двухдневная щетина... Я так обрадовалась, что это не Серж, что бросилась Тарабакину на шею, чем страшно его смутила. Наверное, он ждал более прохладного приема.

– Тарабакин, голубчик! Шурочка, познакомься, это мой второй муж, Антон Тарабакин. А это Шурочка, моя подруга...

Шурочка церемонно поклонилась, она уже успела стереть остатки размазанной туши со щек. На Тарабакине были старые джинсы, которые, помнится, покупала ему еще я, и красная кричащая ковбойка, из рукава которой торчали белые нитки от недавно споротого ярлыка. Но вид у моего бывшего благоверного был вполне приличный, чему я несказанно

обрадовалась, потому что боялась, что без женской руки он не выживет.

– Таня, я вот без предупреждения... – забормотал он снова, переминаясь с ноги на ногу.

– Ничего-ничего! – закричала я. – Антоша, я тебе сейчас супчику...

При виде этого человека во мне сразу же взыграли материнские чувства – непременно захотелось обогреть и накормить Тарабакина. Представляю, какой бы клушей я стала, если б не ушла от него тогда.

– Роман дописал? – крикнула я, засовывая тарелку в микроволновку.

Когда я принесла суп, они с Шурочкой сидели по разные стороны стола и с интересом разглядывали друг друга.

– Шурочка, Антон – писатель.

– Да, я дописал роман, – грустно произнес Тарабакин, берясь за ложку. – Вот, собственно... – Он протянул мне номер «Нового мира». – Здесь первая часть.

– Это замечательно! – воскликнула я. – Помнится, тебя еще никогда не печатали в таких серьезных изданиях.

Я открыла журнал на той странице, где был загнут уголок, и вдруг увидела: «Огненная пустыня. Роман. Первая часть. Посвящается Танечке Танеевой...» Мне в лицо словно кипятком плеснули. Шурочка, сопя носом, заглянула мне через плечо и, прочитав посвящение, засопела еще громче.

– Тарабакин, как это мило! – засмеялась я растерянно. – Но к чему? Я вовсе не заслужила...

– Перестань, Таня, – спокойно остановил меня мой второй муж, прихлебывая суп. – Просто я люблю тебя и очень благодарен за то время, которое ты провела вместе со мной. Без тебя я не решился бы написать этот роман. Ты – моя муза!

Кажется, Шурочка чихнула. Или это у нее запершило в горле? Наверное, высказывание Тарабакина окончательно ее добило – ей-то никто не посвящал романов, и никто не называл ее своей музой. Я обернулась – волоокие Шурочкины глаза позеленели от зависти. Меня вспоминал с любовью не только первый муж, но и второй!

– Мне пора, – сдавленным голосом произнесла она.

– Шурочка, мы еще не договорили...

– Нет-нет, не хочу вам мешать!

– Шурочка, ты совершенно не мешаешь...

Но остановить ее было невозможно – она подхватила свой ридикюльчик и засемила к выходу.

– Я надеюсь, Митя ни о чем не узнает... – шепнула ей я на ухо.

– Ни о чем! – Она улыбнулась голливудской улыбкой и исчезла.

Когда я вернулась в комнату, Тарабакин первым делом спросил меня:

- Кто эта женщина?
- Я же сказала – моя подруга. Кстати, чем-то близка тебе – тоже большой людовед и душелюб, правда, лишь на любительском уровне...
- Пишет?
- Нет, психология... дает советы.
- Тебе не нужны советы! – засмеялся Тарабакин. – Спасибо, суп замечательный.
- А что, я могу свести вас поближе, она девушка одинокая...
- Нет. Нет... Я не люблю таких.
- Каких?
- Стриженных под мальчика, с большими оленьими глазами. И в них, в этих глазах, – порок и страдание. Знаешь, у меня целая теория насчет женской красоты... Твоя Шурочка очень несчастна, судя по ее внешности и ее поведению.
- Ну, это слишком просто – она плакала накануне твоего прихода...
- Я боюсь несчастных женщин – если их не утешить, они причиняют несчастья другим.
- Увы, сегодня я ничем не смогла утешить Шурочку! – засмеялась я. – Ладно, Тарабакин, я не очень-то верю во все эти рассуждения, лучше расскажи, как живешь.
- А ты... ты тоже расскажешь?
- Само собой!

* * *

Я пришла в студию на следующий день – благо, прием новых талантов растянулся на несколько дней. Действительно – попадались иногда таланты среди молодых, и некоторые поступали потом в профессиональные училища. Другие до конца жизни играли в самодеятельных театрах, в свободное от работы время.

Студия располагалась в Доме культуры автомобилистов, который арендовало сразу несколько организаций. Здесь шли репетиции и показы спектаклей самодеятельного театра, несколько раз в неделю работала хореографическая студия для младших школьников, по субботам устраивались вечера для тех, кому за тридцать, а время от времени сходились на свои шабаши сетевики, которые официально назывались

пышно и туманно – презентации и имели целью заманить как можно больше дурачков.

В зале уже сидело несколько человек из приемной комиссии – режиссер самодеятельности Эдуард Гербертович, известный актер – высокий и безумно красивый мужчина, который играл в спектаклях исключительно героев-любовников (я имела счастье быть несколько раз задушенной его руками в роли Дездемоны), завхоз Петренко – в его ведении были костюмы и декорации студии, художник Микитасов, эти декорации создававший. А еще уборщица Дома культуры Анна Савельевна, которая очень любила присутствовать на всех мероприятиях, которые в этом доме проходили. Ей было пятьдесят девять лет и абсолютно все равно – самодеятельный спектакль ли это или вечер для тех, кому за тридцать.

– Вот и Танечка. Присоединяйтесь! – махнул мне рукой Эдуард Гербертович.

В Кинешме он был режиссером настоящего, не любительского театра, но потом перебрался в столицу, решив, что в Москве дышится шире. Мне за преподавание в самодеятельности актерского мастерства платили не так уж много, но было ужасно приятно чувствовать себя в роли всезнающей наставницы.

– Следующий! – благородным басом крикнул герой-любовник. Он участвовал в этом мероприятии из каких-то своих личных побуждений.

На сцену вышла упитанная девушка в черном трико.

– Как вас зовут?

Она томным голосом промурлыкала что-то неразборчивое.

– Громче, пожалуйста!

– Панасюк Екатерина!

– Сколько вам лет, Катя? – с любопытством спросил Эдуард Гербертович.

Девушка нервно захихикала и заявила, что считает этот вопрос очень нескромным.

– Начинается! – нервно шепнул мне на ухо герой-любовник. – Ваше счастье, Танечка, что вы вчера не присутствовали!

– А что?

– Вчера ни одной нормальной девушки не было – все ломаются, кривляются – тьфу!

– Милочка, мне абсолютно все равно, сколько вам лет, – благожелательно улыбнулся Эдуард Гербертович. – Скажите любую цифру – но так, чтобы я вам поверил.

Девушка напряжила и без того плотные икры и с усилием крикнула:

– Восемнадцать!
– Не верю, – злорадно ответствовал мастер.
– Но мне правда восемнадцать! – набычившись, забубнила девица.
– Вполне может быть... Но вы мне скажите это так, чтобы я вам сразу поверил. Нет, скажите – пятьдесят. Итак, сколько вам лет?
– Пятьдесят! – мрачно и злобно произнесла юная Панасюк.
– Вот теперь верю! – потер ручки Эдуард Гербертович. – Какой-нибудь стишок нам почитаете?

– Почитаю. Крылов, басня «Ворона и лисица». «Вороне как-то бог послал кусочек сыра...» – начала она мрачным голосом.

После басни мастер заставил изобразить ее черепаху. Девица встала на четвереньки и очень медленно поползла по сцене, водя носом над полом, словно принюхиваясь. Художник Микитасов задумчиво любовался ее обтянутым черным трико задом и делал какие-то наброски в своем блокноте.

– Что-то есть, – задумчиво промурлыкал он. – Давайте ее возьмем, Эдуард Гербертович. Все равно не за так, ей же деньги придется платить за занятия в студии.

– Дура она, – с отвращением прошипел герой-любовник – всем было известно, что он является поклонником астенического телосложения.

– Вот что, милочка! – крикнул из зала мастер. – Попробуйте теперь объяснить в любви. Своими словами.

– Кому? – угрюмо спросила Панасюк.

– Можно мне. Впрочем, объяснитесь-ка Тане, – и он указал на меня.

– В любви?

– Да, а что вас смущает?

Девица с ненавистью посмотрела на меня, потом закрыла глаза, втянула носом воздух, набралась решимости и начала:

– Солнце мое! Я думаю только о тебе! Твои глаза цвета речного песка... – и она безнадежно замолчала. Речной песок она с большим удовольствием бросила бы мне в глаза.

– Ну, в чем дело?

– Я не могу объясняться в любви женщине.

– Пусть она изобразит стриптиз! – крикнул со своего места Микитасов. – Или просто станцует.

В руках у него был магнитофон. Он нажал кнопку – заиграл полонез Огинского. Тяжело подпрыгивая и сотрясаясь всем телом, девица попыталась изобразить изящный танец, чем привела Микитасова в неподдельный восторг.

- Вы куда поступали? – крикнул Эдуард Гербертович.
- В Щепкинское.
- А еще?
- В Щукинское.

Потом выяснилось, что девица поступала и в студию Олега Табакова, и в эстрадно-цирковое училище, и еще непонятно куда, пока не узнала, что наша театральная студия при Доме культуры автомобилистов набирает желающих на платные курсы актерского мастерства.

– Искусство не продается! – прикрыв руками лицо, пробормотал Эдуард Гербертович. – О результатах собеседования мы сообщим вам позже. Следующий! – уже в полный голос крикнул он.

Следующим был весьма приличный на вид юноша, который решил прочитать нам отрывок из рассказа Стефана Цвейга.

– Что за рассказ? – благодушно спросил Эдуард Гербертович.

– Это история любви бедного врача, работающего где-то в тропиках, к одной знатной даме, англичанке. Не любви даже, а безумной страсти, наваждения!

– Читайте, голубчик...

Юноша решил не откладывать дела в долгий ящик, набрал в легкие побольше воздуха и незамедлительно начал:

– «До сих пор я еще мог все объяснить вам... может быть, только потому, что до этой минуты сам еще понимал себя... сам как врач ставил диагноз своего состояния. Но тут мной словно овладела лихорадка... Я потерял способность управлять своими поступками... то есть я ясно сознавал, как бессмысленно все, что я делаю, но я уже не имел власти над собой... я уже не понимал самого себя... я как одержимый бежал вперед, видя перед собой только одну цель... Знаете ли вы, что такое амок? – произнес юноша глубоким, завывающим баритоном, и от звука его голоса у меня как-то нехорошо заныло в желудке. – Амок... это род опьянения у малайцев... Это больше, чем опьянение... это бешенство, напоминающее собачье... припадок бессмысленной, кровожадной мономании, которую нельзя сравнить ни с каким другим видом алкогольного отравления... Во время своего пребывания там я сам наблюдал несколько случаев – когда речь идет о других, мы всегда очень рассудительны и деловиты! – но мне так и не удалось выяснить причину этой ужасной и загадочной болезни... Это, вероятно, как-то связано с климатом, с этой душной, насыщенной атмосферой, которая, как гроза, давит на нервную систему, пока наконец она не взрывается... Да, амок – вот как это бывает: какой-нибудь малаец, человек простой и добродушный, сидит и тянет свою настойку... сидит,

отупевший, равнодушный, вялый... и вдруг вскакивает, хватается нож, бросается на улицу... и бежит все вперед и вперед... сам не зная куда... Кто бы ни попался ему на дороге, человек или животное, он убивает его своим «крисом», и вид крови еще больше разжигает его... Пена выступает у него на губах, он воет, как дикий зверь... и бежит, бежит, бежит, не смотрит ни вправо, ни влево, бежит с истошными воплями, с окровавленным ножом в руке, по своему ужасному, неуклонному пути... Люди в деревне знают, что нет силы, которая могла бы остановить гонимого амоком... они кричат, предупреждая других, при его приближении: «Амок! Амок!» – и все обращаются в бегство... а он мчится, не слыша, не видя, убивая встречных... пока его не пристрелят, как бешеную собаку, или он сам не рухнет на землю...»

– Этого берем! – с энтузиазмом воскликнул герой-любовник. – У нас катастрофически не хватает мужиков.

– Хорош! – подключилась и Анна Савельевна, монолог произвел на нее впечатление.

Потом косяком опять пошли девицы – среди них отыскалась парочка перспективных, но в основном все выглядели на сцене какими-то замороженными, скованными, словно совсем недавно выздоровели от паралича.

На сцену вышла очередная искательница славы – высокая девушка с унылым лицом, заранее одетая в цыганский наряд. С цыганских песен и плясок она и начала.

– Куражу нет! – крикнул ей Эдуард Гербертович. – Больше огня!

Она затрясла грудью, затопала ногами, но огня не прибавилось, только поднялась пыль с деревянного пола.

– Я тут недавно задумался, – дружелюбно наклонился ко мне герой-любовник. – Почему женщине так важно себя выразить, показать себя всему миру? Вот сегодня, смотрите – семь девиц и один парень...

– Женщина всегда актриса, она и в жизни играет.

– А мужчина что? – встрепнулся Микитасов. – Мужчине тоже без искусства никуда, ведь он по сути своей – творец.

– Главное – талант, – бросил Эдуард Гербертович, одним глазом наблюдая за происходящим на сцене. – Таланту господь бог дал всем, и тем, и другим, только лезет всякая... нет, не скажу плохого слова при Танечке. Вот сегодня, смотрите – один парень и одна девица ничего – ну та, что про Ермака пела... Фифти-фифти.

– На Фросю Бурлакову похожа, – задумчиво пожевала губами Анна Савельевна. – Старый фильм помните – «Приходите завтра»?

Действительно, одна из девушек выделялась среди прочих своим бесшабашным удальством, сцена ее не пугала...

– А что же делать тем, у кого таланта мало?

– Это самые несчастные люди – у них душа томится, а выразить себя не может. Помните Ганечку Иволгина из «Братьев Карамазовых»? Он же страдал и бесился оттого, что понимал про себя очень хорошо – что он самый обыкновенный человек, средний, серый, нормальный, каких миллионы. Ни черту свечка, ни богу кочерга...

– Голубчик, все вы перепутали, богу – свечка, а черту...

Спор увлек нас всех, и я совершенно забыла о Серже, о Шурочке, о своей измене. И только на обратном пути, возвращаясь домой, я подумала о том, каково сейчас моей бывшей однокласснице – раньше она была в центре внимания, а теперь никто в ее сторону и не глядит – хотя и умна, и хороша... этакая перезрелая Лолита. Я понимала причину, по которой она рыдала у меня вчера, – исчез тот дивный дар, которым она обладала в юности, исчезла способность привлекать к себе внимание... Не оттого ли она увлеклась психологией? Наверное, надеялась вернуть потерянный у мира интерес к себе. Тарабакин увидел ее несчастной. Смешно... Милый Тарабакин, я не прилагала никаких усилий, чтобы заслужить твою благодарность, а ты назвал меня музой...

В таком вот лирическом настроении вернулась я домой. В прихожей встала перед зеркалом, повертела головой. Янтарные сережки закачались, вспыхнул, заклубился внутри них отраженный медовый отсвет. Я прижала ладони к ожерелью на груди, тихонько засмеялась, и вдруг что-то поразило меня. Я замерла – окружающее было каким-то странным, чужим...

Было чересчур спокойно – кот не бежал встречать меня. Стояла неприятная тишина, словно в склепе. Ничего не понимая, я отворила дверь в комнату, оглядела ее. На первый взгляд вроде бы все в порядке.

– Кис-кис-кис! – позвала я. – Луи, ты где?

И вдруг я увидела его – он лежал под журнальным столиком на боку. Он не двигался, не поднимал мордочку навстречу моим шагам и вообще выглядел как-то странно... На цыпочках, словно боясь разбудить Луи, я подкралась к нему, наклонилась. Его прелестная яркая шерсть потускнела и сваялась, хотя накануне я его мыла специальным шампунем, бок опал внутрь, будто бедное животное морили голодом. Я прикоснулась к нему, и он не замурлыкал под моими руками, не отозвался томным потягиванием... Он был мертв.

В первый момент я только испугалась – что ж, бывает, у домашних животных короткая жизнь. Но потом с ужасом осознала – у бедного Луи

она оказалась чересчур короткой.

Я встала, огляделась – все было на своих местах, вроде бы ничего не изменилось в моей милой захламленной квартирке, только воздух какой-то... словно здесь был кто-то чужой. Едва слышно гудел компрессор в аквариуме, разгоняя мутные хлопья.

– Мамочки мои, да что же это! – чуть не плача, воскликнула я – все мои ценные экземпляры подводной фауны плавали кверху брюшком.

Я заглянула в тумбочку под аквариумом – там стояла коробка с сухим кормом, сунула в нее нос. Ничего особенного, знакомый запах чуть подтухшего рыбьего жира, которым всегда пахнет от этого корма... Нет, я не могла по ошибке насыпать стирального порошка или еще какой дряни моим рыбкам. Вся бытовая химия хранилась в ванной, в специальном шкафчике.

– Да что ж это!

Я встала на цыпочки, вдохнула незнакомый запах, который шел от мутной воды... Я ничего не понимала.

Потом опять бросилась к коту, но так и не смогла взять его на руки, настоящий ужас напал на меня. В доме явно кто-то побывал, это ощущение витало в воздухе. Вещи как будто слегка изменили свое местоположение – все было по-другому, не так, как когда я покинула этот дом утром.

Я заглянула по кровать, обшарила, содрогаясь от страха, все шкафы – никого не было, проверила замок – никаких следов взлома. Я села посреди комнаты на пол недалеко от Луи и тихонько заплакала.

Напряжение последних дней разрядилось этой нелепой и жуткой сценой. Все мои неопределенные страхи обрели наконец реальную форму, но я пока еще не понимала, кому и за что было нужно так мне мстить. Я точно знала, что кто-то совершил это все только затем, чтобы сделать мне больно. Именно мне, а не Мите, ведь несчастные зверюшки были моей прихотью, да и мужчине не причинишь боль подобным поступком, нужны более жестокие формы... Кто же мог меня ненавидеть?

Шурочка...

Это была первая случайная мысль. Очень странная, потому что она возникла именно первой, спонтанно – откуда-то из глубин подсознания, из далекого прошлого на меня смотрели огромные влажные глаза итальянской мадонны, в которых переливались отвращение, любопытство, жгучая, беспричинная нелюбовь... Как я могла довериться этой женщине, впустить ее в дом, затеять эту глупую игру – кто кого, а в конце концов забыться и почти всерьез думать, что она мой друг!

Но почему именно Шурочка?

Она часто бывала здесь. Она знала, что я ношусь с этим аквариумом как с писаной торбой, знала, что кот является романтическим подарком от Мити. Она была в курсе всех моих пристрастий и тайн, а стащить запасные ключи в этом артистическом бедламе, коим являлась моя захламленная квартира, – пара пустяков, ведь даже я точно не помнила, сколько запасных ключей у меня есть. А смысл? Господи, даже и не спрашивайте, какой в этом смысл, – Шурочка мне завидовала.

Она была первой и стала последней, а бывшая школьная уродина теперь актриса, кинозвезда, дает интервью на телевидении. Все любят уродину, даже разведенные мужья: один подарки делает, другой романы посвящает! А нынешний ухажер? А нынешний ухажер и того больше – стойкий оловянный солдатик, который брезгливо вытирается после страстных поцелуев бывшей Лолиты... Да, зависть – страшное чувство!

Я бросила пугливый взгляд в сторону мертвого Луи, который походил теперь на брошенный кем-то старый воротник от пальто, и заскулила еще сильнее. Ко всем прочим мукам прибавились муки совести – теперь, после смерти несчастного кота, я почувствовала себя виноватой перед ним. Совсем недавно, на прошлой неделе, я отшлепала его веником за один неблагоприятный поступок, а сколь часто я дразнила и тискала в руках это мягкое безвольное существо, и от терпел, не смея ни куснуть, ни царапнуть меня, поскольку был по природе своей настоящим толстовцем...

Но почему именно Шурочка?

Постепенно мои мысли стали принимать более логическое направление. Да, Шурочка не слишком счастлива в своей личной жизни и, наверное, действительно завидует мне – впрочем, кто из женщин ни разу не испытывал этого неприятного чувства! – но разве она могла опуститься до такого откровенного варварства? Шурочка – дама с высшим образованием, интеллектуалка, на равных с Фрейдом и Берном, тонкая штучка... К чему ей опускаться до подобных банальностей, тайком залезать в чужую квартиру и травить домашних животных? Фи, это некрасиво, это моветон!

Серж...

Да, страстный, отвергнутый Серж! Он вломился ко мне в квартиру, когда хозяева отсутствовали, насыпал какой-нибудь гадости в аквариум, вышел на цыпочках, тихонько защелкнув входную дверь... Полная чушь! Эстетствующие декаденты с неземной любовью в сердце не стали бы распылаться на такие мелочи – они устроили бы грандиозный фейерверк с дождем и градом, перепугав все окрестности, дабы их поступок вспоминало третье поколение перепуганных обывателей...

Была еще одна версия, самая правдоподобная, – Люся. Да-да, та самая

Люся, которая приходилась женой моему первому мужу и чьим именем был назван элегантный интерьер-салон. У нее личико порочного ангела, а ведь именно с таким лицом и делают ближним своим подобные гадости, именно с таким лицом ревнуют мужа к бывшей жене и сыпят отраву в аквариум, который является незаконным подарком этого самого мужа...

В голове у меня немного путалось, я переходила от одной версии к другой, и чем дальше, тем невозможнее мне казалось участие Шурочки в этой дикой истории.

В седьмом часу явился Митя и очень удивился, застав меня сидящей на полу с заплаканным, ошеломленным лицом.

– Что случилось, Татка? – весело воскликнул он. – Неужто опять проклятые поклонники замучили?

Я молча ткнула пальцем под журнальный столик, потом в сторону аквариума.

– Это что такое? – спустя минуту растерянно спросил он. – Какой-то мор по нашей квартире прошел?

– Их убили, – сказала я.

– Убили?! – Митя наклонился над аквариумом, понюхал воду, потом взял безжизненное тело кота на руки... Я отвернулась.

– Похоже на крысиный яд... – удивленно воскликнул Митя. – Погоди, я, кажется, кое-что понял!

– Что? – встрепенулась я.

– Яд насыпали в аквариум, а бестолковый Луи, по своему обыкновению, решил попить водички из него... Татка, от кота тоже пахнет этой гадостью!

– Митя, Митя, я ничего не буду нюхать! – заслонила я руками, меня билa нервная дрожь. – Унеси его, пожалуйста, унеси! Положи в коробку и похорони где-нибудь!

– Татка, сейчас никто так не делает. Кажется, есть специальная служба, которая занимается утилизацией сдохших... извини, мертвых животных. Наверное, в справочнике есть телефон... Луи похоронят, аквариум придется основательно чистить... Впрочем, все это не важно! Татка, но кто такое мог сделать? – Митя был спокоен и рассудителен, лишь неестественная бледность выдавала его – он был поражен случившимся не меньше меня.

– Я не знаю! – простонала я. – Да кто угодно...

– Ты проверяла – ничего не пропало? Может быть, были грабители – стащили деньги, ценности, потом решили немножко покуражиться... Вызвать милицию?

– Ничего не пропало. Какая милиция! Никто не станет расследовать

дело об убийстве кота и аквариумных рыбок! – в отчаянии закричала я.

Митя помрачнел, призадумался на минуту.

– Ладно, но кое-что мы все-таки должны предпринять...

Он дал мне успокоительного, уложил в постель, стал куда-то звонить по телефону. Я ничего не слышала. Я ничего не хотела знать. Закуталась с головой в одеяло, но даже там, в теплой темноте, которая с детства отгораживала меня от надвигающихся страхов, не было спасения... Кошмарные видения вдруг обрели реальные очертания, что-то нехорошее, злое совсем недавно было в этой комнате...

Через какое-то время Митя аккуратно стащил с меня одеяло:

– Татка, за пятьдесят баксов Луи кремируют, за сто – выдадут нам урну с его прахом, которым мы можем распорядиться как угодно... похоронить на даче, например.

Он смотрел на меня выжидательно. До чего дошла цивилизация! Интересно, а есть ли в Москве кладбище домашних животных?

– Не хочу урны, – ответила я, опять залезая под одеяло. – Это ужасно, я не хочу... Ничего не хочу знать о смерти!

Митя вздохнул:

– Ладно, как скажешь... Его тогда просто увезут.

Через некоторое время послышался какой-то монотонный грохот в коридоре.

– Митя, что это? – истерично закричала я.

– Лежи-лежи... Слесарь пришел, меняет замки.

– Митя, стой! Где у нас лежали запасные ключи?

– В коридоре, на подзеркальнике...

– Сколько – один или два экземпляра?

– Один... или два? Татка, я не помню, тебе лучше знать, – растерянно ответил Митя. – Ты думаешь, кто-то взял ключи, а потом тайно проник в нашу квартиру? Но тогда это должен быть кто-то знакомый... Татка, кто заходил к нам в последнее время?

Я опять вспомнила о Серже, но тут же с отвращением отогнала от себя эту мысль.

– Никто! Никто из заходивших не мог сделать это!

– Значит, просто подобрали ключи, сейчас таких умельцев можно найти... Татка!

– Что? – мрачно отозвалась я из-под одеяла.

– Помнишь, недавно ты рассказывала о поклоннике, который надоедает тебе? Ну тот, бывший одноклассник... – осторожно начал Митя.

У меня в груди все похолодело.

- Это не он, – холодно ответила я. – Это точно не он.
- Послушай, я бы хотел с ним встретиться, поговорить...
- Зачем?
- Тата, я тебя не ревную, но дело слишком серьезное!
- Нет!

Митя молча постоял около меня, потом опять отправился в коридор, наблюдать за тем, как меняют замки.

Больше всего на свете я не хотела, чтобы мой Митя встречался с Сержем. Я знала, что ничего хорошего из этой встречи не выйдет – надменная задиристость Сержа и справедливый гнев Мити составляли вместе бомбу замедленного действия... Серж, наверное, не станет скрывать, что был у меня дома и занимался любовью с веснушчатой и рыжей его хозяйкой. Веронезе.... Я вдруг вспомнила: Серж рассказал мне о том, как записал рекламу с моим участием и смотрел постоянно эту запись. Так и свихнуться недолго...

Но кто же все-таки насыпал крысиного яда в аквариум?

Всю ночь за окном лил холодный дождь. Это был уже осенний дождь, в нем не было капризной летней переменчивости – от мелких капель до сплошного гроыхающего потока. Капли сегодняшнего дождя равнодушно и монотонно били о карниз.

– Никуда не ходи, – сказал мне Митя утром, перед уходом. – Кто знает, может, то был маньяк какой-нибудь... Сиди дома, я постараюсь вернуться пораньше.

Он привычно чмокнул меня на прощанье, но я едва опять не заплакала от его поцелуя.

- Митя, ты меня любишь?
- Да, – спокойно ответил он и ушел.

Больше всего мне хотелось, чтобы он сам, без моего напоминания, произнес эти слова – страстно, жарко! – и опять предложил руку и сердце. Я бы тогда согласилась не раздумывая.

Дождь кончился. За окном ходили холодные сизые тучи, деревья раскачивались от порывов резкого ветра – погода напоминала скорее октябрь, чем середину августа. К комнате было тихо, неуютно – не мурлыкал Луи, не бежал мне навстречу, требуя завтрака, не гудел компрессор в аквариуме – вчера мы спустили все его содержимое в канализацию, лишь испанский галеон лежал на его еще влажном дне, словно выброшенный ночной бурей на берег...

- Какая же сволочь все это сделала? – сказала я со злостью.

Вчерашние страхи и уныние отступили при свете нового дня,

адреналин выбросился в кровь – я хотела разобраться во всем, хотела праведного суда. Митины советы были немедленно забыты.

Я быстро собралась, накинула на себя плащ и выскочила из дома.

По пустынным центральным переулкам гулял пронзительный ветер. Людей не было видно, лишь припаркованные у бордюров машины, в основном иномарки, напоминали о том, что жизнь с уходом летнего тепла не угасла окончательно.

Я взбежала по мраморной лестнице с колоннами цвета лососины, резко толкнула хрустальную дверь, отчего колокольчик не звякнул мелодично, а скорее испуганно взвизгнул.

– Ромуальд Петрович у себя? – спросила я уже знакомого по прошлому визиту молодого человека, который бросился ко мне с дежурным учтивым выражением лица.

– Минутку, сейчас спрошу... – проблеял он, тоже признав меня – профессиональная память.

Но я решительно отстранила его, не снижая скорости.

– Дорогу я знаю. – Я была холодна и решительна, как сегодняшней ветер на пустых улицах, чем очень смутила работника интерьер-салона – он не посмел меня остановить...

– Рома! – Я ворвалась в кабинет своего первого мужа без всякого предупреждения.

Ромуальд Петрович собственной персоной сидел в удобном кресле, положив ноги на стол, и с трагическим видом смотрел телевизор. Наполовину пустая бутылка стояла рядом с портретами любимой жены и любимой дочери. Судя по мелькавшим кадрам, шел фильм «Однажды в Америке».

– А, Таня! – нетвердо произнес он. – Какими судьбами?

– Неприятности, – коротко сказала я. – У меня. И у тебя будут, наверное...

– Свят-свят-свят! – широко перекрестился он, снимая ноги со стола. Подозреваю, действительность казалась ему несколько размытой. – Я еще после вчерашнего не успел отойти...

– А что было вчера? – грозно спросила я, подозревая, что иду по правильному следу.

– Люська такой скандал вчера закатила, такой скандал... – Он неожиданно заплакал, но зрелище немолодого, обрюзгшего рыдающего мужчины не произвело на меня впечатления. Луи требовал отщепеня!

– Ах Люська! – ехидно сказала я. – Вот о твоей Люське мы и поговорим.

- А что... она тебя тоже достала?
- Возможно, это была именно она, – уклончиво ответила я. – Она у тебя сильно ревнивая?
- Мама миа, мама миа! – застонал Рома, всем своим страдальческим видом показывая степень ревности своей новой жены.
- Она может от ревности выкинуть что-нибудь такое... – я пошевелила пальцами, ища нужное слово, – криминальное?
- Может, – легко согласился он. – Запросто. Зарезать может..
- «Она! – в отчаянии подумала я. – Чертова кукла, приревновала меня к Ромке, решила испортить его подарок. Дескать, сначала рыбок, потом тебя...»
- Ромочка, сосредоточься, пожалуйста, и скажи мне – твоя Люся знает обо мне?
- В каком смысле?
- Ну, что ты подарил мне аквариум?
- Не дай бог! – опять широко перекрестился он. – Танечка, это была такая ошибка, такая ошибка...
- Что ты его мне подарил?
- Мне не надо было с тобой разводиться! Ты была такая милая, спокойная, сцены устраивала только на сцене, ты меня уважала... А помнишь, каким розовым пирожком ты была в восемнадцать лет, когда здесь была еще та дурацкая «Драпировка»? – Он не совсем твердо встал на ноги и полез целоваться, обливаясь горячими слезами.
- Ромуальд, без нежностей, пожалуйста... Люська знает, что ты сделал мне подарок?
- Он опомнился, задумался... И спросил почти трезвым голосом, глядя мне в глаза:
- А что случилось?
- Кто-то вчера пробрался ко мне в квартиру и насыпал какой-то гадости в аквариум. Вся живность сдохла.
- Да ну! – уныло произнес Ромуальд. – Может, ты сама вместо корма по ошибке что-нибудь не то сыпанула? Это ж полный бред...
- Исключено. Кто-то не в восторге от твоего подарка.
- погоди! А вдруг это твой... как его? Дмитрий! На почве ревности...
- Он не тот человек. Если б ему что не понравилось, он бы сразу сказал – убери, и все. Да мы и не ругались толком ни разу за все годы.
- Везет, – завистливо вздохнул бывший благоверный. – Вообще на Люську похоже...
- Помнишь, мы здесь с тобой в прошлый раз пили «Отард»? И

осталось два стаканчика... Ты их убрал тогда? Я, когда выходила, столкнулась в дверях с твоей женой, прямо нос к носу столкнулась. Она, наверное, даже запах коньяка от меня учуяла... потом зашла к тебе, увидела два стаканчика... Рома, ты их убрал?

– Нет, не успел, – стыдливо признался он. – Я сказал, что ты клиентка, насчет интерьера... Крупный заказ, вот мы якобы с тобой чисто символически и... Она дала мне по морде, но вроде бы ничего, не особенно...

– Не особенно! И устроила за тобой слежку, узнала про твой подарок... Ты вот, например, полностью уверен в своем персонале, ну, что он не разболтает о твоих широких жестах? Ведь я же была твоей первой женой, Ромочка, она по фотографиям должна была догадаться! – озарило меня.

– У нас дома нет твоих фотографий, – мрачно сказал он. – Разве бы она позволила... Что в браке до нее состоял – знает, но с кем, как...

– А если она убьет меня завтра?

На столе у него вдруг зажглась какая-то лампочка.

– Что там? – недовольно крикнул он, нажав кнопку.

– Только что подъехала Людмила Павловна... – ответили по селекторной связи.

– Черт! – Он достал кипу каких-то бумаг. – Садись, Танита, будем как будто обсуждать план-заказ!

– Людмила Павловна... это Люська, что ли? – Я с презрением отнеслась к его страху. – Сейчас я ей задам...

– Таня, Таня, умоляю! – заломил он над собой руки, но было уже поздно – в кабинет вплыла она, Лукреция Борджиа наших дней, в темно-синем мохеровом костюме. Роскошный бюст, алые губы, перламутрово-белые волосы, косящий взгляд душевнобольной...

– Таня? – печально повторила она последние слова своего мужа. – Немного фамильярно для обращения к клиентке, не так ли?

Она окинула меня быстрым взглядом, заметила недопитую бутылку на столе... По ее лицу читались все ее мысли – она меня моментально узнала.

– Ромчик, ты меня обманываешь, – все с той же угрожающей печалью произнесла Людмила Павловна. – Не пытайся меня уверить, что это клиентка.

Я ответила ей испепеляющим взглядом.

– Да, интерьерами не интересуюсь, – процедила я. – Я его первая жена.

Я с таким театральным пафосом произнесла слово «первая», что эта особа почувствовала себя униженной.

– Очаровательно, – кисло произнесла она. – Хотите восстановить

прерванные отношения?

– Люсенька, я сейчас все объясню...

– Бедный Ромуальд, – тяжело вздохнула я, пустив скупую слезу, – во что тебя эта женщина превратила...

У Людмилы Павловны раздулись ноздри, и вся она будто изготовилась к прыжку. Я ее совершенно не боялась, наоборот, мне доставляло удовольствие злить ее.

– Девочки, пожалуйста...

– Могли бы что-нибудь поинтереснее придумать, – надменно произнесла я. – Тактика коммунальных жилищек... Не понимаю, в чем бедные рыбки-то были виноваты? Надо было прямо мне стрихнину подсыпать...

Люся вдруг раздумала прыгать на меня и спросила озадаченно:

– Какие рыбки, какой стрихнин? Ромчик, она что, сумасшедшая?

– Люсенька, Таня утверждает, что ты...

– Минутку! – резко остановила я его. – Людмила Павловна, где вы были вчера днем?

– Дома, – удивленно ответила она. – Ромка пьяный пришел под утро, я его целый день песочила...

– Целый день?

– Ромчик, да объясни мне все толком! – вдруг взвизгнула она, покрываясь красными пятнами. – Чего эта сумасшедшая хочет?!

– Таня, это не она, – грустно ответил мне бывший супруг. – До меня только что дошло – мы ведь действительно вчера целый день с Люсей выясняли отношения...

«Не она, – отозвался голос внутри меня. – Точно не она».

Особы, подобные ей, совершенно не умеют играть – у них все на преувеличении, на аффекте. Эта пережженная пергидролом Люся слишком естественно удивилась, услышав про рыбок и яд, она ничего не понимала – и оттого злилась. Но тогда кто же?

Терять мне уже было нечего, поэтому я решила все честно объяснить, пока она раздувалась от гнева и озадаченности.

– Людмила Павловна, мой бывший муж, а ныне ваш законный супруг, решил некоторое время назад сделать мне подарок. Так, аквариум... я когда-то мечтала о рыбках...

Раскачиваясь, Рома стоял между нами и пытался вникнуть в смысл моей речи.

– Да, мечтала о рыбках... – эхом повторил он.

– И он подарил мне его. Но вчера кто-то тайно проник в мою квартиру

и насыпал стрихнина в воду. Рыбки, естественно, сдохли...

Быстрым движением Люся взяла бутылку со стола и отхлебнула из горлышка.

– Полный бред! – заявила она. – Но до меня дошло – ты, рыжая, решила, что это моих рук дело... Нет, не я. Я придумала бы что-нибудь поинтереснее. Итак, Ромчик, – она возвысила голос, – ты хочешь сказать, что у тебя вновь пробудились нежные чувства к бывшей любовнице?

– Жене, – шелковым голосом поправила я.

Ромуальд бросил на меня умоляющий, затравленный взгляд. Кажется, он уже жалел о том, что когда-то позволил себе расчувствоваться и воплотить мою детскую мечту в жизнь, – теперь объяснить этот неожиданный поступок ревливой Люське было невозможно.

– Между нами ничего нет, – дрожащим голосом произнес он. Он совершенно не владел собой, его слова прозвучали крайне неубедительно. – Правда, Люсенька...

Ноздри у Люсеньки раздувались, вздымалась бурно грудь.

– Какой аквариум? – жестко спросила она.

– Ну тот, черный, устарелой модели, его никто не покупал...

– Да ты что! Он же две тыщи у.е. стоит. Ты спятил, башка садовая?! Какая еще устарелая модель! Мне бы хоть раз что-нибудь стоящее...

Ромуальд, кряхтя, принялся вставать перед женой на колени, она же схватила со стола бумаги и стала бить его ими по голове – обо мне они совершенно забыли. Я тихонько выскользнула из кабинета и побежала в сторону метро.

Кандидатура Люси отпадала, теперь я была уверена. Но знание данного факта ничуть меня не утешало. Лучше бы это была она – тогда все упрощалось, с ревностью и стержневым характером нынешней моего бывшего еще можно было как-то справиться. Она, конечно, фурия, но вполне предсказуема... Да, лучше бы это была она, а не кто-то другой – страшный, таинственный, неизвестно на что способный, не человек, а черная тень... Наверное, хохочет сейчас надо мной, готовит новую месть.

В кино или в детективных романах – в последнее время их писали в основном женщины – все очень занятно и тонко: главная героиня – не следователь-профессионал, а вполне обычная женщина – сталкивалась с обстоятельствами, которые требовали серьезного и опасного расследования, и успешно их распутывала. Я была примерно в такой роли сейчас, но мне решительно ничего не приходило в голову, никаких догадок и озарений. Действительность для меня была окутана густым туманом, в котором всякие ориентиры терялись.

С Люськой я примерно разобралась – не она, но что же дальше?

Подходя к Чистым прудам, я оглянулась. Обычный городской пейзаж, серая толпа людей, мрачных от неожиданно кончившегося лета. Никто на меня не смотрит, время обеденного перерыва...

Любовь. Измена. Так получилось, что странные неприятности в моем доме совпали с неприятностями в моей личной жизни. Невольно я объединяла эти события, пыталась связать отраву в аквариуме и роман с Сержем в единое целое, но у меня ничего не получалось.

Небо было цвета его глаз – голубовато-серое, пронзительное, бесстрастное... Разве с такими глазами любят? Я знала, что Серж не мог сотворить в моем доме такую гадость, но имело смысл удостовериться в этом.

Будний день, почти свободные проходы компьютерного рынка. Теперь я уже не искала магазинчик Сержа.

– Добрый день! – встретил меня с улыбкой уже знакомый юноша. – Вы покупать или как?

– Или как. Мельников здесь? – Я немного нервничала перед этой встречей, очень не хотелось давать Сержу лишнюю надежду на наше воссоединение.

– Разве вы не знаете? – Юноша не переставая усмехался. Видно, наша с Сержем перепалка в соседнем закуточке до сих пор не шла у него из головы. – Он в больнице.

– Что?..

– Да, с ним бывает время от времени, – Юноша неопределенно взмахнул рукой у головы. – Но ничего страшного. Я думал, вы в курсе...

– Давно?

– Его тем же вечером увезли, когда вы отношения выясняли. Почти как в старых итальянских фильмах... Да вы не волнуйтесь, я ж говорю – ничего страшного. Нервы, нервы, нервы... А у кого сейчас они в порядке?

Я села на стул возле витрины.

– Дайте, пожалуйста, воды...

– Да ну вас! – весело крикнул юноша. – Еще вам «Скорую» вызывать... У Сереги это хроническое, не ваша вина. Обойдется, через недельку-другую выпишут, не впервой.

Я выпила стакан противной теплой воды, и мне стало немного легче.

И у Сержа алиби, он уже несколько дней в больнице... Да и не в его характере такая гнусность, я уже давно об этом подумала. Невольная жалость кольнула мне сердце – я чувствовала себя виноватой перед Мельниковым, но вину эту никак нельзя было искупить, мое сердце было

холодно к нему. С точки зрения науки психологии, которую так усердно проповедует Шурочка, мне надо было признаться Сержу в любви еще тогда, десять лет назад, когда я действительно теряла голову от нее... Болеть в зрелом возрасте детскими болезнями очень опасно.

– Может, навестите Серегу? – предложил бойкий юноша. – Я вам адресочек больницы дам.

«Нельзя. Все ниточки надо оборвать сразу, отмучиться раз и навсегда. Никаких встреч и разговоров, полное забвение...» – мелькнула в голове мысль, но ради приличия я сказала:

– Давайте. Может быть...

Он начеркал что-то на бумажке, и я не глядя засунула ее себе в сумочку.

– До скорого свиданьица, – вновь усмехнулся юноша.

– Прощайте... – обронила я, выходя из павильона.

Кто же тогда играет со мной в эту злую игру, каким будет следующий шаг моего таинственного недоброжелателя? Может быть, стоило посоветоваться с Шурочкой?

Шурочка... Почему она первой показалась мне виновной? Что за дурацкие шутки выкидывает подсознание, как далеко может зайти женское соперничество! Нет, не она. Из-за Сержа она не могла поступить со мной так жестоко. Она его уже давно не любила, наоборот, стремилась всеми силами соединить нас. Почти в каждой женщине живет сводня... Она даже слишком настойчиво пыталась свести нас, как будто от этого зависело ее счастье.

Какая ей выгода от того, что мы с Мельниковым окажемся вместе? Да никакой. Разве что отомстить Мите, который оказался так безразличен к ней...

Я даже поежилась, когда мне в голову пришла эта мысль. Что она сказала тогда, когда я пришла к ней после бассейна, мокрая и взбудораженная, не знающая ни одного ответа? Она дала мне совет бросить Митю и произнесла эти слова холодно и равнодушно, а когда я полушутя предложила ей заняться утешением моего отставного кавалера, она так же равнодушно произнесла – «да ну его!». Если это не игра, то Шурочке никакого дела нет до Мити, ей даже мстить ему неинтересно...

Митя, как и обещал, вернулся домой пораньше. Мы оба уже успокоились и теперь, как два начинающих детектива, пытались разобраться в произошедшем. Разумеется, я не всеми своими соображениями поделилась с ним, не стала приплетать Шурочку и тем более Сержа – я считала эти версии окончательно отработанными, как

говорят матерые следователи в криминальных романах. Мы вспомнили всех слесарей, которые приходили чинить нам мелкие поломки, всех случайных знакомых, так или иначе забежавших к нам в дом, пьяного водопроводчика и страстного агитатора от коммунистической партии, который позвонил нам в дверь где-то в середине прошлой весны и умудрился прочитать целую лекцию о наступлении грядущего светлого будущего, если, конечно, мы проголосуем за его кандидата... Ничего у нас не получалось, запасные ключи тогда не пропадали, ни в ком мы не могли заподозрить злоумышленника.

Мне было жаль испорченного аквариума, бесконечно жаль моего пушистого меланхоличного Луи... Но я даже умудрилась пошутить во время нашего печального разговора:

– А вдруг это барабашка? Говорят же, заводится в домах нечистая сила, вредит хозяевам, если недовольна ими...

– Не замечал, что б у нас тарелки летали и по углам стучало, – усмехнулся в ответ Митя. – Хотя... всякое бывает.

– О да! Стоит побрызгать по углам святой водой и покаяться батюшке в грехах.

– Много ли у тебя грехов? – с любопытством спросил мой любимый. – Может быть, ты мне покаешься?

– Перестань, мне неприятно...

Мне было действительно неприятно вспоминать тот день, когда Серж появился здесь с букетом лилий. В последнее время мне иногда мерещился удушливый и сладкий запах этих цветов, словно я не выбрасывала в окно букет и он стоял где-то в темном углу, а его аромат доносил о моей измене и мешался с запахом отравы, которую таинственный недоброжелатель насыпал в аквариум... Все это, разумеется, была полная ерунда – в квартире ничем не пахло, это совесть мучила меня.

Муки совести были для меня неприятны и новы – раньше я ими не страдала, словно и не грешила никогда, но теперь они просто не давали мне покоя. Я любила Митю и очень раскаивалась в своем поступке, но не знала, как можно искупить вину. Впрочем, ее никак нельзя было искупить, был только один вариант – забыть ее.

* * *

Лето безнадежно кончилось – каждый день шли холодные дожди,

сизые тучи не пропускали ни лучика солнца, печально и неуютно было у меня на душе. Шурочка куда-то пропала – перестала мне звонить, словно издали услышала о моих подозрениях и обиделась.

А потом, в первых числах сентября, вдруг случилось чудо. Впрочем, вполне ожидаемое чудо, которое происходило каждый год, – тучи разошлись, теплое нежное солнце высушило асфальт, нагрело землю, отчего вечерами на московские парки и бульвары стал опускаться туман, словно заливая первую опавшую листву парным молоком. Люди вернулись из отпусков – загорелые, отдохнувшие, с выражением ленивой радости на лице... Начался сезон – как говорили у нас в театре.

Третье сентября.

Утром было еще прохладно, но к полудню такое душное, невероятное тепло окутало город, что, выходя из дому, я оделась совсем по-летнему.

Это был первый день, когда тяжесть и напряжение впервые спали с меня – я могла дышать свободно, радовалась прекрасному дню, как давно ожидаемому празднику.

Я шла на первую после долгого перерыва репетицию по длинной липовой аллее и улыбалась, глядя по сторонам на уже начавшую желтеть листву. Я была счастлива не только от того, что кончились долгие и скучные дожди, – я была влюблена и любима.

Впервые за долгое время я словно прозрела. Митя! Человек, несколько лет проживший рядом со мной, человек, к которому я привыкла и чье присутствие в моей жизни считала вполне естественным и нормальным, вдруг показался мне самым лучшим на земле, а его любовь – неожиданным чудом, добрым подарком судьбы.

Утром, уходя в свою контору, он осторожно поцеловал меня, боясь разбудить, и пробормотал тихо: «Все хорошо...» Не для меня, для себя скорее.

– Таня!

Этот голос вернул меня с небес на землю – я вздрогнула, обернулась и увидела Сержа, который стоял, прислонясь к одной из лип.

– Сергей...

Я подошла к нему, совершенно не зная, о чем с ним говорить. И он, и любовь к нему были для меня уже в далеком прошлом, сейчас я не испытывала ничего, кроме досады.

– Куда ты пропала? – тихо спросил он. Лицо было бледным, утомленным, белки глаз желтоваты – человек действительно только что из больницы. Пожалуй, сейчас он выглядел еще более эстетствующим декадентом, чем раньше, – томный, нездоровый вид вкупе с длинными

волосами и широкой пестрой рубашкой делали его похожим на поэта, художника, словом – на человека богемы.

– У тебя входит в привычку подкарауливать меня на улице, – попыталась я пошутить. – Я никуда не пропадала, это ты, насколько мне известно, скрывался в казенном доме...

– Не по своей воле, – мрачно произнес Серж, все так же прижимаясь к липе, словно был слишком слаб, чтобы стоять самостоятельно. – Я ждал тебя, надеялся, что ты придешь ко мне. Таня! – Он прижал ладони к лицу и вдруг заплакал – слезы текли сквозь его пальцы, капали дождем на рубашку, оставляя темные пятна. Признаюсь, не слишком часто мне доводилось видеть плачущих мужчин, а все виденные впадали в такое лирическое настроение только после изрядной доли спиртного, поэтому сейчас эти неожиданные слезы произвели на меня тяжелое впечатление.

«Главное, самой сейчас не разнюниться! – лихорадочно подумала я. – Резать надо сразу и окончательно! Для нас обоих лучше».

– Что за безобразие... – с укором произнесла я. – Зачем меня мучить? Я же давно сказала – между нами все кончено...

– Ты мучаешься? – Он оторвал руки от лица и шагнул вперед. Его глаза сияли холодным серым светом, словно небо после ненастья. – А я что – нет?! Я все ждал тебя, ждал там, в больнице, когда ты придешь, и обнимешь меня, и успокоишь... Ты моя единственная, Таня, я без тебя гибну!

«Какой ужас! – мрачно подумала я. – Он как будто меня совсем не слышит! Вот он, мужской эгоизм».

– Что же делать! – простонала в ответ я, сама чуть не плача от безнадежной тоски, в которую ввергла меня эта нелепая ситуация. – Серж, я не знаю, что еще тебе сказать, чтобы ты наконец понял...

– Ты мучаешься! – с мрачным исступлением опять повторил он. – Отчего? Впрочем, молчи, я знаю – тебе трудно разорвать порочный круг и сделать то, к чему тебя предназначала жизнь. Ты страдаешь... О, и немудрено, так непросто сделать этот шаг!

– Какой шаг? – пробормотала я. Честно говоря, я уже не понимала Сержа. Вернее, понимала, но только в общих чертах. Я догадывалась, к чему он клонил, и ждала от него более определенных слов, чтобы иметь возможность защищаться.

– Иди ко мне, – прошептал он, и не успела я опомниться, как через мгновение оказалась в его железных объятиях, чересчур сильных для человека, только что вышедшего из больницы. «Хорошо стали кормить там, – злобно подумала я. – Гуманисты!»

Я попыталась возмутиться, но вместо слов праведного гнева из меня вырвался только жалобный писк.

– Не отпущу, – сказал он, не обращая внимания на мои попытки освободиться. – Вот так – всю жизнь!

Я подумала, что со стороны, наверное, мы выйдем обычной влюбленной парочкой, разнежившейся на теплом солнышке бабьего лета, и что никто не кинется мне на помощь, если я вдруг стану кричать и вырываться.

– Я не хочу... отпусти меня! – еле смогла я произнести.

– Ты меня любишь, ты согласилась стать моей женой, мы были близки и безумно счастливы... Но вдруг вернулся этот человек и разрушил все!

– Митя тут ни при чем! Это я не хочу быть с тобой – и баста! Я наврала тогда тебе. Я ведь актриса, мне нравится все время играть...

Глаза у Сержа опять налились слезами. Честное слово, мне было очень жаль его, но не могла же я ради его счастья принести себя в жертву! Всеми возможными словами я кляла встречу выпускников, свой розовый костюм, лихую самбу, знойного Грибова, Шурочку с ее психологическими советами, собственную глупость, позволившую впустить Сержа в дом и наговорить ему черт знает что, после чего он так неотвязчиво за мной следует...

– Нет, – прошептал он, немного ослабляя свои объятья. – Это ты сейчас говоришь неправду, а тогда... Таня, я же видел твои глаза в тот момент, я слышал твой голос – ты не играла, тогда твоя душа раскрылась, и ты была со мной. Единственная правда была мной услышана!

Это был полный бред – потому что ничего иного Серж и не хотел слышать. Я вздохнула, пытаюсь придумать хоть что-то.

– Сержик, отстань, – примиряюще произнесла я. – Я все равно не расстанусь с Митей. Не знаю, наверное, если б его не было в моей жизни, то я действительно осталась бы с тобой, а так я его люблю и не собираюсь бросать... А если ты от меня не отстанешь, то я обращусь в милицию! – неожиданно вырвалось у меня. – Да, обращусь в милицию!

Но мое наивное заявление, похоже, только подлило масла в огонь.

– А я обращусь к богу! – грозно заявил он.

– Да хоть к чертовой бабушке!

Мы проорали в лицо друг другу еще пару подобных глупостей, но потом опомнились – ситуация для обоих была тупиковой.

– Серж, мне сейчас некогда, – неловко пробормотала я. – Я опаздываю, репетиция...

– Хорошо, – на мое счастье, сразу согласился он. – Иди. Договорим потом.

«А «потом» никогда не будет, – устало подумала я. – Буду маскироваться, как шпионка, и ходить по улицам с оглядкой, чтобы ты, голубчик, больше не застал меня врасплох. Номер телефона поменяю, дверь на звонки открывать перестану...»

– Надеюсь, ты не пойдешь сейчас следом? Учти, меня это очень нервирует!

– Нет, – ответил он, болезненно морщась и прижимая пальцы к вискам, словно оранжевое сентябрьское солнышко напекло ему голову. – Я пойду к Шурочке. Она очень умная... хочу с ней посоветоваться.

Хоть бы у Шурочки хватило мозгов отговорить этого остолопа, чтобы он больше не приставал ко мне!

– Серж, послушай, отчего бы тебе не вспомнить школьную любовь? Купи букетик цветов, шампанское... Шурочка накроет на стол, завяжется разговор, ну и так далее... Чем она плоха?

Он с усилием улыбнулся:

– Да ничем. Просто была одна история в прошлом. Она меня предала. Впрочем, я не злой, я ей простил... Но нельзя дважды войти в одну и ту же реку!

Я уходила от него и спиной чувствовала, как он смотрит мне вслед – мрачный, раздраженный, печальный и больной, но жалости к нему у меня больше не было. Этот человек являлся угрозой моему счастью. Кто знает, что он может натворить от ненависти и упрямого мужского эгоизма? «Хорошо бы Шурочка наставила его на путь истинный!» – еще раз подумала я и хотела даже позвонить ей прямо сейчас, чтобы обрисовать ситуацию, но потом поняла, что времени у меня в обрез, и ускорила шаг...

– А, Танечка! – ласково встретил меня режиссер. – Как я соскучился! А у нас первая читка. Вы в курсе, кого играете?

– Нет пока, – рассеянно ответила я – Шурочка все не шла у меня из головы.

– Главную героиню, обаятельную и несчастную Жоан. Одобрямс?

– Нету слов...

Пьеса была из тех, какие всегда пользовались бешеным успехом у публики, – роковые страсти, любовь, слезы, война, смерть... Полуголодный спивающийся студент Литинститута и драматург, знакомый нашего режиссера, переложил для сцены роман Ремарка «Триумфальная арка». Кажется, этот роман уже ставили, но студент раздраконил такую драму, что просто кровь в жилах стыла.

– Вот ваша роль. – Режиссер сунул мне листы.

Первая читка не представляет собой ничего примечательного – актеры

садутся за стол и читают свои роли вслух, пока только примеряясь к ним. Режиссер по ходу что-то придумывает, вносит изменения, сами играющие тоже не остаются в стороне...

– Любовь и месть! – морщась, сказал герой-любовник перед началом. – До чего эти немцы сентиментальны, хуже их только мексиканцы...

– Публика требует жестоких страстей, – лениво вставил кто-то. – У нас не Ленком, Сартра или Камю не потянем.

– Тихо, тихо, начинаем! – хлопнул в ладоши режиссер. – Прошу.

Ближе к вечеру у нас начало кое-что вырисовываться, но в самый неожиданный момент из-за кулис выскочила техничка и сказала, что меня срочно требуют к телефону.

– Срочно ли? – грозно спросил режиссер. – Ладно, Танечка, идите, только не долго...

«Кто бы это мог быть и по какому поводу?» – гадала я, по театральным закоулкам добираясь до того места, где у нас находился телефон.

В небольшой служебной комнате – а именно там стоял телефон – было пусто. Эта была странная комната, до которой ремонт еще не добрался. На зеленой, засиженной мухами стене еще с советских времен висел портрет Карла Маркса – сначала с ним было лень возиться, потому что портрет был большой и висел высоко, а потом его оставили на том же месте сознательно, для прикола. Не знаю, почему я обращала внимание на такую чепуху... На столе, покрытом исцарапанным пластиком, лежала черная трубка.

Я поднесла ее к уху:

– Алло!

– Танита? – быстро произнес чей-то знакомый нервный голос. – Если помните, это Ковалев, начальник вашего мужа...

«Что за черт! – подумала я, сердце сжалось от нехорошего предчувствия, тем более что меня так легко, без всяких сомнений возвели в ранг жены. – Просто так начальство не звонит сожительницам своих подчиненных...»

Ковалева я смутно помнила – в прошлом году был новогодний банкет в ресторане для сотрудников фирмы и их родных и близких. Он заметил меня в толпе, подошел, чокнулся шампанским и произнес несколько прочувствованных фраз, что-то про веснушки, весеннее солнце, словом, какую-то обычную банальность...

– Я помню вас, Иван Иванович, – медленно сказала я. – Что-нибудь случилось?

– Вы только не пугайтесь, пока еще ничего определенного сказать нельзя... – нервно зачастил он. – С Дмитрием Игоревичем несчастье!

– Что?!

Ноги у меня вдруг задрожали, и я упала в старое дерматиновое кресло, в котором обычно сидел вахтер.

– Какое несчастье? – прошептала я, мучительно вглядываясь в портрет основоположника коммунизма, как будто именно с ним говорила в данный момент.

Бедный Луи, мои бедные бессловесные рыбки – они были первым предупреждением, недаром август плакал холодным дождем... Таинственный Некто сделал второй выпад!

– Какой-то негодяй напал на него прямо на ступенях нашего офиса, его увезли в Склиф... – выдохнул Ковалев. Я вдруг некстати вспомнила, что начальник Мити был низеньким плотным мужчиной с совершенно седой головой... Тогда, на банкете, в шикарном черном фраке, он был до неприличия похож на пингвина. – Еще кровь на асфальте не высохла! – испуганно выкрикнул Ковалев, но потом, видимо, вспомнил, с кем разговаривает, и сменил тон на более спокойный: – Извините, нервы... Поезжайте в больницу, я тоже скоро буду. Девяткин, мой заместитель, уже там, а здесь пока милиция, даю показания.

– Какой негодяй? – спросила я, с удивлением замечая, что черная телефонная трубка скользит у меня в ладони, норовя вот-вот выпасть. – Кто это был?

– Неизвестно. Возможно, какой-то псих, маньяк, безо всяких причин... он скрылся с места происшествия. Дмитрий Игоревич был без сознания, сообщить ничего не мог. Танечка, голубушка, не отчаивайтесь, медицина сейчас творит чудеса! У вашего мужа хорошая страховка, мы тоже всеми силами, чем возможно, поможем, ни перед чем не остановимся, генеральный уже дал указания... Скоро ваш муж уже плясать будет!

– Что он с ним сделал? – холодно спросила я.

– Ударил ножом. Танечка, голубушка...

Трубка вдруг все-таки выскользнула из моих рук и с глухим стуком ударилась о пластик стола. Бегущая за мной тень наконец догнала меня и накрыла своими крыльями, кто-то хрипло захохотал мне прямо в уши... «Никогда не поминай черта, а то он и в самом деле придет»...

– Раз, два, три... – посчитала я вслух, прижав пальцы к ледяным вискам. – Волноваться еще рано – раз, два, три... Мите нужна помощь. Я буду спокойной...

Через несколько минут я твердой походкой вышла из театра. Место

было здесь заброшенное, пролетарское – надо было дойти до метро, чтобы поймать такси.

Я летела по липовой аллее и продолжала считать вполголоса. Больше всего я сейчас не хотела потерять контроль над собой, иначе ничем потом не смогла бы помочь Мите. Я была уверена, что мой бодрый вид положительно на него подействует – он зарядится моей энергией и выздоровеет гораздо быстрее. Я боялась, что истеричную и рыдающую особу к нему не пустят. Кроме того, тот, кто с тайным злорадством мог наблюдать за мной, еще больше обрадуется моему горю, уж этого я никак не могла допустить...

– Таня!

Я чуть не упала от неожиданного окрика – нервы мои были напряжены до предела. Между лип стоял Мельников и умоляюще смотрел на меня. «Наверное, целый день здесь проторчал», – мелькнуло у меня в голове.

– Сереженька, милый, мне сейчас некогда! – чуть не заплакав от досады, крикнула я на бегу.

Но он догнал меня в три прыжка и схватил за запястья.

– Сережа, очень некогда, у меня несчастье, – пробормотала я, подчиняясь только одной мысли, но ему, похоже, было на все наплевать.

– Мы должны поговорить...

– Сережа... – Тщетно я пыталась вырваться – он держал крепко, глядя на меня в упор своими непроницаемыми глазами, по которым ничего нельзя было понять.

– Теперь все будет так, как ты хочешь. Теперь только мы с тобой – и океан безбрежной любви, через который не переплыть и за целую жизнь...

– Помогите! – крикнула я. – Кто-нибудь, помогите!

Я болталась в его цепких объятиях, как рыбка на крючке, и думала только об одном – уходят драгоценные минуты, а я все еще не у Мити, который, может быть, уже пришел в себя и ждет меня, а я не могу отвязаться от этого болвана...

– Я тебя люблю.

– Помогите!

Похоже, он проплакал целый день – его рубашка на груди была все еще темной от слез. Амок – вдруг вспомнила я...

К нам уже спешил из-за угла пожилой мужчина с таксой на поводке – последний оплот отчаянного благородства.

– Черт, – тихо произнес Серж, как загипнотизированный глядя на семенящую на коротких ножках таксу. – Черт...

Его хватка ослабла – я тут же вырвалась, изо всех сил толкнув его в

грудь, и побежала... Аллея кончилась, впереди была улица с довольно оживленным в этот вечерний час движением, первая же машина притормозила...

– В Склифософского... Сколько скажете!

Наверное, у меня был совершенно безумный вид – водитель довез меня молча, без лишних расспросов, и даже не хотел брать денег.

В приемном покое мне наперерез бросился высокий носатый мужчина:

– Танита, я вас сразу узнал, не узнать невозможно...

– Кто вы? – отрывисто спросила я, прорываясь к окошечку, где давали справки.

– Девяткин, Юрий Ефимович. Я с вашим мужем... Он сейчас в реанимации, пока бесполезно что-либо узнавать. Какой ужас, какой ужас! – Он еще что-то кудахтал, но я почти не слышала его.

В справочной мне сказали то же самое, велели ждать – все плыло, плыло перед моими глазами. Я упала на диван, чья-то добрая рука поднесла мне воды.

– Танита, что это? – испуганно воскликнул Девяткин, указывая на мои запястья. Они распухли и посинели, словно целый день я была скована стальными наручниками. «Болван, – равнодушно подумала я о Серже. – И надо ж было так вцепиться!» Машинально я повертела перед собой руками и вдруг увидела на ладони бурое смазанное пятно, как будто в складки кожи забились темная грязь. Я огляделась в поисках туалетной комнаты, даже в такой момент я не могла без мыла и воды...

– Танита, вот тут с вами поговорить хотят. – Передо мной стоял уже Ковалев, похожий на пингвина, – он словно материализовался из воздуха.

– Кто? – встрепелась я, мысли были только о Мите.

– Следователь, если вы в состоянии, конечно...

– В состоянии, – с мрачным разочарованием произнесла я. Если б можно как в Америке, в сериале «Скорая помощь», наблюдать за ходом операции сквозь стекло, если б пускали туда, в святая святых!

Следователь оказался огромным увальнем в гражданском, он скороговоркой представился.

– Вы в курсе, да? – спросил он, с любопытством разглядывая меня. – Соболезную... Видел вас в рекламе и в кино. Есть какие-нибудь соображения по произошедшему?

– Не знаю, – ответила я, продолжая разглядывать свои руки.

– Кто это вас так? – вдруг насторожился следователь.

Странная мысль пришла мне в голову – он же сейчас всех подряд подозревать должен, наверное, и меня просчитывает...

– Серж Мельников, – честно ответила я.

– На месте происшествия видели мужчину в джинсах, с длинными светлыми волосами. Это описание никого вам не напоминает?

– Сержа Мельникова, – тупо повторила я.

– У него были какие-то претензии к гражданину Полякову? – моментально насторожился следователь.

Не сразу до меня дошло, что гражданин Поляков – это мой Митя.

Пятно на ладони не давало мне покоя, я пыталась пальцем растереть его.

«Этой рукой я толкнула Сержа в грудь. Темные пятна – вовсе не слезы! Слезы давно высохли, а это была...» Я с ужасом посмотрела на свою ладонь – пятно было уже стерто, остались лишь темные бороздки.

– Были, – выдохнула я.

– Вы в курсе, где сейчас находится этот Мельников?

– В курсе, – потерянно произнесла я. – Липовая аллея возле театра «Априори». Может быть, он еще там...

– Служебный, домашний адреса знаете?

Я сказала ему все, что знала.

– Сидите здесь, никуда не уходите, – быстро, строго произнес он. – Я сейчас позвоню и приду.

– А куда я денусь? – растерянно произнесла я, продолжая рассматривать ладони. – Здесь же Митя...

Следователь вернулся через пять минут, сел рядом и с каким-то новым настроением взглянул на меня.

– Какие претензии были у Мельникова к Полякову?

– Я.

– Шерше ля фам, значит... – задумчиво пробормотал он. – Извините, это я так, пустые слова. Ревность?

– Он болван, – равнодушно произнесла я. – Серж просто болван. Я ему тысячу раз говорила, что не брошу Митю – я люблю его, а все остальное ерунда...

– Шерше ля фам! Ох уж эти «ля фам»! Красивая рыжая женщина, восходящая звезда телеэкрана, вся в веснушках, с желтыми как у рыси глазами... Я еще таких не видел. – Следователь говорил с осуждением и восхищением одновременно. – Есть отчего потерять голову и пойти на убийство. Хотя подобный случай – редкость в моей практике, так просто все оказалось. Впрочем, всегда все просто, только в кино разгадка прячется в самом конце сюжета. Жизнь груба, проста... Убивают по пьяной лавочке, по глупости – этого полно. Пьянчужки убивают своих вздорных щербатых

собутыльниц или их новых дружков от того, что хмель ударил у голову... Вы уверены, что Мельников ревновал вас?

– Да.

– Вот она, страсть, – хмыкнул следователь.

– Амок...

– Что? – вздернул он брови.

– Амок – это припадок бессмысленной, кровожадной мономании. «Пена выступает у человека на губах, он воет, как дикий зверь, и бежит, бежит, бежит, не смотрит ни вправо, ни влево, бежит с истошными воплями, с окровавленным ножом в руке, по своему ужасному, неуклонному пути...»

– О господи, с вами свихнуться можно... Мономания? Извините. А у вашего Мельникова с головой все в порядке?

– Да вроде бы, – сказала я, глядя на свои руки. – Хотя недавно вышел из больницы, но это что-то несерьезное, на нервной почве...

Я точно знала, что психи не выглядят такими ухоженными, эстетствующими декадентами, что расшатанные нервы и поехавшая крыша – совершенно разные вещи. Но в тот момент я хотела только одного – чтобы Мельникова поймали и расстреляли. Непременно расстреляли, несмотря на все моратории смертной казни и гуманные отговорки.

– Из какой больницы?

– Не знаю, – равнодушно произнесла я. – Впрочем, у меня где-то адрес был записан...

Я вытряхнула содержимое сумочки прямо на скамью рядом с собой. Записная книжка, чьи-то визитки, расческа, зеркало, косметичка, журнал, мятные карамельки, памятка об использовании электробигудей, томик Стефана Цвейга, еще какие-то невероятные вещи... Следователь ловко поймал губную помаду, уже катившуюся к краю скамейки.

– Вот, кажется...

Я нашла листок, который всучил мне прыщавый юноша с компьютерного рынка.

– Потешная улица, дом три... Ничего себе! – нагнувшись к моему плечу, прочитал следователь. – Знакомый адресок, уже не раз приходилось сталкиваться.

– А что это? – недоуменно спросила я.

– Ганнушкина. Психиатрическая больница имени Ганнушкина! Вот вам и нервная почва...

Опять реальность отодвигалась от меня – я ничего не понимала, скользила в какую-то темную бездну, и до дна было еще очень далеко. Что

могло измениться, если бы я сразу взглянула на адрес? Потешная улица – жестокое название для места, где находится психиатрическая больница. «Не дай мне бог сойти с ума. Нет, легче посох и сума...» Если бы я знала раньше, где лечится Серж, может быть, ничего бы и не произошло. Амок...

– Вообще точки над «і» расставлять еще рано. Может, Серж ваш вполне вменяем и все такое прочее, но... Что с вами, Танита?

Откуда-то сбоку выплыл долговязый Девяткин со стаканом воды, дал мне таблетку, пояснил:

– Успокоительное, вам сейчас не помешает. Танечка, вот халат – к нему уже пускают.

– Митя выздоровел? – Губы мои едва шевелились, словно после анестезии.

– Он пришел в себя. Не туда, Танита, вот рукава...

Я шла по длинному коридору, облицованному бело-голубым кафелем – Девяткина не пустили, только меня, – рядом с молодым усталым доктором, и странные мысли неотступно преследовали меня.

Если бы я знала раньше, что Мельников – пациент психиатрической клиники (вменяемый или невменяемый – диагноз меня не интересовал), все было бы иначе. Что иначе? То, что я была бы настороже. Романтическая любовь – одно, а романтическая любовь у человека из палаты номер шесть – совсем другое... Надо было предупредить Митю, тогда он не подставился бы беззащитно под удар, что-то можно было изменить. Возможно, это Серж пробрался к нам в квартиру, напакостил, насыпал отраву в аквариум. Впрочем, он был в то время в больнице. А если нет? А если сбежал оттуда на некоторое время, не держали же его в клетке...

– У него проникающее ранение в полость живота, – говорил доктор, идя рядом со мной. – Задеты внутренние органы, хуже всего обстоят дела с печенью, положение критическое – скрывать не буду... Мы сделали все, что смогли, сейчас остается только одно – уповать на господ бога. Вообще-то почти всех, кто сразу попадает к нам, удается спасти. Удивительное у вас имя... или псевдоним? Танита! Никаких слов, ничего такого, что могло бы его расстроить...

– Я знаю, – покорно прошептала я. – Я не буду...

– Часть печени пришлось удалить, поджелудочная железа...

Доктор говорил и говорил что-то страшное, ужасное, что не имело никакого отношения к Мите, к моему бодрому, подвижному, энергичному Мите, у которого, кроме насморка, никогда никаких болезней не было, который в свободное время играл в теннис и занимался легкой атлетикой, чтобы всегда быть в форме... Я не представляла, как могло такое случиться,

что клинок вошел к нему внутрь и сделал то, о чем говорил мне сейчас этот усталый человек в белом халате...

Дверь передо мной распахнулась неожиданно, я и не ожидала, что длинный темный коридор закончится ослепительным пятном света, от которого на мгновение исчезнет зрение.

За окнами была уже ночь, а я и не заметила, как быстро пролетело время. Черные ветви деревьев качались за стеклом, словно тоже стремились заглянуть в палату, где на тоненькой ниточке висела человеческая жизнь, колеблясь между бытием и вечным сном.

В центре палаты стояла высокая кровать, мигали и жужжали едва слышно какие-то приборы, торчала капельница возле изголовья. А на кровати лежал кто-то незнакомый, весь опутанный проводами и трубками.

– Помните, о чем мы говорили... – шепнул мне доктор на ухо, слегка подтолкнув вперед. – Никаких истерик!

Я подошла ближе и наконец с трудом признала в неподвижном, до середины груди закрытом простыней человеке своего Митю. Еще утром сквозь полусомкнутые ресницы я видела его – румяного от утреннего душа, живого, подвижного, уютно пахнущего кофе и табаком, шепчущего какие-то оптимистические слова... Сейчас все было по-другому. Серое лицо с ввалившимися щеками, огромные тени под закрытыми глазами, запах эфира, лекарств, рассеченной плоти.

– Митя! – громким шепотом сказала я, с удивлением заметив, что слезы текут по моему лицу сплошным потоком, словно горячий июльский дождь. – Митя, это я, твоя Таня.

Я осторожно прижалась щекой к его руке, поцеловала ее, тут же ставшую мокрой от моих слез. Его веки дрогнули, губы слегка шевельнулись.

– Еще не отошел от наркоза, – пояснил мне доктор за спиной.

Митя открыл глаза – они показались мне совершенно черными, огромными, бездонными, произнес внятно и тихо:

– Его зовут Сергей.

– Знаю, – ответила я. – Его уже ищут. Он псих, он сумасшедший, его поймут и убьют, как бешеную собаку.

– Не надо... – поморщился он.

– Что не надо? – встревожилась я.

– Не надо никого убивать...

– Перемените тему, – подсказал сзади доктор.

Я совершенно не представляла, о чем сейчас говорить, с чего начинать, потому что слишком много слов и эмоций скопилось внутри меня. И самой

главной была мысль о том, что я его люблю. Люблю так, что готова умереть вместо него.

– Ковалев и Девяткин здесь, в приемном покое, очень беспокоятся о тебе. Все о тебе беспокоятся, – вдруг сказала я.

Митя облизнул пересохшие бесцветные губы и опять закрыл глаза.

– Митя! Я тебя люблю, – быстро произнесла я. – Не бросай меня, пожалуйста, миленький, хороший...

– Нет... не брошу.

Я скорее угадала его слова по движению его губ, чем расслышала.

Доктор положил мне руку на плечо:

– Все, он устал, дайте ему отдохнуть. Позже еще увидите.

Импозантный, похожий на пингвина Ковалев исчез, в коридоре сидел только Девяткин. Наверное, по чину полагалось оставаться здесь именно ему.

– Как Дмитрий Игоревич? – вскочил он мне навстречу.

– Очень слаб. Вы поезжайте домой, что-то определенное будет известно не скоро. Сейчас ночь, вас жена, наверное, ждет, дети... – ласково сказала я.

– Я им уже позвонил, – заикаясь, произнес Девяткин, умудряясь смотреть на меня с сочувствием и обожанием одновременно. – Я с вами побуду, вам ведь тоже сейчас помощь нужна. Да, Танита?

– Как хотите, – махнула я рукой. – Здесь где-то буфет должен быть, идемте кофе поьем...

Время перед рассветом было самым хорошим с тех пор, как я получила страшное известие. Хорошим в особом смысле, поскольку у меня была надежда и вера в будущее.

Ближе к утру я узнала, что особых изменений в Митином состоянии не произошло, съездила домой, привела себя в порядок, а потом снова вернулась в больницу.

– Ваш муж сумел дать показания, – сообщил следователь, поймав меня в больничном коридоре. – Свидетели его тоже опознали.

– Были свидетели?

– Да, жильцы соседнего дома все видели – тепло, кто-то сидел у подъезда, кто-то на балконе.

– И это... точно он? – с замиранием сердца спросила я.

– Да. – Слова следователя падали точно в каменную пустоту, отзываясь в моем сердце глухой болью. – Сергей Мельников, ваш бывший одноклассник, Танита, постоянный пациент психиатрической клиники.

– Он сумасшедший? – закрыла я лицо ладонями.

– Так нельзя говорить. Его болезнь... – извините, я не доктор, может быть, не совсем точно передаю суть дела, только что консультировался с его лечащим врачом – вызвана внешними обстоятельствами.

– Как это?

– В юности он перенес тяжелое инфекционное заболевание, произошло осложнение на нервную систему. Время от времени он ложится в клинику, проходит курс лечения. До сего времени его считали совершенно адаптированным, никаких признаков агрессии. По сути, он нормален, кроме этих периодов.

– Почему же тогда...

– Трудно сказать. Доктора сами в недоумении, хотя, если честно, мозг – такая малоизученная область... Все, что угодно, может быть. Его никто не мог спровоцировать на убийство?

– Не знаю, – прошептала я побелевшими губами.

Было тепло, но холодный ручеек змейкой скользнул между лопаток. «Только смерть может разлучить нас», – кажется, нечто подобное говорила я Мельникову, когда отказывалась оставить Митю. «Я знала, что я глупая, – мелькнуло у меня в голове. – Но это уже не глупость, это уже зло...» Оставалось признать, что именно я спровоцировала Мельникова. Сделала так, чтобы в его затуманенном болезнью мозгу поселилась единственно возможная мысль – избавиться от соперника, от Мити, навсегда, разлучить нас с помощью смерти.

– Где он сейчас?

– Мельников? Не бойтесь, он уже у нас, за семью замками, вам ничего не угрожает. Кстати, взяли его на той самой липовой аллее.

– И?..

– Сопротивления не оказал. Правда, до сих пор ничего путного сказать не мог, все плакал. Будет психиатрическая экспертиза, и мне кажется, насколько позволяет сказать мой опыт, судить его не будут.

– А что будет?

– Ну, заведение закрытого типа, от нескольких месяцев до нескольких лет. А может быть, на всю жизнь. Наука решит.

– Наука... – с горечью прошептала я.

– Танита, придется в ближайшее время – я понимаю, все зависит от состояния Полякова – съездить на Петровку, дать показания...

– Хорошо.

Я шла по коридору и спиной чувствовала, как этот человек смотрит мне вслед. В его взгляде были осуждение, восхищение, любопытство – нечто подобное я заметила накануне у Девяткина, словно сам факт того,

что из-за меня пострадал человек, почему-то придавал мне в глазах окружающих мужчин больше шарма.

Я же себя ненавидела. «Его никто не мог спровоцировать на убийство?» – вопрос следователя вертелся у меня в голове как приговор. По закону я не была виновата, но лучше бы такого закона не было, и пусть бы меня осудили по совести, а не по закону, наказали бы... Это не Мельников замахнулся ножом, это я направила его руку. «Только смерть разлучит нас...» Бедная, слабая голова! Он понял меня буквально. Теперь я не испытывала к своему бывшему однокласснику ничего, кроме досады, ведь настоящей убийцей была я.

Легкомыслие! Легкомыслие и невнимательность! Стоило давным-давно обратить внимание на его вечно кислую физиономию, на жалобы на головную боль и странности в поведении. Ах, Серж, ах, эстетствующий декадент, ах Обри Бёрдслей и утонченное утомление... Теперь понятно, почему его не взяли в дипломаты, – болезнь не позволила.

«В юности перенес тяжелое заболевание, произошло осложнение». В юности... Насколько я помню, в школе он ничем не страдал. Значит, наверное, заболел сразу после ее окончания, и все планы на будущее были перечеркнуты, заграничная карьера невозможна, ему оставалось лишь торговать на рынке. Ужасно... На какое-то мгновение мне даже стало жаль Сержа.

И вдруг я вспомнила о Шурочке.

После школы, параллельно с поступлением в престижное высшее учебное заведение, он собирался жениться на ней – это я помню прекрасно. Неземная любовь, вся школа с напряжением следит за развитием их красивого романа, юные Ромео и Джульетта ждут не дождутся совершеннолетия... Теперь ясно – он заболел, и их свадьба стала невозможной, потому что Шурочка не захотела связываться с человеком, у которого не все в порядке с головой.

Это были мелочи, к делу отношения не имеющие, – Шурочка, несбывшиеся мечты Сержа о карьере и так далее. Но я продолжала думать о них, лишь бы не думать о главном, лишь бы чувство вины не жгло мне душу.

Итак – именно Шурочка не захотела, потому что Серж не раз говорил о каком-то предательстве, туманно намекал, что простил ей, что все в прошлом... Он слег, и она оставила его, поскольку, как и все женщины, была прагматична. Бедная Шурочка! Она ведь тоже переживала, решение наверняка далось ей не просто. И жизнь у нее не сложилась, потому что без любви трудно жить, как и всем прочим женщинам. Кстати, а ведь

увлечение ее психологией тоже неспроста! Психология, психиатрия...

Я пыталась найти в прошлом причины того, что настоящее рушилось на моих глазах.

* * *

Я выхлопотала постоянный пропуск и теперь неотлучно находилась при Мите – большего и не надо на данный момент.

Молодого строгого доктора звали старинным русским именем Савелий, он относился ко мне с отеческой строгостью, хотя вряд ли был старше меня. Впрочем, с родными и близкими больных только так и нужно, иначе – слезы, слезы... Чрезмерная участливость вредна.

– Состояние тяжелое, пока еще рано делать прогнозы, – сообщал он мне новости. – Сейчас был батюшка, ваш муж пожелал собороваться, причаститься святых тайн.

– В больнице есть священник? – спросила я. Раньше я не замечала в Мите особой религиозности, и его желание испугало меня.

– Конечно. Милая, идите перекусите, вас саму в пору под капельницу класть.

Но слова о соборовании прочно засели у меня в голове.

– Доктор, – едва выговорила я, – он что, предчувствует смерть?

– Кто знает... Держитесь, – холодно ответил мне тот.

Сама мысль о том, что Митя может умереть, покинуть меня навсегда, казалась мне невозможной и дикой. Это будет чем-то вроде вселенской катастрофы, после которой исчезнет все живое, во что разум отказывался верить. «Лучше бы Мельников вонзил нож в меня, – думала я, сидя на стуле возле Митиной кровати и держа его слабую, холодную руку. – Я женщина, я живучая как кошка, я бы все выдержала. Утром того дня, когда Серж встретил меня в липовой аллее... Если б знать!»

Рука в моих ладонях вдруг дрогнула, Митя приоткрыл темные веки.

– Ты здесь... – тихо, без всякого выражения, произнес он. – Когда же ты спишь?

– Сплю! – убежденно воскликнула я. – Там, в коридоре, есть кушетка.

– Таня, я не понимаю...

Он говорил тяжело, с усилием. Я жадно ловила каждое его слово, напряжением чувств стараясь помочь ему, и не понимала, отчего мое страстное желание помочь никак не может материализоваться – сил у Мити

не прибывало.

– Что, Митенька?

– Я не понимаю – за что?

– Он псих, он сумасшедший. Кто знает, что творилось в его больной голове!

– Он сказал... он сказал, что ты его любишь. И еще... будто ты согласилась стать его женой...

– Неправда, – твердо ответила я. – Он желаемое хотел выдать за действительное.

– И будто ты с самой школы, с детства...

– Любила его? – с жаром подхватила я. – Нет, Митя, я его и не вспоминала последние десять лет! Я знаешь что думаю? Наверное, он был совсем одинок, и ему хотелось, чтобы хоть кто-то любил его, вот и придумал меня, мои чувства... Он сумасшедший, Митя!

Я говорила и говорила что-то убедительное, страстное, а он смотрел на меня пристально, тяжело и как-то равнодушно.

– А еще он сказал... – медленно, уловив паузу в моей речи, вставил Митя. – Впрочем... ерунда все.

Я вдруг догадалась, о чем он хотел сказать, и эта догадка только усилила мое смятение и чувство вины. Если бы была возможность прожить жизнь второй раз, я никогда бы не позволила Сержу войти в свой дом, подарить мне белые лилии, которые пахли пороком и смертью, эти чертовы лилии, которые у меня все-таки хватило ума вышвырнуть в окно. И как было хорошо, если бы то же самое можно было сделать и с Сержем!

– Он все придумал. – Я была тверда как камень, собираясь до последнего отрицать все. Правда была Мите не на пользу, ни к чему ему было знать, что человек, вонзивший в него нож, был близок с его возлюбленной. «Я чиста, чиста, – твердила я себе как заклинание. – Недоступна и невинна, подобно тем чертовым цветам!»

– Потом... я уже уходил, не хотел его слушать... он крикнул мне что-то вслед... я повернулся, и тогда... и тогда он ударил... я даже ничего не понял... я думал о тебе, Таня.

Слезы лились и лились у меня из глаз – сплошным потоком, и ничем их нельзя было остановить, словно во мне что-то сломалось, испортилось.

– Утомляете больного! – сердито крикнула мне медсестра, которая в этот момент вошла в палату. – Старайтесь поменьше говорить.

Я послушно кивнула, не издавая ни звука, я знала, что если скажу сейчас хоть слово, то разрыдаюсь в голос и меня выгонят...

Я вдруг представила себе тот теплый вечер третьего сентября, Митю

на пороге его конторы. Он торопится прийти домой пораньше – с тех самых пор, когда злоумышленник пробрался в наш дом, он старался нигде не задерживаться, – оранжевые закатные лучи ласкают его лицо, и он пытается понять, о чем говорит ему незнакомый человек напротив. «Она вас не любит, – надменно заявляет Серж. – Она моя, давно моя... Я спал с ней!» Митя ничего не понимает, он ошеломлен этим заявлением, он поворачивается, чтобы уйти, чтобы скорее встретиться со мной, Серж его останавливает, выбрасывает вперед лезвие... Если б Митя не был так ошеломлен в тот момент, так озадачен, шокирован, то его реакция была бы быстрее... Но поздно – нож вонзился в тело.

– Я устал, – тихо произнес Митя. – Я посплю, ладно? А то скоро бабушка придет...

Я кивнула, еще раз поцеловала его руку и выскочила в коридор. В сумочке у меня была пачка сигарет, которые я одолжила у Девяткина.

В курилке витал тяжелый сизый дым, молодой доктор со старинным именем Савелий подпирал стену и задумчиво сосал «Приму». Он усмехнулся при виде меня, бросил окурочек в пепельницу.

– Минутку! – взмолилась я. – Вы можете со мной поговорить?

– Что такое, барышня?

– Скажите, а этот священник... он все обряды совершает?

– Наверное. – Савелий пожал плечами. – Но в больнице у священнослужителей определенные хлопоты – именно здесь люди вдруг вспоминают о боге, размышляют о прожитой жизни, хотят покаяться в грехах... Близость смерти заставляет задуматься о вечном.

– Вы правы.

– Вот недавно, этим летом, одному человеку осталось жить пару дней. Так он на больничной койке крестился, исповедовался, венчался, причастился перед смертью... Знаете, Танита, есть вещи, которые никогда сделать не поздно.

– Вы тоже в это верите?

– Я? Не знаю. Я слишком земной человек. – Он улыбнулся саркастически и пошел к дверям. Потом, обернувшись, произнес тоном знатока-диагноста: – А вы красивая.

...Дивное создание с огромными глазами итальянской мадонны, аккуратно стриженной темной головкой, нежнейшей кожей. Нимфетка, мечта всех Набоковых. Как ей шел тот канареечно-желтый свитер, она была похожа в нем на маленькую беззаботную птичку, у которой и дел только – чирикать себе на ветке да мошек ловить. Что сказал бы о тебе лет десять назад этот доктор, и что сказал бы он тогда обо мне...

Шурочка почему-то не шла у меня из головы, хотя сейчас я меньше всего должна была думать о ней. Какая-то неясная тревога продолжала терзать меня, и тревога эта была связана с моей бывшей соседкой по школьной парте. «Серж в то утро сказал, что собирается с ней посоветоваться. Посоветовался ли? Что она ему сказала? Хотя что она могла ему сказать, она тут почти ни при чем...»

* * *

Был уже поздний вечер, за окнами стояла густая свежая ночь, полная терпких осенних запахов. Я вдыхала эти запахи сквозь раскрытую форточку в полутемном коридоре и представляла, как хорошо было бы сейчас гулять по ночной Москве, пить пиво на бульваре, обниматься с любимым под предлогом холодеющего к полуночи воздуха, смеяться громко, нарушая сонный покой переулков, и никуда не торопиться. Я бы гуляла с Митей, прижималась к нему, целовала его где-нибудь в тени, куда не достают лучи оранжевых фонарей, и была бы счастлива, как никогда в жизни.

Я любила этого человека всей душой, всем сердцем, я любила его нежно и одновременно страстно, мое чувство было огромно – как бесконечная, свежая ночь. Весь мир был наполнен моей любовью, я не понимала только одного... Нет, эту страшную мысль я не могла высказать словами, я боялась, что сказанное слово может претвориться в нечто реальное, отчего уже не спастись. «Только живи!» – бормотала я как заклинание.

Сзади, за моей спиной, священник исповедовал, причащал и соборовал Митю. Когда я оборачивалась, то в полураскрытую дверь видела отца Георгия, как звали больничного священника. Пахло ладаном. Священник стоял ко мне спиной, время от времени взмахивая руками, отчего Митя исчезал на мгновение, скрытый темной рясой отца Георгия, ее широкими рукавами.

Будучи крещенной в детстве, я тем не менее не очень хорошо разбиралась в церковных обрядах, таинство соборования было не вполне ясно для меня. Кажется, верующий должен раз в год собороваться, в определенное время года, а соборование в дни тяжелой болезни как бы дает шанс на выздоровление, на облегчение страданий. Отец Георгий какими-то кисточками мазал елеем Митин лоб, говорил что-то тихо, вполголоса,

нараспев. Слов я не слышала, но верила им, верила, что Митя поправится. Исповедь, причащение и соборование заняли довольно много времени, но с каждой минутой во мне росла надежда, что любимый мой скоро встанет с больничной кровати и мы пойдем гулять в осенних свежих сумерках, вспоминая прошедшее, как тяжелый сон.

Приходил Девяткин, сидел рядом со мной молча, тяжело вздыхал.

– Танита, вы только скажите, чего надо...

– Ничего не надо. Идите домой.

– Вы меня прогоняете?

Чужие глаза смотрели с обожанием, сочувствием, с собачьей преданностью. Но мне их взгляд был неприятен, словно Девяткин совершал кощунство.

– Идите домой.

Утро не принесло облегчения – я заметила это по еще более ввалившимся Митиным глазам, его безразличию к окружающему. Доктора вокруг нервничали, огрызались друг на друга, при разговоре со мной старательно отводили глаза.

Он лежал совершенно спокойно на белоснежном стерильном больничном белье, укрытый тонкой, но твердой от крахмала простыней, которая начинала шуршать при каждом прикосновении. Лежал так, будто отдыхал в теплый субботний вечер, и только исколотые капельницами руки и бледное, темное лицо напоминали о том, что в воскресенье утром он, наверное, встать не сможет.

– Митя, я тебя люблю, – в который раз повторила я, сидя у его изголовья.

Он говорил, слышал, все понимал, но почему-то устало и равнодушно продолжал разглядывать крашеный потолок над собой, словно видел на его поверхности какие-то странные письмена и тщетно пытался прочитать их – щурился, облизывал губы и никак не желал перевести свой взгляд на меня.

– Митя...

– Таня, я тебя тоже люблю, – тихо, спокойно наконец ответил он.

– Я боюсь, что ты из-за этого сумасшедшего негодяя возненавидишь меня.

– Я никого не ненавижу.

– Митя... Слова такие глупые, жалкие, ими никак не передать то, что я чувствую к тебе. В тебе вся моя жизнь. – Я осыпала поцелуями его ладонь, окропив ее заодно слезами.

– Так мокро... будто дождик брызнул, – слабо улыбнулся он и тихонько вытер ладонь о шуршащую простыню. – Ты не плачь. Все будет хорошо.

– Как хорошо, что хорошо? – с бессильным отчаянием спросила я.
– Все. Пройдет время, и ты успокоишься и не будешь больше плакать. Станешь радоваться солнышку, небу, свежему ветру...
– Ты это так говоришь... Я даже не могу сказать, какты это говоришь... Как будто дальше я буду жить без тебя!
– Таня, миленькая... Кто кого сейчас должен успокаивать? – Он вздохнул с трудом. – Ты просто маленькая эгоистка, требуешь невесть чего у умирающего человека. Прости... но сейчас я не могу сказать тебе ничего оптимистического.
– Нет, это ты меня прости... Ведь все из-за меня произошло!
Он улыбнулся уголками губ, ничего не ответил.
– Митя...
Он молчал, но я знала, что он меня слышит.
– Помнишь, ты несколько раз делал мне предложение? Я все смеялась, отнекивалась, тянула время... Митя, я согласна! Я хочу быть твоей, совсем твоей, чтобы всегда быть только твоей... Твоей женой.
Уголки губ опять дрогнули, но глаза упрямо шарили по потолку.
– Хорошо.
– Что, ты согласен?
– Да, – чуть помедлив, устало ответил он. – Если я выйду отсюда, мы поженимся.

Повисла пауза, нарушаемая только гудением многочисленных приборов, поддерживающих жизнь моего возлюбленного. Я бы хотела, чтобы Митя сам сказал мне эти слова, вновь произнес свое предложение, но он продолжал напряженно рассматривать светло-зеленый потолок... «Маленькая эгоистка...» Нет, Митя не прав. Как бы я хотела исполнить все его желания, все то, о чем он мечтал когда-то... Невозможно, невозможно, чтобы я опоздала!

К вечеру доктор со старинным русским именем Савелий беседовал со мной в больничном буфете. Мы говорили о каких-то пустяках сначала, потом, когда он наконец увидел, что я расправилась со своим жалким ужином – стаканом кефира и булочкой, начал:

– Танита, вы должны быть ко всему готовы...
– Да, я понимаю, – спокойно ответила я, хотя внутри меня все задрожало. – Сколько еще?
– День, от силы два. Операция не поможет. Я хотел вам сказать это раньше, но тогда была небольшая надежда, что, возможно, процесс будет развиваться в ином направлении. Теперь же этой надежды нет.
– Совсем... совсем никакой надежды? – Я еще не верила услышанному.

Вернее, не хотела верить.

– Держитесь. – Доктор холодно и пристально смотрел мне в глаза, и под его мрачным взглядом я не могла позволить себе расслабиться, впасть в истерику.

– Что же делать? – растерянно спросила я.

– Ничего не надо делать. Все произойдет само. Медицина в этом случае бессильна, жестоко терзать уже истерзанный организм.

– Жестоко ничего не делать! – попыталась возразить я, но мой собеседник остановил меня ледяным взглядом. – Сколько надо заплатить? Я готова, сколько угодно...

– Ни за какие деньги вашему Мите уже не поможешь. Держитесь.

Доктор Савелий хотел встать, но какая-то неясная мысль не давала мне покоя.

– Нет, постойте! Я о другом... Нас ведь могут здесь обвенчать?

– О чем вы?

– Хотя бы один час, одну минутку быть его женой, быть с ним единым целым, чтобы даже в загробной жизни...

– Поговорите с отцом Георгием, – ласково прервал он меня. – Я, со своей стороны, никаких противопоказаний для церемонии не вижу. Кажется, я сам подсказал вам это в прошлом разговоре.

– Савелий, почему он... почему Митя сейчас так безразличен ко мне?

– Милочка, ну вы даете! – развел он руками. – Человек при смерти, а вы от него требуете...

– Да, все понимаю. Но раньше, сколько я его помню, он думал только обо мне, он мечтал о свадьбе, он... Нет, даже невозможно описать... Митя просто дышал мной!

– Охотно верю. – Он царапнул меня тем особенным взглядом, которым смотрели на меня окружающие люди все последние дни.

– Отчего же теперь такая перемена, словно и не было ничего этого раньше?

– Только в любовных романах да в дешевом кино влюбленные страстно целуются на смертном одре. В жизни все по-другому, я уж повидал. Ваш Митя умирает, ему не до возвышенностей всяких. Сейчас его невеста – смерть, уж извините за пошлое поэтическое сравнение.

– Нет... – Я закрыла лицо ладонями и на какое-то время оцепенела вся. Сбывалось то, во что я отказывалась верить, – я была совершенно бессильна и беспомощна перед судьбой.

Отца Георгия я нашла в терапевтическом отделении – он сидел в окружении старушек и о чем-то доверительно беседовал с ними. На миг я

почувствовала раздражение – столько немощных, дряхлых, никому не нужных старушек продолжали упорно жить, перетирая деснами больничную пищу, в то время как молодые, полные надежд и планов люди уходят в небытие.

– Извините, – произнес отец Георгий своей пастве, увидев в дверях палаты меня.

Это был невысокий, пожилой уже человек с седоватой каштановой бородой и светлыми бровями. Лицо у него было усыпано мелкими рыжими веснушками – мое сердце немного смягчилось, когда я вблизи разглядела его веснушки, словно увидела перед собой родственника.

– Что случилось? – подойдя, спросил он.

– Я насчет Дмитрия Полякова. Вы недавно соборовали его...

– Хорошо помню. Ему стало хуже?

– Да. Впрочем, этого следовало ожидать. – Я замолчала, пытаюсь справиться с волнением.

– Как вас зовут, милое дитя? – с ласковой строгостью спросил отец Георгий. – И кто вы Полякову?

– Танита. Не Татьяна, а – Танита... Это не псевдоним. А Полякову я... никто. Нет, не так... – Неожиданно слезы опять потекли у меня из глаз.

Батюшка взял меня под руку, и мы медленно пошли по больничному коридору.

– Мы живем вместе давно, уже несколько лет. Он хотел жениться на мне, но я все тянула, тянула... Я знаю теперь, что останавливало меня соединиться с ним, – я думала, что есть человек лучше, интереснее, рядом с которым жизнь будет сплошным праздником...

– Какой-то конкретный человек или ваша мечта?

– Конкретный. – Я вспомнила о Серже, и слезы моментально высохли на моих глазах. – Я страшно заблуждалась. Счастье было совсем рядом, но я не видела его! Потом появился человек, о котором я мечтала, и я... и я Мите с ним...

– Понимаю – дальше, дальше...

– Только тогда я сразу поняла, что заблуждалась, но было поздно – человек, о котором мечтала, оказался сумасшедшим. Именно он ранил Митю, именно он убил его!

– Ужасно, – помрачнев, произнес отец Георгий. – Но за ошибки приходится платить.

– Платят невинные! – горячо воскликнула я. – Бог должен наказать меня, это я виновата. По сути – я оказалась убийцей, я спровоцировала все! Если бы я знала, что тот человек окажется сумасшедшим....

– Мы не можем знать все, – остановил меня отец Георгий. – Я могу вам точно сказать, что Дмитрий Поляков уходит, не держа на вас зла, Танита. Вы заблуждались, дитя мое, но не вы убийца. – Он посмотрел на меня с состраданием, от которого у меня все сжалось внутри. – Чего вы сейчас хотите?

– Я хочу обвенчаться с Митей, – твердо произнесла я. – Он умирает, но хотя бы несколько минут быть его женой, быть только его... Он об этом всегда так мечтал...

– А сейчас он хочет этого?

– Я говорила с ним недавно – он не против.

– А не кажется ли вам, дитя мое, что венчанием вы хотите искупить свою ошибку? Что вы это делаете для себя?

– Кажется, – с отчаянием согласилась я. – Мне кажется, что сейчас я его вынуждаю. Но он же всегда хотел этого! Просто сейчас ему не до того, он очень плох – так сказал доктор... Я думаю, если б ему было хоть немного полегче, он с большим энтузиазмом согласился бы...

– Ну не знаю, – с сомнением произнес отец Георгий. – Я молюсь о Дмитрие Полякове, но и вас мне очень жаль. Я бы хотел поговорить с самим Дмитрием.

– Хорошо...

Но в палату, в которой лежал Митя, нас не пустили.

Там была какая-то суета, входили и выходили врачи – мрачные, сосредоточенные, кидая на нас с отцом Георгием отстраненные взгляды. Потом как-то сразу сделалось тихо, и вышел Савелий.

– Можете зайти, – спокойно произнес он. – Он без сознания, это последние минуты. Мы смогли только облегчить его страдания, ничего больше уже сделать нельзя.

– Что это значит? – задыхаясь, спросила я. – Нет, я не понимаю!

– Идемте. – Священник подал мне руку. – Идемте, Таня...

В палате никого больше не было – Митя лежал тихо, спокойно, и только по слабому писку приборов можно было догадаться, что жизнь в нем еще теплится.

– Умоляю... Ведь еще не поздно! – обратилась я к отцу Георгию. – Обвенчайте нас!

Тот посмотрел на меня с глубоким сожалением и отрицательно покачал головой.

– Я не могу.

– Но почему? Из-за того, что он без сознания, да? Но ведь он хотел, хотел!

– Я не слышал его воли. Я не могу совершить обряд только по вашей просьбе.

Откуда-то сзади появился доктор Савелий, положил руку на мое плечо.

– Он что-нибудь говорил перед тем, как потерять сознание? Он говорил? – с последней надеждой спросила я его.

– Нет.

Я упала на колени перед кроватью, прижалась лбом к Митиной руке, и такое невыносимое горе охватило меня, что я была уверена – сейчас я умру вместе с Митей. Я должна была уйти вместе с ним – иначе где справедливость?!

Отец Георгий читал рядом отходную молитву.

Доктор отключил приборы – я это поняла по тишине, внезапно воцарившейся в комнате.

– Зачем? – подняла я голову. – Зачем вы это сделали?

Он молча, бесстрастно смотрел на меня, отец Георгий положил мне на голову большую, теплую ладонь:

– Крепитесь, дитя мое.

И только тогда я поняла...

На грудь мне лег тяжелый камень, и дышать стало трудно, почти невозможно. Я помню, я стала кричать и требовать какой-то справедливости. Но к кому я обращалась – к доктору или к священнику, – я не знала. Я кричала в пустоту, кому-то невидимому, кто с тайным торжеством наблюдал сейчас мои страдания и упивался ими...

Мне сделали укол – стало немного легче дышать, но боль не проходила.

Все дальнейшее стало разворачиваться передо мной словно в каком-то густом тумане. Появились Ковалев, Девяткин, еще какие-то люди, которых я знала, но чьих имен почему-то вспомнить не могла. Начались хлопоты, возня с документами, меня отвезли домой, хотя я отчаянно сопротивлялась, не желая покидать Митю, – я все ждала, когда моя душа отправится вслед за его, но этого почему-то не происходило.

Потом опять появился доктор, ввел мне в вену лекарство, и опять все заволочло вязким туманом – я видела, слышала, понимала, но все чувства были словно притуплены. Меня держали на успокоительном несколько дней, боясь тех слов, которые я в исступлении повторяла все время. Потом было отпевание в церкви, все куда-то ехали на автобусе. Я вся в черном, окружающие тоже в черном... Разверзлась черная, жирная земля, поглощая мою любовь, песок застучал о дерево...

Это был страшный сон, после которого, я знала, мне уже никогда не

пробудиться.

* * *

Следующие после похорон несколько дней были ужасны. За окнами светило теплое солнце, трепетала золотом листва, а мне казалось, что наступила ночь. Я сутками лежала на постели, не желая никого видеть. Окружающие лица вызывали во мне отвращение, потому что все те люди, которые приходили ко мне, были живыми и здоровыми, что казалось мне несправедливым. Я оставила возле себя только Тарабакина.

Откуда Тарабакин узнал о постигшем меня горе, до сих пор остается для меня загадкой. Вероятно, его творческое чутье послало ему какой-то сигнал, и он, знаток женских душ и повелитель мелодрам, появился возле меня. Признаюсь, я даже жалела о том, что он родился не женщиной, тогда бы он был самой лучшей моей подругой. Сейчас же он сделался моей нянькой и выполнял ту работу, которая во время нашего брака лежала только на мне.

Он ходил в магазин и собственноручно стряпал обеды, которые я не стала бы есть и в нормальном состоянии – это был апофеоз мужского кулинарного бессилия, он поил меня лекарствами, которые, как подразумевали врачи, должны были притупить мою психику и смягчить удар, и самоотверженно спал в коридоре, под дверью, чутко прислушиваясь ко всем звукам, которые доносились из моей комнаты. В эти дни все думали, что я наложу на себя руки, – так велико было мое отчаяние. Добродушный Девяткин рыдал на похоронах не столько от потери коллеги, сколько от сочувствия ко мне...

Пустой пыльный аквариум стоял напротив моей кровати, поверженный испанский галеон валялся на высохшей гальке, и я казалась себе путешественницей, выброшенной в бурю на необитаемый остров. Я была совершенно одна в этом пустом мире, и даже присутствие благородного Тарабакина, самоотверженно стряпавшего какую-то невероятную гадость на кухне, не утешало меня.

Я любила... С того самого момента, как я поняла, что никто, кроме Мити, мне не нужен, я испытывала это обжигающее чувство. Но я не сумела показать Мите, как сильно он мне дорог.

Раньше я не отказывала себе в удовольствии поспать – сон приходил ко мне легко и был всегда спокоен. Теперь же каждую ночь ко мне в

изголовье садилась бессонница. Ночь наваливалась на меня тяжелым, душным покрывалом – я встречала рассвет с сухими, утомленными от долгого глядения в темную пустоту глазами и каждый раз удивлялась, почему еще жива. Ощущение того, что в ближайшее время я должна умереть, непременно умереть, не покидало меня. Я не находила никакого основания продолжать свою жизнь дальше, я не могла без Мити, я не имела права ходить по этой земле, погубив его...

Я ворочалась, сменяя простыни и терзая подушку кулаками. Потом закрывала глаза от льющегося в окна рассвета и замирала, лежа на спине, сложив руки на груди, с бессильным отчаянием понимая, что не пришло еще мне время покидать этот мир.

За стеной просыпался Тарабакин, осторожно громыхал посудой, готовя завтрак, к которому, я знала, почти не прикоснусь, не только потому, что готовил мой бывший муж исключительно невкусно. И лишь тогда сон приходил ко мне – недолгий, тревожный. И всегда только об одном – Митя жив, мы вместе, и я задыхаюсь от счастья, видя его рядом с собой... Я любила его все больше и больше, и для меня никакого значения не имело то обстоятельство, что он покинул меня навсегда.

Тарабакин встречал меня приветливой улыбкой, желал доброго утра. Порой мне даже казалось, что ничего в этом мире не изменилось и мы живем вместе – он пишет свою нетленку, желая завоевать мир, и надо только немного подождать, когда я выпровожу его из своей квартиры, снимусь для журнала «Поселянка» и получу странное, восторженное письмо от одного из своих поклонников, который хочет подарить мне рыжего котенка по имени Луи. В самом деле, отчего нет?

Постепенно в моей голове сложился определенный план, по которому я решила продолжить свое существование.

Тарабакин был милым, совестливым человеком, и мне пришлось разыграть перед ним целый спектакль, убедив его в том, что я уже вполне пришла в себя. Я стала слабо улыбаться ему в ответ по утрам, съедала почти всю его стряпню, испытывая при этом почти мазохистское удовольствие, читала по утрам газету, а вечером на некоторое время включала телевизор, изображая интерес к жизни, и даже пыталась говорить на какие-то отвлеченные темы.

К началу ноября, когда прошло уже почти два месяца после смерти Мити, Тарабакин поверил, что я полностью адаптировалась. Не знаю, наверное, он хотел снова стать моим мужем и несколько раз заводил туманные разговоры... Этих разговоров я избегала. Если б милый мой литературный гений сумел заглянуть ко мне в душу, то увидел бы, как

черно и пусто там – выжженная земля, на которой уже ничто не сможет вырасти.

Мягко и ненавязчиво я вытеснила его из своего дома. Потом так же мягко и незаметно стала рвать все прошлые свои связи. Работу я бросила. Вежливый Ковалев, непосредственный Девяткин, бывшие коллеги из театра... – я свела к минимуму их посещения и телефонные звонки.

Я стала жить одна, погруженная в холодную, ничем не нарушаемую печаль, в ожидании того дня, когда снова встречу с Митей.

Нет, я не сошла с ума. Я понимала, что время невозможно повернуть вспять и с хронологической точностью повторить все прошлые события, – я ждала другой встречи. Я верила, что рано или поздно наступит день, когда я тоже покину пределы этого мира. Завтра или через несколько лет, может быть, даже через несколько десятков лет, но это произойдет обязательно, и тогда я наконец вновь обрету своего возлюбленного. Нужно только подождать...

В середине ноября выпал первый снег и покрыл белым, чистым саваном город, окончательно убедив меня, что прежняя жизнь безвозвратно погибла.

Я жила на те деньги, что мы отложили с Митей на наше путешествие. Теперь мне надо было совсем мало – я не работала, не играла в театре, не снималась в рекламе, не ходила по магазинам, не покупала тех очаровательных и приятных сердцу любой женщины безделушек, без которых раньше не мыслила и дня. От Мити оставались квартира и машина, и кто-то советовал мне похлопотать, чтобы заполучить их, но мысль о наследстве казалась мне абсурдной, мне было противно думать об этом...

Я любила и даже чувствовала себя в какой-то степени счастливой. То было странное, болезненное счастье обретения себя. Да, пожалуй, именно сейчас я стала самой собой – холодная, бесстрастная, равнодушная ко всему окружающему, бесплотной тенью я проходила сквозь дни и ночи. Я стала призраком.

Первый снег растаял, потом выпал новый, зима прочно и надолго заняла свои позиции, тяжелые темные тучи заволокли небо, солнца не было – граница между днем и ночью стерлась, за окном стояли вечные сумерки.

Однажды я подошла к зеркалу и не узнала себя.

Передо мной стояла тоненькая бледная девушка с острым носом и прозрачными холодными глазами. Именно бледная, почти белая – мои знаменитые веснушки потеряли в одночасье свою яркость, почти стерлись. Теперь никто бы не посмотрел мне вслед и не прищелкнул пальцами от

удивления.

Я уже давно никого не ждала, отвечая скупыми односложными фразами на телефонные звонки моих прежних знакомых, и поэтому, когда кто-то позвонил в дверь, даже удивилась немного. Заглянув в «глазок», я обнаружила на лестничной площадке человека, о котором забыла, а главное – о котором старалась не вспоминать, потому что человек этот в какой-то степени был причастен к смерти моего возлюбленного...

– Привет! – как ни в чем не бывало сказала Шурочка, переступая порог. – Как дела?

На ней была хорошенькая каракулевая шубка и вызывающе игривая дамская шляпка – по всей видимости, эти вещи были новыми, недавно купленными, и оттого они доставляли Шурочке особое удовольствие. Она бережно отряхнула шляпку, подула на плечи своей шубки, раздеваясь, и только потом обратила свое внимание на меня.

– Как дела? – задумчиво повторила я ее вопрос. – А никаких дел и нет...

– А я подстриглась, смотри! – Шурочка завертелась перед зеркалом в прихожей, ладонями поправляя стрижку. – Класс, да? У меня мастер есть одна знакомая, очень недорого берет. Хочешь, я и тебя к ней направлю?

Я не видела Шурочку давно, с лета, но сейчас она вела себя так, будто и не было этого разрыва во времени. Я не испытывала к ней какой-то особой ненависти, хотя ведь именно она старательно сводила нас с Сержем, – она была мне безразлична.

– Шурочка, разве ты ничего не знаешь? – спросила я, сложив руки на груди.

– О чем ты? Ах да... – Она изобразила скорбь на лице. – Ужасно, ужасно! Я сама так переживала из-за Сержа, из-за твоего Мити, что все это время приходила в себя. Но теперь я в порядке. Надеюсь, и ты тоже... Сообрази чайку, я тут конфетки принесла.

– Шурочка, Серж убил Митю, – сказала я, не меняя ни тона, ни позы. Упрекать и обвинять мою бывшую одноклассницу у меня не было сил. Да и прав тоже – ведь я сама, по собственной воле пошла у нее на поводу.

– Да знаю, слышала, – махнула она рукой. – А ты чайку сделай, правда. Уж очень холодно на улице.

– Проходи, – кивнула я ей на дверь, ведущую в комнату, а сама отправилась на кухню за чайником. Показалось мне или нет, что она вздохнула облегченно, когда я наконец пригласила ее? Как будто она до последнего момента боялась, что я устрою ей сцену, и морочила мне голову парикмахерской и конфетами... Впрочем, какая теперь разница?

Я разлила чай, Шурочка содрала целлофан с большой коробки конфет, мы чинно уселись друг напротив друга.

– Какая же это прелесть – горячий чай после мороза! – с наслаждением воскликнула Шурочка, обнимая розовыми пальчиками пузатую кружку. – А вот конфетку...

Я взяла одну, с карамельной начинкой, но она показалась мне совершенно безвкусной.

– Вообще сладкое в нашем возрасте очень вредно, – Шурочка причмокнула, разгрызая пополам конфету из соседнего ряда. – С кокосом... Ты знаешь, стараюсь не есть лишнего, но все равно – был сорок четвертый, а теперь сорок шестой. Ужас, ужас!

Меня покорило, что она с одинаковым выражением говорила о Митиной гибели и своих размерах, словно это были вещи одного порядка.

С мороза она была очень хороша – юная, румяная. Словно начищенные полиролью, нестерпимо блестели огромные глаза. Я теперь рядом с ней казалась слишком бледной и невзрачной – как и в былые годы. Наверное, Шурочка тоже почувствовала перемену: она посмотрела на меня с жалостью – о, сколь хорошо я знала этот притворно-сочувствующий взгляд! – и произнесла сладким голосом:

– Таня, дорогая, во что же ты превратилась! Ты здорова?

– Физически – абсолютно.

– Да, я понимаю, о чем ты хочешь сказать, – трагедия, сердечная драма и все такое, тело здорово, а душа болит... Но ведь прошло уже столько времени, пора прийти в себя, встряхнуться! Я, собственно, потому и пришла – вдохнуть в тебя силы, возродить к новой жизни.

– Спасибо, – сдержанно ответила я.

– Ты сейчас работаешь, играешь где-нибудь? Снимаешься?

– Нет.

– Плохо.

Шурочка строго нахмурилась, но мне показалось, что в уголках ее тоненького извивистого рта мелькнула злорадная усмешка. Впрочем, может быть, мне действительно показалась. Я ее никогда не понимала – с ранней юности мне всегда чудился подтекст в ее словах и жестах, сейчас во всем этом следовало разобраться.

– Шурочка, можно тебя спросить?

– Да, конечно. – Она как будто напряглась внутренне, собралась, предчувствуя удар, который я готовилась ей нанести.

– Почему ты меня не предупредила, что у Мельникова не все в порядке с головой? – Вопрос я задала нейтральным тоном, в самой мягкой форме –

боялась ее спугнуть, до правды мне надо было добраться любыми путями. А уж потом, когда все открылось бы, я бы ей устроила...

– Я не знала об этом, – поколебавшись мгновение, невинно ответила она. – Танюша, сама подумай, стала бы я тебе рекомендовать Сержа, если бы знала, что он псих!

– То есть ты ни сном ни духом – что он болел когда-то, что перенес тяжелое осложнение...

– Конечно! – Она изобразила на лице ужас. – Я сама как узнала об этом, то чуть с ума не сошла – ведь он заходил ко мне в последнее время несколько раз, в доме был Витюшка... Чтобы я так собственным ребенком рисковала!

Я налила себе еще чаю – в горле у меня пересохло от волнения. Шурочка была не так проста, она увертывалась и выскальзывала у меня из рук, словно мокрый банный обмылок, подловить ее на чем-то было очень тяжело.

– Странно, что ты была не в курсе... – задумчиво пробормотала я. – Серж говорил о твоём предательстве – тогда, в юности, о том, что все-таки сумел тебе простить... Разве он имел в виду не то, что ты узнала о его болезни и бросила его?

– А Серж говорил, из-за чего мы расстались? – Шурочка так и впилась в меня взглядом. Блефовать я не хотела, но ради правды...

– Да, говорил! – вызывающе ответила я. – Поэтому вина за все случившееся...

– Неправда! – перебила меня Шурочка. Она с жадностью съела еще одну конфету и облизнула темные от шоколада губы. – Он только намекал, но прямо ни о чем не говорил. Так?

– А разве из намеков нельзя сложить цельную картину произошедшего? – сказала я и тут же поняла свою ошибку – мне надо было настаивать на своих словах, но я споткнулась на туманном слове «намеки», и теперь Шурочка имела шанс... Она им сразу и воспользовалась.

– Намек – это лишь намек, – высокомерно произнесла она. – Его можно истолковать как угодно. Я чувствую, ты хочешь свалить всю вину на меня и умыть потом руки. Но не все так просто, милочка, я тут ни при чем! Я не знала о болезни Сержа! – возвысила она голос. – Он говорил о предательстве с моей стороны, но то было другого рода предательство – самое обычное, банальное, бабское... Ты помнишь – я его любила, и я не оставила бы его в болезни! Дело в другом – я его разлюбила.

– Именно это предательство имел он в виду?..

– Именно! – жестко подчеркнула Шурочка. – Я встретила другого

мужчину, полюбила его, намечалась свадьба, но... тут уж предали меня. И родился Витюшка.

Я была в полной растерянности – мои логические умозаключения, которые я выстроила в больнице в те дни, когда умирал мой Митя, рассыпались на глазах. И теперь вина лежала только на моих плечах – нельзя было упрекнуть Шурочку, что она не предупредила меня, нельзя было искать злодея на стороне, потому что главной виновницей, главной злодейкой все равно была я.

– Правда? – прошептала я, что было второй моей ошибкой – я слишком быстро сдалась, и теперь Шурочка могла с полным правом посочувствовать мне, непутевой.

– Последняя и единственная правда во всей этой истории, – с глубокой жалостью в голосе произнесла она. – Бедная ты моя... Но ведь никто не знал! Что ж поделать – судьба.

Она сидела напротив, с аппетитом поглощая шоколад и запивая его чаем, скорбела и торжествовала одновременно. Нет, если это правда... Да, это правда. Но почему же такая радость у нее в глазах, они будто огнем горят... Впрочем, наверняка тут обычное женское соперничество, ей просто приятно, что я оказалась такой дурой. Да, обычное женское торжество.

– Да, судьба, – с тоской согласилась я. – Но ты, почему ты, с твоим-то знанием психологии, ни о чем не догадалась?! – Это была последняя и самая беспомощная попытка воззвать к справедливости, но Шурочка пресекла и ее.

– С каким таким знанием! – возмутилась она. – Я просто любитель. Если я читаю на досуге «Введение в психоанализ», то вовсе не значит, что я каждого человека теперь должна насквозь видеть. Я только обычные бабские советы давала. А кто их нынче не дает...

– Да уж...

– Ладно, проехали, – бодро махнула Шурочка рукой. – Ты лучше скажи: как ты теперь жить собираешься?

– Никак, – равнодушно ответила я. Последние силы покинули меня – с того самого момента, как я поняла, что вина за все случившееся лежит лишь на мне. И до того муки совести грызли меня, теперь же они усилились стократно.

– А на что ты живешь? – с интересом спросила Шурочка.

– Так... еще осталось кое-что.

– Может быть, тебе стоит пойти работать? Это, знаешь ли, отвлекает.

– Это только мешает, – ответила я, думая о Мите. – Когда деньги кончатся, может быть, пойду работать. Но не в театр. На театр у меня сил

не хватит...

– Есть еще вариант – можно распродать кое-что из ненужного. У тебя очень много хлама, Танеева. Вот, например... – Она встала и по-хозяйски прошлась по комнате, перебирая стоявшие на виду вещи. – Вот это – что такое?

– Это музыкальный центр.

– Ты его слушаешь?

– Нет. Я сразу плакать начинаю, – усмехнулась я.

– Ну, видишь! – торжественно подняла палец Шурочка. – Избавься. Ты, конечно, можешь опять заявить, что я тебе вредные советы даю, но на сей раз ошибки не будет. А это что?

– Изображение охоты, изделие чукотских мастеров, из бивня мамонта...

– Тоже вон. И сервиз этот не нужен – слишком шикарный, на много персон, будет напоминать о прошлой жизни, о шумных застольях, к которым ты уже никогда не вернешься. А здесь что такое? – Она раскрыла деревянную шкатулку, стоящую на трельяже. – Какой дивный янтарь! Продай.

Шурочка скользнула взглядом по пустому, пыльному аквариуму, но ничего не сказала...

Она вела себя как мародер на поле битвы, зная, что мертвым уже ничего не понадобится. Она глумилась надо мной – нарочно или нечаянно, из любви к советам, не знаю, – но все равно ее поведение выглядело ужасно.

– Шурочка, за что ты меня так не любишь? – тихо спросила я.

– Что? – Она вздрогнула, как от удара током, и захлопнула шкатулку, в которой лежал Митин подарок – тот самый, который он привез из Питера, после того, как я с Сержем... Жестокая правда!

– Ты же меня ненавидишь, Шурочка.

– Какие глупости! – медленно произнесла она, бледнея. – Я, конечно, немного бесцеремонна – ты знаешь мой характер давно, – но я же от всей души...

– Да, меня это давно настораживает – со школьных лет, когда ты была первой красавицей, а я первой дурнушкой. Уже тогда тебя мучила нелюбовь ко мне...

– Таня, Таня! – Она подбежала ко мне, обняла за плечи, поцеловала. Прикосновение ее холодных губ обожгло меня, словно это был поцелуй Иуды. Я передернулась и машинально вытерла щеку. – Я тебя понимаю, ты сейчас в таком состоянии... Эх, надо было мне раньше зайти, а я все тянула,

думала – должно пройти время... Об этом больно сейчас говорить, но мне кажется... – она понизила голос до интимного доверительного шепота, – мне кажется, ты мне завидовала. Разве нет?

– Что? – вздрогнула я.

– Ну сама посуди – кто из нас был красавицей, а кто дурнушкой и кто кому должен был завидовать?

Я слегка отстранила ее:

– Вот в том-то весь парадокс и заключается...

– Таня, но это же смешно! – перебила она меня.

– А потом, – продолжала я, – на встрече бывших выпускников все перевернулось. Я стала первой – я актриса, снялась в кино, и Пирогова во всеуслышанье назвала меня кинозвездой, и три моих брака...

– Разве три? – вскинула Шурочка брови.

– А Митя? Лучший из лучших, готовый ради меня на все, преданный и неприступный для всех прочих женщин... Тебе ли не знать!

Шурочка покраснела. Насупившись, она мрачно спросила:

– На что ты намекаешь?

– А помнишь, летом, на пикнике, когда меня не было...

– О господи! – Она с шумом выдохнула воздух и расхохоталась возмущенно. – Так ты подглядывала! Танеева, это низко, неблагородно...

– А покушаться на чужих мужчин – благородно? – ехидно поинтересовалась я.

– Я просто чмокнула его в щеку – и все! – отрезала она. – Танеева, опомнись, Митя твой умер, глупо ревновать меня к нему.

– Его убили, – поправила я Шурочку, закрыв лицо руками.

– И кто виноват? – жестко произнесла она. – Да ты же и виновата! Связалась с психом, столкнула двух мужиков лбами, они и начали друг друга в крошку крошить. А Серж, между прочим, мог бы не в психушке сейчас сидеть, за железной решеткой, а тихо-мирно, никого не трогая, торговать себе на рынке, и все были бы счастливы. Ты... ты какая-то графиня Дракула – столько человеческих жизней загубить!

Голос у Шурочки звенел от возмущения. Она то бледнела, то краснела, пальцы ее невольно сжимались в кулачки. Наверное, она уже давно мечтала вот так напасть на меня, обвинить во всем на свете, сровнять с землей... Надо было сопротивляться ей, ответить что-нибудь достойное, напомнить о том, что мне и так несладко, что жестоко меня мучить этими нападками, но я словно лишилась последних сил. В ее словах была истина, с которой я не могла спорить, – я сама о себе думала именно теми же словами, которые она бросила мне сейчас в лицо. Надо было испить всю чашу до дна.

– Еще что? – глухо спросила я.

– Еще? – Она словно бы опомнилась. – Ладно, Танитка, ты меня извини, я что-то погорячилась... Но тебе не надо было говорить мне, что я тебе завидую. Даже самая последняя дура не стала бы тебе сейчас завидовать. Я пришла к тебе как подруга, хотела подбодрить, конфет вот принесла, разговорами всякими отвлекала... Впрочем, люди в горе всегда эгоистичны, глупо требовать от них признательности.

– Может быть, ты еще и извинений от меня потребуешь?

– Да надо бы... – мрачно бросила Шурочка. Потом подошла к столу и залпом допила чай из своей чашки. – Ладно, пойду я. Встретимся, когда ты окончательно придешь в себя.

– А твое предложение распродать вещички? Не ты ли их купить собиралась?

– Могу и я, – деловито ответила Шурочка, закутываясь в свою шубку. – Кстати, у тебя костюмчик есть розовый, с такими забавными пуговками... Ведь ты его теперь точно не наденешь?

– Точно.

– Я бы его себе взяла. Ты подумай и... и позвони мне сама.

Она ушла. А я подошла к окну и стояла, глядя на лилово-серые сумерки, быстро опускавшиеся на город. Из полураскрытой форточки дул ледяной неприятный ветер, но у меня не было сил протянуть руку и захлопнуть ее. По улицам торопливо и неуклюже семенили редкие прохожие, прикрываясь от ветра. Потом я увидела Шурочку, узнав ее по кокетливой шляпке, которую она придерживала обеими руками, – она шла прочь от моего дома, и в походке ее были твердость и энергия, как у человека, только что выполнившего свой долг и очень довольного результатами своей деятельности. В доме напротив, стоявшем совсем близко, горели желтые прямоугольники окон. Люди жили своей жизнью, их тени двигались в электрическом свете за прозрачными шторами... Театр теней. Впрочем, и я для них – тень...

Когда зубы у меня начали тихонько стучать от холода, я захлопнула форточку и медленно оглядела свое жилище. Да, пожалуй, здесь слишком много ненужных вещей, за которыми тянется шлейф дорогих и теперь мучительных воспоминаний.

Как она забавно сказала: «...будет напоминать тебе о прошлой жизни, к которой ты уже никогда не вернешься». Никогда! Возможно, она оговорилась и, не задумываясь глубоко, построила фразу таким образом, что грубая действительность вывалилась наружу. Но все равно – какая фантастическая жестокость! Я рассмеялась и вдруг почувствовала, что

совсем не злюсь на Шурочку – она была права и убедительна во всем. Будет забавно, если я отдам ей свой розовый костюмчик. Вернее – продам, да подороже. И безделушки из янтаря тоже продам – именно ей, а не кому-то другому. Если уж страдать – то до конца.

На Новый год я купила пучок еловых веток, которые продавали у метро старушки, и бутылку шампанского.

Телефон я отключила заранее, чтобы никто не беспокоил меня глупыми звонками, и, когда кремлевские куранты стали бить полночь, чокнулась бокалом со своим отражением. Никогда не думала, что этот милый домашний праздник может оказаться таким страшным испытанием – я продолжала медленно падать в бездну, но только теперь, в эту новогоднюю ночь, мне открылось, как глубока она и бездонна, и падать мне в черной пустоте еще очень, очень долго...

Ведь это я убила Митю.

* * *

Январь всегда был моим месяцем.

Солнце не светило – все небо было затянуто плотными белыми облаками. Грязный городской снег серым пеплом покрыл московские бульвары и дворики, холодный воздух неподвижен, тяжелым комом застревая в горле.

Когда-то давным-давно в этом городе родилась крошечная девочка, похожая на апельсиновый апельсин. Но январь стер ее веснушки, сделал ее прозрачной и белой, в тон зимнему ветру, не позволил ей растопить глубокий снег – что ж, вполне справедливо, теплое солнышко возможно лишь только весной.

Густой плотный пар, который, казалось, можно было резать на куски, как хлеб, клубился у моих ног. Плечам, шее было холодно – мороз умудрялся пробиться сквозь щели над водой, а ступни грелись о шершавый камень, из которого были сделаны ступени. «Сошествие в ад», – подумала я, спускаясь по ступеням и придерживаясь рукой за стену, – в таком тумане немудрено было потерять равновесие. Вдохнув в легкие побольше воздуха, я поднырнула под бортик и оказалась на первой дорожке.

Играла бодрая музыка, электронное табло показывало минус пятнадцать – что ж, купание в такую погоду в открытом бассейне – занятие не для слабонервных. Наверное, именно поэтому любителей поплавать

сегодня было мало, в основном крепкие старушки, которым мороз не был помехой, их смешные пестрые чепчики для купания время от времени мелькали сквозь клочковатый туман.

– В эфире «Наше радио»! – заорал громкоговоритель над головой голосом известного ведущего. – Все знают о том, что сладкое – вредно, но много вредного – сладко!!!

Я легла на спину и медленно оттолкнулась ногами от бортика. Я – ёжик в тумане... Со всех сторон меня окутывало невесомое тепло, и лишь изредка ледяной безжалостный ветер касался своим колючим языком моего лица, и тогда дрожь пробежала вдоль позвоночника.

Я без устали скользила по воде и лишь после того, как мысленно отметила, что отмахала полкилометра, позволила себе остановиться возле бортика. В этой стороне бассейна было тепло, почти горячо – наверное, нагрев шел именно отсюда, но останавливаться долго было нельзя – мороз тут же принимался щипать щеки...

Кто-то, фыркая, булькая и поднимая брызги, вдруг вынырнул возле меня и заорал восторженным голосом, перекрыв слова песни, доносившейся из громкоговорителя:

– Привет!

– Здравствуйте, – с отвращением ответила я. – И до свидания.

– Я Алексей – помните? – Тип в купальной шапочке серебристого цвета смотрел на меня с радостным изумлением, словно на съемках передачи «Ищу тебя». – А вы – Таня, мы уже знакомились...

– Когда это мы знакомились? – подозрительно спросила я – никогда не любила приставучих и наглых типов, а сейчас тем более.

– Да этим летом! – не унимался Алексей. – Я еще вас напугал – нырнул прямо перед вами... Со мной были Толик и Игорь, но вы выбрали меня!

– Я вас выбрала? – возмутилась я. – Какая чушь...

Стоять уже становилось холодно, и я, недолго думая, оттолкнулась ногами от стены и быстро поплыла вперед брассом. Мне было так приятно плавать в одиночестве, рассекая плотный горячий пар, что всякое вмешательство в мой отдых казалось мне кощунством.

– Вы меня выбрали! – донесся сзади, уже издали, возмущенный голос назойливого типа, но я решила никак не реагировать, лишь прошипела сквозь зубы:

– Дурак!

«А теперь, по вашим многочисленным просьбам, дорогие радиослушатели, – песня Сольвейг из оперы Грига «Пер Гюнт!» –

вдохновенно возвестило радио.

Я опять легла на спину, и надо мной медленно поплыло серое, начинающее темнеть небо в клочковатых разрывах пара, поднимающегося от воды. Оно казалось океаном, над которым я летела как птица...

В раздевалке топталась стайка голых девиц – они визжали восторженно, предвкушая те острые ощущения, которые обещало плавание в открытом бассейне в такой мороз, и я улыбнулась невольно их молодости и здоровому оптимизму, как будто сама была древней старухой.

Тщательно высушив волосы феном, я расслабленной походкой человека, только что выложившегося в спорте, отправилась в буфет – выпить минералки. Меня мучила жажда, хотелось плакать и смеяться одновременно...

– Таня! – Мне навстречу с дивана в холле бросился румяный парень с растрепанными мокрыми волосами. – Теперь вы от меня не уйдете.

– Уйду, – лениво бросила я, продолжая думать о минералке.

– Вы в буфет? Я тоже с вами... – Он продолжал меня упорно преследовать.

В тесном уютном буфете горел приглушенный свет, из телевизора под потолком лилась негромкая музыка. Я купила себе бутылку воды и села в самый дальний угол. Через минуту рядом уселся Алексей, в руках у него была большая кружка разливного пива.

– После плавания всегда жажда мучает, – охотно произнес он, заметив мой искоса брошенный взгляд.

– Однако вы нахал, – устало произнесла я.

– Я бы с вами поспорил, – радостно возразил он. – В прошлый раз вы меня обманули – обещали встретиться и удрали.

Я с наслаждением пила минеральную воду, не отрываясь от экрана телевизора – ничего интересного там не показывали, но в последнее время у меня появилась привычка уставиться глазами в одну точку и замереть, отключиться...

– Я вас, между прочим, в прошлый раз два часа ждал в этом холле, пока не понял, что вы ушли раньше меня, – злорадно бубнил назойливый тип рядом. – Стыдно, девушка!

– Идите вы к черту, – рассеянно ответила я, и вдруг ко мне пришло откуда-то издалека предупреждение: «Никогда не вспоминай черта, иначе он и вправду придет...» – Что вам надо от меня, Алексей?

– Ничего! – лучезарно улыбнулся он. – Все и ничего!

Я вспомнила его – да, это было прошлым летом. Серж обрушил на меня водопад нежданной любви, я, чуть не задохнувшись под потоком его

бурных чувств, сбежала в бассейн, где встретила этого Алексея. Он напугал меня в голубовато-зеленой глубине, показав язык, – чудовище, появившееся неизвестно откуда. С ним действительно были еще два каких-то юноши, и я шутки ради выбрала именно его. Воспоминания о прошлом лете не доставили мне никакого удовольствия.

– Ну и убирайтесь отсюда...

– Отчего девушки бывают такими злобными? – с укоризной воскликнул парень, отхлебывая из кружки большими глотками. – Девушка должна быть нежной и романтической, а не бросаться на людей как собака.

У меня появилось острое желание стукнуть его по голове той кружкой, из которой он пил.

– Я вам что-то должна, Алексей? – шелковым голосом спросила я.

– Да. Вы мне должны те два часа из моей жизни, которые я потратил прошлым летом, прождав вас в холле...

Я ничего ему не ответила – бесполезно, такие люди только и ждут, когда с ними вступят в разговор. Правда, я слишком поздно это сообразила.

– А вы здорово изменились, Таня. Я едва вас узнал.

Я сосредоточенно допивала свою минералку.

– Веснушки у вас почти пропали – из-за того, что зима, да? Или вы их свели? Зря свели. Молчите, не отвечаете... – печально констатировал он. – А я, может быть, хожу в этот чертов бассейн по два раза в неделю только в надежде вас встретить... И ведь встретил! Упорство и методичность дали свои плоды. Я, между прочим, Козерог по гороскопу...

На экране плясали чернокожие тетки в каких-то пестрых лохмотьях, легкая бездумная музыка плескалась в мозгах. Я вдруг почувствовала, что страшно устала. Не стоило после долгого перерыва так напрягаться.

– Вы верите в любовь с первого взгляда?

Я встала и пошла в гардероб, продолжать дурацкий разговор не было никакого желания. Алексей рядом торопливо натягивал на себя куртку.

– Надеюсь, вы не меня провожать собрались? – холодно спросила я.

– Удивительная догадливость... – Парень лихорадочно застегивал кнопки, мохеровый шарф был кое-как надерчен вокруг его шеи. – Уже стемнело, вечер, такая хорошенькая девушка не должна ходить без сопровождения!

Я шла быстрым шагом по улице, отворачивая лицо от ледяного ветра, а этот тип упорно продолжал преследовать меня.

– Таня, послушайте... Вы, наверное, бог знает что думаете обо мне, но я с самыми лучшими намерениями...

– А куда ведут лучшие намерения, вы хорошо знаете, Леша?

– Да, то есть нет. Не представляю, куда вы меня сейчас заведете! – Он поскользнулся и чуть не упал на раскатанном льду. – Дайте руку, очень скользко... Я исключительно исходя из вашей безопасности!

– Отойдите, а то я вас сейчас стукну, – уже всерьез разозлилась я.

– Я вам верю. – Он даже как будто испугался и шел теперь чуть поодаль. – Предлагаю познакомиться поближе. Хотите, я вам свои документы покажу?

Впереди к остановке уже подходил мой троллейбус.

– Вот что, – я резко развернулась, отчего Алексей опять поскользнулся, – если вы сядете со мной в троллейбус, я собственноручно вас оттуда выкину. А если и это на вас не подействует, то буду кричать и призывать себе на помощь милицию. Заявлю во всеуслышанье, что вы опасный маньяк и преследуете меня!

– Какая вы злая, Таня... – с глубокой обидой в голосе произнес парень. – Я ж вам ничего плохого...

Я вбежала в троллейбус и, обернувшись, показала нахалу язык – кажется, именно так началось когда-то наше знакомство, тем же насмешливым жестом оно и закончилось. Двери троллейбуса захлопнулись, я так и не увидела лица Алексея за обледенелыми стеклами, хотя можно было предположить, что выражение его было не самым оптимистическим.

– Два часа я ему должна! – прошипела я, от души стукнув по компостеру, отчего сидевший под ним благообразного вида пенсионер подпрыгнул и произнес укоризненно:

– Не ломайте технику, девушка...

Я посмотрела на свой билет, в котором была пробита всего одна дырка (действительно, не стоило колотить из-за нее по компостеру), и мне вдруг стало смешно и грустно. В случайном знакомстве с Алексеем не было ничего унижительного и обидного для меня, но все равно – совесть вдруг заняла, словно теперь я не имела права даже говорить с другими мужчинами. Меня не покидало чувство, что Митя рядом, смотрит, наблюдает за мной. Я не имела права кокетничать с кем-то, я не могла оскорбить его память даже пустым разговором с посторонним. Я любила его нежно и бесконечно, я принадлежала только ему, моему без времени ушедшему возлюбленному, но бесхитростное нахальство случайного знакомого позабавило меня.

Когда я вышла на своей остановке, было уже совсем темно, и только оранжевые пятна от света фонарей лежали на сугробах возле моего дома. Мимо прошла веселая толпа – был конец рабочего дня, все спешили домой. В воздухе еще витали остатки новогоднего веселья, кажется, даже мороз

пах шампанским...

– Татьяна! – сзади меня со скрипом затормозила машина, и из нее вывалился Алексей. Глаза у него горели, шарф развязался, и концы его невообразимым образом торчали в разные стороны. – Прямо детектив какой-то... – возбужденно говорил он, подбегая ко мне. – Мимо остановки шло такси, я его поймал, кричу водителю: «За тем троллейбусом, срочно!» – а тот: «За кем следишь, криминал, что ль, какой-то?» – а я ему: «Нет, девушка одна несговорчивая...» И мы за троллейбусом, а троллейбус еле тащится. Я о вас с водителем говорил, Таня...

Этот парень был так нелеп и простодушен, что у меня не было даже сил сердиться на него.

– Во-первых, я не Татьяна, а Танита – разница хоть и небольшая, но есть. Во-вторых, Алексей, – серьезно произнесла я, – мне очень жаль, что вы прошлым летом потратили на меня два часа, но вам надо смириться – я не собираюсь продолжать наше знакомство.

– Идемте завтра в кино? – бодро заявил тот в ответ. – Танита... Надо же, какое классное имя!

– Идите, идите, только без меня... – замахала я в ответ руками.

– Вы замужем, Танита, да?

– Да.

Он вздохнул обреченно и пошел прочь. «Так-то, друг любезный...» – усмехнулась я и открыла подъездную дверь.

Нельзя сказать, чтобы эпизод этот сильно позабавил меня, но остаток вечера я провела довольно бодро, разбирая в шкафу старые вещи, от которых, по совету Шурочки, надлежало избавиться. Не забыть, но хотя бы успокоиться, чтобы глаза не реагировали болезненно на внешние раздражители, на напоминания о прошлой жизни, которую я сама и уничтожила. Не забыть – нет, но хотя бы забыться ненадолго...

Одна мысль продолжала неотступно преследовать меня. Она возникала всякий раз, стоило мне вспомнить о Шурочке. Она сказала, что это я ей завидовала... В самом деле, согласно логике вещей, я должна была ей завидовать в юности – стройной красавице с дивным цветом лица и глазами итальянской мадонны, я, конопатая рыжая уродина, над которой в те времена смеялась вся школа. Это ее, а не меня любил изысканный Серж Мельников, несбывшаяся надежда русской дипломатии. Может быть, она сказала мне правду? Ту самую правду, которой я боялась всю свою жизнь?

Но во мне нет зависти! Я ничего специально не добивалась: я не ударила и пальцем о палец, чтобы меня приняли в театральное училище, сняли в кино или рекламе, я не стремилась замуж, я, по сути, не заслужила

той нежной и преданной любви, которой окружил меня Митя. Все, что у меня было, я получила просто так, не стараясь.

В руках у меня оказался розовый костюм из французского бутика, в котором я вскружила тогда, на мартовской вечеринке, голову Сержу. Я просто хотела, чтобы он обратил на меня внимание, а...

* * *

Спустя несколько дней я вышла из дома прогуляться – зима всегда нравилась мне, я находила особую прелесть в этих пасмурных днях, когда граница между днем и ночью стерта, а хмурое небо низко нависает над городом, почти касаясь крыш. В такие дни обычно бывает сыро, промозгло, тоскливо и тревожно, хочется долгий вечер провести дома, у теплого обогревателя – пить крепкий ароматный чай и мусолить бесконечный детектив. Но для того чтобы еще острее почувствовать уют родной квартиры, надо пройти по бесприютным, мрачным улицам, по которым гуляет знобкий январский ветер.

Итак, я вышла из дома. Время клонилось к вечеру, и свинцовое тяжелое небо на короткое время осветил золотисто-розовый закат, каким-то чудом пробившийся сквозь разрыв в облаках. Я не удивилась, когда возле своего подъезда увидела Алексея. Потому что подозревала – так просто он меня не оставит.

Он стоял все в той же зимней куртке, толстый шарф так же небрежно был обмотан вокруг шеи, глаза при виде меня блеснули азартом, словно у охотника, чье долготерпение наконец вознаградилось появлением долгожданной цели на звериной тропе. Он бросил сигарету и сделал в мою сторону решительный шаг. Почему-то я его не боялась – при всем его развязном нахальстве в его поведении ничего опасного я пока не заметила.

– Ты что-то долго, – с укоризной заметил он.

– Мы уже на «ты»? – удивилась я, не замедляя шага, – мои планы было трудно расстроить.

– Да уж пора – сколько времени знакомы... А куда мы направляемся? – спросил он с любопытством.

– Я решила прогуляться, – честно ответила я.

– С тобой можно? – Он смотрел на меня прямо, не мигая, в его зеленовато-карих глазах не было и тени смущения.

– Кажется, Леша, ты и так уже идешь рядом со мной.

– Отлично, – оживился он. – Я сегодня сразу понял, как тебя увидел, – у тебя хорошее настроение. Вот в прошлый раз ты была очень не в духе.

– Ну спасибо, – усмехнулась я. – Кажется, я тогда сказала тебе, что замужем. Что же заставило тебя вернуться?

– А я тебе не поверил, – с вызовом ответил этот странный тип. – Что-то такое, знаешь... только не обижайся... какая-то неприязнь в глазах у тебя была.

– Разве она бывает только у одиноких? – обиделась я – мне ужасно не нравилось, когда начинали лезть мне в душу.

– Нет, не только, ты права. Вот я и решил проверить.

– И что же ты выяснил? – Любопытство и недоверие не давали мне покоя.

– Что ты одна как перст. Тебе даже не звонит никто.

– Откуда ты знаешь? – насторожилась я.

– Знаю, – важно ответил он. – Целый день ты сидишь на диване перед телевизором и переключаешь кнопки, а под вечер начинаешь рыться по шкафам, перетряхиваешь какие-то вещи... Моль у тебя в доме завелась, что ли?

Я остановилась как вкопанная, мне даже стало жарко. Что это за человек и откуда он свалился мне на голову?!

Его юное лицо с круглыми, простодушными глазами показалось мне маской. И я вдруг сдернула с его головы вязаную лыжную шапочку, отчего светлые волосы разлетелись в беспорядке в разные стороны, и провела ладонью по его затылку в поисках завязок маски.

– Ты не права, – обиженно произнес он, снова натягивая шапочку себе на голову. – Зачем же сразу рожки искать? Надо искать в людях только хорошее... Может, тебе стоит мои лопатки ощупать? А вдруг там крылья!

– Быстро говори – откуда ты все про меня знаешь? – мертвой хваткой я вцепилась ему в куртку. Мне было страшно и жутко, какие-то невероятные предположения вертелись у меня в голове. – Кто ты такой?

Кажется, он испугался...

– Да все в порядке! – крикнул он, отрывая от себя мои руки. – Я просто снял квартиру в доме напротив, там хороший обзор... У тебя однокомнатная малогабаритная квартира, ты живешь одна и совершенно ничего не делаешь. Даже как-то странно... Ты в отпуске сейчас?

– Нет, это невозможно! – Смеясь и плача, я опять пошла вперед. – Он снял квартиру в доме напротив... – Я оглянулась – Алексей шел рядом, поглядывая на меня испуганно и озадаченно. – Что же ты еще видел, а? Вуайерист несчастный!

– Кто?

– Соглядатай, вот кто! Как давно ты там поселился?

– Третий день... – растерянно ответил он. – Но ты не думай, я не извращенец, ничего такого! Мне просто надо было узнать, наврала ты мне про мужа или нет. Я не смотрел, как ты раздеваешься или что-то такое, я сразу отворачивался от окна!

Я перевела дыхание и попыталась успокоиться. Он просто прилипчивый дурак, вот он кто. И никакой мистики, ничего сверхъестественного...

– Я увидел сегодня, как ты собираешься куда-то, выбежал из дома, потом появилась ты... А куда мы идем? – опять спросил он.

– «Мы»! – презрительно фыркнула я. – Я иду куда глаза глядят, и тебе вовсе необязательно сопровождать меня. Кстати, сегодня же задерну шторы, экая неосмотрительность с моей стороны...

– Вообще я тебе сразу собирался рассказать о себе, – насупившись, сообщил Алексей. – И даже документы пытался показать, только ты от меня отмахивалась, как от назойливой мухи.

– Ты еще хуже мухи, – резонно заметила я. – Пристал ко мне... Все-таки – кто ты?

– Пожалуйста! – Он сунул мне под нос пачку каких-то документов.

Улица как раз свернула налево, и мы вышли на Бульварное кольцо. Собственно, именно сюда я и шла, собираясь прогуляться по спокойным в это время года заснеженным бульварам, где гуляют только дети и собаки и где нет такого столпотворения, как при наступлении пивного сезона, когда на улицах становится тепло.

Я остановилась под голыми черными деревьями и стала листать документы. Первым был паспорт – Алексей Ефремович Петелин, такого-то года рождения (кстати, совсем недавно парню, оказывается, исполнилось двадцать пять лет – можно поздравить с круглой датой, но не дождется!), москвич, холостой... Потом была справка из ЖЭКа, пропуск в какое-то заведение под названием «Мета-Люкс», где вышеназванный Алексей Ефремович значился как ответственный за техническое обеспечение, еще какие-то бумажки...

– Все это ерунда, – авторитетно заявила я своему спутнику, возвращая документы. – Во-первых, все это можно подделать, а во-вторых, для знакомства с девушкой нужен совсем другой набор документов.

– Какой же? – озадаченно спросил он.

– Справка из психдиспансера, что вы не состоите там на учете, – серьезно заявила я, вспомнив Сержа, – справка об отсутствии СПИДа...

– Их же тоже можно подделать!

– Ну, тогда вообще никаких справок и документов не нужно. Бумажка – это бумажка, она никак не может отразить тайных пороков и тяжелых извращений, которыми страдает иной человек...

– Я ничем не страдаю! – возмутился Алексей.

– А я откуда знаю? – злорадно произнесла я. – Тем более что твое поведение кажется мне очень странным, мягко говоря.

– Почему? – Он был совсем растерян.

– Ты ищешь меня с прошлого лета, следишь за мной, даже снимаешь квартиру в доме напротив и сидишь у окна с подзорной трубой... У тебя ведь подзорная труба?

– Нет, армейский бинокль.

– Замечательно – армейский бинокль... – Я ехидно улыбнулась, потирая руки, спрятанные в плотные шерстяные перчатки, которые почему-то сегодня меня совершенно не грели. – А что же не снайперская винтовка с оптическим прицелом?

– Зачем ты так! – испугался Алексей. – Я же не собираюсь тебя убивать.

– Большое мерси, – иронически поклонилась я. – А что же ты собираешься со мной делать?

Он неожиданно покраснел и нахмурился – совсем как ребенок, которого застали за недозволенным поеданием конфет до обеда.

– Что-то холодно, – поежился он. – Может быть, пойдём дальше?

– Пойдем! – легко согласилась я – менять свои планы я по-прежнему не собиралась.

Последний розовый луч на западе исчез в тяжелых серых тучах, и сразу же стало темно, лишь яркие городские огни добавляли этому вечеру немного уюта. Мы медленно шли по протоптанной в снегу дорожке – мимо, за оградой, стремительно проносились машины, и шелестящий звук их шин заполнял собой молчание, которое повисло между мной и человеком, который шел сейчас рядом.

Мы прошли один бульвар, потом другой, затем вышли на третий. К тому моменту сумерки уже превратились в ночь, и спутник мой стал знобко пожимать плечами. Вероятно, боясь меня упустить, Алексей не успел толком одеться.

– Иди домой, – наконец нарушила я молчание. – Ты замерз. Вон остановка впереди...

Он поднял на меня глаза, блеснувшие отраженным от фонарей светом, и произнес твердо:

– Не уйду. Никуда не уйду, пока не провожу тебя обратно.

– А я еще не собираюсь домой, – сообщила я охотно. – Что-то меня совершенно не тянет туда.

– Что ж... Ко мне в гости я не осмелюсь тебя пригласить – может быть, тогда посидим где-нибудь в кафе?

– Посидим, – милостиво согласилась я. Я все ждала, что он скажет какую-нибудь глупость или поведет себя не по-джентльменски, но он ничего такого пока не делал. «Кафе так кафе! – подумала я. – Посмотрим, в какую дыру он меня заведет».

Впереди показалась забегаловка – из тех заведений, которые располагаются обычно у метро. Здесь всегда полно народа, пьющего в немереных количествах пиво и заедающего его картонной пиццей, всегда дым коромыслом и в уши лезут обрывки чужих разговоров. Я не была такой уж привередой, но в первый раз пригласить девушку в подобный бедлам должно быть стыдно...

– Сюда? – кротко спросила я, готовая в любой момент взорваться и немедленно и безоговорочно избавиться наконец от этого Алексея.

– Нет, чуть дальше...

Впереди был известный ресторан, сияющий неонами, с роскошной вывеской и почтенным швейцаром у дверей, очень похожим на голливудского актера Майкла Дугласа – немолодым и чрезвычайно благородным, словно по недоразумению приставленным пропускать капризных клиентов внутрь, в бархатно-зеркальные глубины, где ненавязчиво и тонко играла музыка и пахло дорогими блюдами, вызывающими аппетит даже у самого безнадежного язвенника. Как-то раз я была здесь с Митей – вечернее платье, свеча на столе, рядом – букетик свежих цветов, только любовь и покой...

– Ну что же ты? – тронул меня за локоть Алексей. – Уже совсем близко!

«Не сюда, так я и думала, – злорадно усмехнулась я, отводя взгляд от швейцара. – Конечно, куда ему – в этом нелепом шарфе, в этой дурацкой куртке!»

За углом было очередное заведение – туда-то и вел меня мой спутник. Он толкнул дверь, пропуская меня вперед, тоненько звякнул колокольчик, и мы оказались в небольшом помещении, где витал такой густой и нежный кофейный запах, что у меня чуть слезы на глаза не навернулись.

– Вот, вполне приличное место, – за моей спиной скромно произнес Алексей. – Шубку?

Я скинула одежду ему на руки и села за угловой столик возле окна, где

около стены росло какое-то лохматое растение и едва слышно журчал маленький фонтан в виде старинного грота. Под курткой у Алексея оказалась тоненькая водолазка – немудрено, что он замерз. Официант принес нам меню. Посетителей почти не было, лишь какая-то парочка в соседнем углу пила кофе с рогаликами.

– Что будем есть, пить? – застенчиво спросил Алексей, приглаживая растрепавшиеся светлые волосы. «Иже херувимы...» – мелькнуло у меня в голове.

– Не знаю, – равнодушно ответила я. – Сам придумывай.

Постепенно недоверие и злорадство отступили – я увидела, что это действительно уютное маленькое кафе, где было чрезвычайно чисто и хорошо. Зеркальный потолок, кремовые стены, изящные столики – все выдержано в легком, спокойном стиле. Да еще почти незаметное, доброжелательное обслуживание...

Нам принесли бутылку полусухого вина и огромное блюдо с разнообразными крошечными пирожными – мечта всех лакомок и сладкоежек. Но странное дело – вид этих шоколадных, кремовых и карамельных излишеств не вызвал во мне ничего, кроме грусти.

– Ты ведь любишь сладкое? – довольно спросил меня Алексей. – Все женщины любят сладкое.

– Ты так хорошо знаешь женщин?

– Ну, – самодовольно приосанился он. – Кой-какой опыт есть.

– О господи... – вздохнула я.

Вино было вкусным и легким – оно мне понравилось, а к пирожным я почти не прикоснулась – в них было что-то безмятежно-веселое, почти распутное, что к нынешней моей жизни отношения не имело. Веселье и безмятежность остались для меня в прошлом, и напоминание о них только бредило сейчас душу.

– Может быть, ты все-таки скажешь, отчего преследуешь меня?

– Я? – Алексей замер на миг, так и не донеся до рта крошечный бисквит, покрытый шоколадной глазурью и весь усыпанный зелеными цукатами в виде звездочек. – Я же тебе говорил – мне надо от тебя все и ничего.

– Очень неопределенно, – покачала я головой. – Закажи-ка еще такого же, – указала я на бутылку.

– С одним условием – что ты попробуешь вот это пирожное. – Он поднес к моему лицу «наполеон» со сливочным кремом.

– Без всяких условий.

Он вздохнул и опять пригладил волосы. Что-то милое и очень простое,

безусловно, было в этом парне, но это совершенно меня не трогало.

– Все и ничего... – повторил он. – А впрочем, мне скрывать нечего, и так все ясно. Я влюбился.

– В кого, в меня? – рассеянно спросила я, любясь, как играет вино на свету.

– Само собой, – тихо признался он.

– С первого взгляда, конечно? – услужливо подсказала я.

– Истинно так. – Он даже перекрестился для убедительности, отчего стал похожим на молодого купчика, только что сошедшего со страниц какой-нибудь из пьес Островского. – А ты не веришь в любовь с первого взгляда?

Я ответила ему весьма красноречивым взглядом.

– В общем, если честно, может быть, это и не любовь вовсе, – продолжил Алексей, с аппетитом налегая на сладкое. – Но тогда я не знаю, что это... Все началось очень просто: прошлым летом, когда стояла жара в Москве, а до отпуска было еще очень далеко, я решил сходить в бассейн. Не в подмосковном же пруду купаться – там грязь, инфекция всякая, экология никуда не годится... Позвал с собой Толика, Игорька – вот такие ребята! – и отправились мы в «Ихтиандр».

– Дальше я помню, – кивнула я.

– Помнить-то помнишь, но вряд ли понимаешь, – задумчиво возразил мне этот нахал. – Я нырнул, когда зритель отвернулся, – очень уж люблю делать то, что запрещают...

– Это надо запомнить, – вставила я.

– ...и вдруг вижу перед собой в толще воды Существо!

– Что? – возмутилась я. – Что ты видишь?

– Существо, – с таинственной интонацией повторил Алексей. – Не женщину, не человека даже. Да ты погоди, Танита, не хмурь брови, сейчас все объясню... Вот, например, жар-птица, или русалка, или там фея какая – это все сказочное, ненастоящее, чего в обычной жизни не встретишь, а только в детской книжке с картинками или голливудском сериале про Геракла, где боги с обычными людьми перемешаны... В первый момент ты показалась мне ненастоящей, Таня. Как будто привиделась там, под водой.

– Забавно, забавно... Что же во мне такого необычного? Две ноги, две руки, одна голова...

– Увидел я – стоит под водой девушка. Не стоит даже, а парит... Я и говорю – словно русалка какая, вся пестренькая, как перепелиное яичко, в оранжевом купальнике, который почти с телом сливается – очень замечательный купальник, я тебе скажу! – в яркой шапочке, из-под которой

пряди волос выбились и вьются над плечами, словно змеи... Я даже с испугу язык высунул. Ну, ты помнишь...

– Помню, – сочувственно кивнула я. Рассказ Алексея был не лишен юмора и даже интересен.

– Ах, Таня, ты меня так обманула! Я столько ждал тебя на выходе из бассейна! – с жаром произнес мой собеседник. – А ведь ты выбрала меня. Не Толика, не Игорька даже...

– Мне очень жаль, – решила я извиниться.

– А потом я искал тебя. Знаешь, позже я даже стал думать, что ты мне пригрезилась. Словно я не тебя видел, а так – солнечные блики под водой играли, словно ничего и не было – сон, наваждение!

– Да уж...

– Я искал тебя! – патетически воскликнул Алексей. – Я просто не вылезал из этого «Ихтиандра» и теперь мировой рекорд по плаванию могу побить, так я там наловчился. И не зря я ждал, – удовлетворенно закончил он. – Терпение и труд все перетрут.

– Bravo, – коротко сказала я.

Алексей заметил, что вино в моем бокале закончилось, и подлил еще.

– Теперь ты понимаешь, почему я не мог просто так отстать от тебя.

– И ты поехал за мной на такси, и снял квартиру в доме напротив, и таранился на меня в армейский бинокль...

– Глупо, да? – уныло спросил парень.

– Не знаю, – вздохнула я. – Может быть, эта история и показалась бы какой-нибудь особе, начитавшейся женских романов, чрезвычайно романтической, но только не мне. И не потому, что я терпеть не могу женских романов. Милый Леша, я девушка холодная и рациональная, мое сердце очень трудно растопить душещипательными историями. Вернее даже – невозможно. Хотя я тебе верю и сочувствую. Так ты в меня правда влюбился? – переспросила я с любопытством.

Он поднял на меня свои круглые зеленовато-карие глаза и долго смотрел не отрываясь. Светлые волосы были растрепаны, на щеках играл румянец еще от мороза и уже от вина, юное лицо было неподвижно и спокойно... И только в глубине зрачков что-то клубилось и переливалось, словно черный дым.

– Я тебя так просто не оставлю, – заявил он, игнорируя мой вопрос. – Пока живу – надеюсь.

– Э, Алексей Ефремович, да вы просто кладезь пословиц и поговорок...

– Как вам угодно, Танита. Танита... не знаю, как по отчеству.

– Можно и без отчества, – отрезала я.

– Хорошо, просто – Танита! – согласно кивнул он головой. – Я уж говорил тебе, что по гороскопу Козерог, а Козероги – очень упрямые...

– Хорошо, хорошо, – задумчиво пробормотала я, постукивая пальцами по столу. – Тогда я должна тебе тоже кое-что сказать. Облегчить страдания, словом...

В этот момент я вспомнила Шурочку с ее вечными советами, так как именно психологической помощью и собиралась я сейчас заняться, тем более что точно знала – вреда от моих советов не будет, а лишь обоюдная польза.

– Я, в общем-то, и не страдаю... – вскинулся Алексей.

– Нет, подожди. Я с тобой согласна – в моей внешности есть что-то необычное. Но если присмотреться, в любом человеке можно найти какую-нибудь изюминку, отличительный знак, не дающий ему затеряться в толпе. Когда прошлым летом ты решил нырнуть в бассейне, ты вовсе не ожидал встретить кого-то там под водой, и вид веснушчатой девушки в оранжевом купальнике не мог не поразить тебя. Произошла фиксация на объекте... – Я и сама не ожидала, что из меня полезут эти научные термины, но прозвучали они очень убедительно. – Солнечные блики, предчувствие любви... Признайся, ведь на тот момент у тебя никого не было? – В порыве воодушевления я даже накрыла его руку своей ладонью.

– Нет, – робко кивнул Алексей.

– Вот! – Я подняла вверх палец. – Черета простых совпадений, неутоленное либидо, невозможность сублимации... Ты ведь никаким творчеством не занимаешься?

– Стихи писал в детстве, – ошеломленно ответил Алексей.

– Это не считается. Так вот – ты на мне зациклился, хотя будь на моем месте в тот момент любая другая девушка, ты бы точно так же влюбился и стал искать ее!

– Что-то я не понимаю...

– Экий ты бестолковый... Слушай внимательно: ты меня не любишь! Ты не меня любишь, а вообще... Я тебе как дважды два объясняю... У тебя просто образ в голове!

– Разве? – уныло произнес он, заглатывая очередное пирожное. – А я был так уверен...

Я допила очередной бокал вина и улыбнулась удовлетворенно.

– Надеюсь, я сумела развеять твоё наваждение. Итак, теперь, когда ты наконец понял, что не испытываешь ко мне нежных чувств, когда не видишь во мне какое-то возвышенное, сказочное существо, ты от меня

отстанешь. Да, именно так – ты перестанешь думать обо мне, переедешь в свою старую квартиру, спрячешь подальше армейский бинокль и – самое главное! – перестанешь делать то, что запрещено. Особенно – нырять в бассейне!

– Я все равно не вполне понимаю...

– И не надо. Истина доходит до сознания не сразу, должно пройти время – час, два, день, – и ты все поймешь окончательно. Работа в человеческом мозгу происходит непрерывно. А сейчас пойдём, попроси официанта, чтобы оставшиеся пирожные он завернул нам с собой...

Кажется, я сумела найти правильные слова – Алексей встал из-за стола с мрачным, потерянным видом и молча, словно нехотя, помог мне надеть шубу.

Мы вышли из кафе, в промозглый черный холод, который моментально выдул из меня хмель от легкого вина. Мой спутник поймал первую же попавшуюся машину.

– Куда? – лениво спросил таксист.

Алексей произнес название моей улицы.

В таком же гробовом молчании мы вылезли из машины возле моего дома.

– До свидания.

– Бай-бай! – Я обернулась перед подъездом, милостиво помахала ручкой, а сама подумала без всякой грусти, но и без особой радости: «Прощай...»

Дома я первым делом задернула шторы на окнах, дав себе слово, что в ближайшее время заведу себе более плотные гардины. Митя, Митя... Он всегда был рядом, он незримо парил где-то над моим правым плечом, он был и моей любовью, и моим страданием, которое невозможно поменять на самые роскошные радости жизни. Он был рядом и сегодня, но я знала, что Митя не может ревновать меня к этому нелепому пареньку, который поселился в доме напротив, – сердце мое было совершенно пусто для других.

Я ничего, абсолютно ничего не чувствовала к Алексею. Даже самое обычное женское тщеславие не щекотало мое самолюбие – мне были безразличны слова и признания парня.

Я походила по комнате, потом посмотрела какую-то глупую ночную передачу и, выпив снотворное, легла наконец спать. Но едва я только коснулась щекой подушки, как телефонный звонок тревожно разорвал темноту. «Что бы это значило?» – испугалась я. В подобных ночных звонках не было ничего хорошего.

– Танита, извини, время позднее, конечно... – к своему изумлению и негодованию, я услышала в телефонной трубке знакомый нахальный голос. – Но ты еще не спишь – только что выключила свет...

– Что это значит? – разъяренно спросила я.

– Спокойной ночи. Я просто решил пожелать тебе спокойной ночи. Ты же мне сказала – «бай-бай!», а я ничего не успел тебе ответить. И чтобы ты не подумала, что я такой невежливый...

– Откуда у тебя мой телефон?!

– О, это легко, его очень просто можно вычислить...

Но я не стала его слушать и швырнула телефонную трубку на рычаг. Шнур из розетки я тоже выдернула – на тот случай, если он решит пожелать мне доброго утра ни свет ни заря...

С этих самых пор Алексей стал моей тенью. Я не могла сказать, что он отравлял мое существование, постоянно напоминая о себе, – нет, он появлялся не каждый день, пропадая на какое-то время, вероятно, связанное с работой в заведении под названием «Мета-Люкс» и еще с какими-то делами, но его появления были неотвратимы, как смена времен года. Стоило мне забыть, распахнуть в комнате шторы, впуская в свой мертвый мир немного света, как он звонил мне – просто для того, чтобы поздороваться.

Бывало, что по несколько дней кряду я оставалась дома, но когда все-таки выходила – он появлялся возле моего подъезда, полный решимости сопровождать меня куда угодно. Если мое настроение располагало, я позволяла ему идти рядом с собой, если нет – гнала прочь. По всей видимости, он был из породы тех людей, которые не понимали, что одиночество может быть иногда очень приятной и полезной штукой.

– Чем ты там у себя занимаешься? – однажды спросил он, сопровождая меня на одной из вечерних прогулок, когда я решила, что его присутствие возле меня в сумрачном зимнем парке будет вовсе не лишним. – Расскажи о себе! Может быть, ты пишешь роман или рисуешь картины? Я не понимаю, зачем обрекать себя на такое затворничество...

– Ничем я не занимаюсь, – ответила я. – Нет, я не писательница, не художница, я живу обычной жизнью. Просто у меня нет желания общаться с кем-либо, существовать по тем правилам, которые для чего-то придумали другие люди, – ходить на работу, в гости... Учти, только для тебя я делаю исключение – да и то лишь потому, что более прилипчивого человека я еще не встречала.

Про то, что я была когда-то актрисой, я ему не сказала. Зачем?

– Странно... – ответил он. – Впрочем, с некоторых пор я начинаю

подозревать, что ты не просто так отгородила себя от внешнего мира.

– Подозревать? Почему?

– Я думаю, что недавно ты пережила какую-то душевную драму, – обычным голосом ответил Алексей.

– Очаровательно – душевную драму! – фыркнула я. Вдруг откуда-то опять возникли недовольство и злость – как смеет этот человек лезть ко мне в душу! И ведь он догадался. Но какими глупыми и пустыми мне показались его предположения... «Душевная драма» – вот как, оказывается, называется тот холодный, бесприютный ад, в котором я жила последние несколько месяцев.

– А что, ты будешь отрицать? У меня даже предположения кое-какие есть. Тебя бросил близкий человек, да? – Зеленовато-карие глаза смотрели на меня с любопытством и – возмутительная наглость! – с сочувствием.

– Милый друг, – жестко заявила я. – Тебя это не касается. Еще один разговор на ту же тему, еще один лишний вопрос – и я пошлю тебя к черту. Если раньше я относилась к тебе как к надоедливой, прилипчивой мухе, которую можно с трудом терпеть, но все-таки – терпеть, ибо муха – существо природное, от природы не отгородишься, то теперь...

– Все-все-все! – поднял руки мой спутник, сдаваясь. – Больше никаких вопросов на эту тему. Я понял.

Не сразу я успокоилась после его слов – всякое праздное упоминание о Мите больно ранило меня. Плохая я актриса – не сумела скрыть своих чувств, и Алексей догадался, что мою душу терзают какие-то переживания. Но я не собиралась ему рассказывать историю, в которой были замешаны Шурочка, Митя, Серж и моя несчастная школьная любовь. Впрочем, он мог догадаться о «душевной драме» не только по моему внешнему виду – это странное для всех посторонних затворничество...

Честно говоря, некоторое время я еще надеялась, что моя коротенькая лекция в том кафе возымеет на парня хоть какое-то действие и он отстанет от меня, но он по-прежнему продолжал лезть в мою жизнь. Впрочем, однажды я убедилась в том, что его присутствие было не таким уж бесполезным.

Это произошло тогда, когда я в очередной раз решила отправиться в «Ихтиандр». Он появился возле моего подъезда, как всегда, неожиданно, с рюкзачком за плечами.

– Ты в бассейн, да? – как ни в чем не бывало спросил он. – Я тут подумал, что давненько ты там не была, и тоже решил собраться. А что, вдвоем веселее...

– Удивительная прозорливость! – саркастически воскликнула я. – И

как ты догадался? Ведь шторы-то теперь задернуты...

– Просто вычислил.

– Но как ты догадался, что я именно сейчас выйду из дома? – озадаченно спросила я. – Ничего же не видно – собираюсь я вообще куда-то или нет...

– Элементарно: зимой почти круглые сутки темно, а ты погасила свет, занавески-то не такие уж плотные. Не спать же ты собралась в это время?

– Какой ты нудный, – с раздражением бросила я. – Жалко, что сейчас не лето. Надо бы заявить на тебя в соответствующие органы – за вторжение в чужую жизнь, но ладно, в последний раз...

– Я могу такси поймать! – просиял нахал.

– Дело твое, лично я поеду на троллейбусе...

Надо отдать Алексею должное – он научился не приставать ко мне с лишними вопросами и вел себя прилично, не надоедая своей любовью, или что там такое он испытывал ко мне. В бассейне он плавал на соседней дорожке, всем своим видом демонстрируя, что попал сюда исключительно для собственного оздоровления, – усердно махал руками, отфыркивался и прилежно глядел в сторону большого электронного табло, которое показывало время и температуру воздуха.

– Эх, хорошо! – Наперерез мне нырнул какой-то субъект неопределенного возраста. – Девушка, вас как зовут?

– Отстань, – привычно бросила я.

– Какая строгая, – одобрительно отозвался субъект. – Мне такие очень даже нравятся... Я к вам сейчас поближе...

Я вдруг почувствовала отчетливый алкогольный запах, который лился по волнам от субъекта, и совершенно бессознательно позвала:

– Леша!

Из клубов мягкого белого пара, который поднимался над бассейном, сейчас же появилась голова моего спутника в серебристой шапочке.

– Что? – спросил он, вне себя от радости – в первый раз я соизволила призвать его к себе.

– Вот, товарищ в тумане немного заблудился, – указала я на игривого мужчину под хмельком.

Алексей моментально все понял.

– А ну, катись отсюда! – заорал он таким страшным голосом, что на мгновение плеск воды в бассейне затих, словно вся публика от страха пошла ко дну.

– Миль пардон! – потрясенно пискнул субъект, отплывая подальше. – Я думал, сударыня, что вы одна...

Происшествие было мелким и даже забавным, я вполне могла разобраться с подвыпившим пловцом сама, но мысль о том, что присутствие Алексея вовсе не является таким уж бесполезным, понравилась мне. В самом деле – у одинокой, без спутника, девушки больше шансов оказаться в какой-нибудь неприятной ситуации. Разумеется, я не позволяла себе ничего вызывающего, но на нахала можно нарваться при любых обстоятельствах, а Алексей...

– От тебя есть польза, – сказала я ему с улыбкой, когда мы возвращались домой. – Но только не испортишь от комплиментов...

– Рад стараться, – отсалютовал тот, очень довольный. – Надеюсь и в дальнейшем...

– Лучше не надейся, – ледяным голосом прервала его я. – Я просто использовала тебя самым утилитарным образом.

– Ах, вот оно что! – разочарованно протянул он.

* * *

Почему Алексей, почему именно он был в это время со мной? Он, а не кто-то другой – не самоотверженный Тарабакин, готовый в любой момент въехать в мою скромную малогабаритную квартирку со своим «Пентиумом», не страдалец Ромуальд, лишь теперь оценивший прелести своего первого брака, не даже слезоточивый Девяткин, который, кстати, время от времени звонил мне, прося о личной встрече, – уж не знаю, для чего ему понадобилось встречаться со мной...

Потому что я ничего не чувствовала к нему – это было единственное объяснение. Все прочие мужчины были тем или иным образом связаны со мной, какие-то нити, пускай даже очень тонкие, все же объединяли нас. Здесь же не было ни любви, ни привязанности – ничего. Я была чиста перед памятью Мити, и он, парящий где-то надо мной, чуть сзади, ни в чем не смог бы упрекнуть меня. Алексей был для меня чем-то вроде зонтика, который неплохо бы захватить с собой в дождливый день, или проездного в метро.

В нынешнем году январь был темным и пасмурным, снег падал на улицы и тут же таял, оставляя после себя холодную серую жижу, которая отвратительно чавкала под ногами. Но в этот день, когда я проснулась и слегка отодвинула штору, за окнами все было покрыто белым чистым покрывалом. Солнце скрывалось за тучами, как всегда, но в нем и не было

особой нужды – яркий белый свет исходил от только что выпавшего снега.

Телефон я предусмотрительно отключила – наверняка кое-кто собирался позвонить мне сегодня, но такими ненужными и бесполезными казались мне все эти разговоры, что... В общем, я хотела тишины и одиночества.

Я надела на себя янтарные украшения, которые когда-то, тысячу лет назад, подарил мне Митя, и села перед зеркалом. На меня глядела бледная, с едва различимыми конопушками тоненькая девушка, с прозрачными светлыми глазами – под цвет сережек, которые покачивались у нее в ушах.

– С добрым утром, дорогая, – сказала я себе. – Нет, не так, надо более доброжелательно: дорогая, с добрым утром... И еще погромче, с оптимизмом – с добрым утречком!

Рука сама потянулась к коробке с гримом. Кисточкой я подрисовала себе лиловые тени, серебристым контуром обвела губы, чуть-чуть размазала по щекам голубоватые румяна – получилось вполне сказочное существо, о котором упоминал Алексей, – фея с картинки в детской книжке. Да, именно так – полупрозрачное, бестелесное существо, витающее в эфире. Жаль только, волшебной палочки нет... Я гримасничала перед зеркалом, представляя, какое выражение лица должно быть у феи, как вдруг кто-то позвонил в дверь. Кто бы это мог быть – Шурочка, Тарабакин? О чем с ними говорить, господи, о чем...

Я на цыпочках подкралась к двери, посмотрела в «глазок» – там стоял Алексей, важно заложив руки за спину, и нетерпеливо постукивал ногой. «Ну уж нет! – злорадно подумала я, отползая обратно в комнату. – Хозяева отсутствуют!»

Я недооценила его. Он звонил в дверь ровно полчаса. До тех пор, пока у меня в висках не заломило.

– Какое свинство! – с бессильной ненавистью произнесла я, распахивая дверь. – Может быть, меня нет дома!

– В такой день? – самодовольно парировал Алексей, доставая из-за спины букет белоснежных хризантем. – Поздравляю...

– Ты и квартиру мою вычислил, – с укором сказала я, принимая из его рук букет. – Ты случайно не из КГБ, то есть который ФСБ теперь?

– Нет, – ответил он, пожирая меня глазами, – у меня совершенно другая специальность. Кстати, для сведения – я закончил инженерно-строительный институт.

– Технарь... – мстительно прошипела я. – Ладно, проходи, но только ненадолго – у меня сегодня совершенно нет настроения принимать гостей.

– Отлично. – Он разделся, пригладил волосы и зашел в комнату,

кстати, в тот момент пребывавшую в полном художественном беспорядке.

– Надо было предупреждать, – гордо произнесла я.

– Ерунда... Вот ты!

– Что я?

– Это ты ради праздника такой макияж себе сделала? – со смешанным чувством восхищения и страха спросил Алексей.

И только тут я вспомнила, что забыла стереть с лица грим, превращающий меня в фею. А длинный шелковый халат ярко-зеленого цвета, который я надела с утра, наверное, только усиливал это впечатление.

– Да как сказать... – неопределенно пожала я плечами. – Я же говорю – предупреждать надо было!

– У тебя телефон отключен. – Он машинально осмотрелся вокруг и остановил свой взгляд на журнальном столике, где стоял телефон с вызывающе выдернутым штепселем.

– Не твое дело.

– Тебе правда тридцать лет? – вдруг спросил он, опять пожирая меня глазами.

– Удивительное нахальство... – разгневанно начала я, но тут же прикусила язычок – а ведь правда, прошлым летом я ему заявила, что мне именно столько. – Разве можно спрашивать женщину о ее возрасте? – с укором продолжила я. – Впрочем, скрывать не буду, иначе ты подумаешь, что я с тобой кокетничаю, – сегодня мне исполнилось двадцать восемь.

– Немного округлила тогда, значит, – констатировал он. – Но это не важно. Я тебя поздравляю, двойной праздник – именины и день рождения! Насчет именин – ты же почти Татьяна, да? Как я сегодня удачно...

– И не надейся – отмечать все равно не буду.

– И гости не придут, и даже шампанского не выпьешь? – ахнул он.

– Нет.

– Так же нельзя! Ух ты, какой аквариум... Не аквариум, а бассейн! А почему пустой?

– Леша, ты меня утомляешь, – устало сказала я, опускаясь в кресло. – Ты меня поздравил – спасибо, а теперь уходи.

– Я еще не все сказал. – Он остановился передо мной, такой живой, полный сил, как всегда румяный после мороза, – глазам было больно на него смотреть. – Я ж не знал, что у тебя еще и день рождения сегодня. По этому поводу нужны особые слова.

– Нет, это невозможно...

Он присел на корточки передо мной, взял меня за руку – я хотела вырвать ее, но он держал цепко.

– Ты невероятная, я не зря тебя столько искал, – серьезно произнес он. – Во-первых, тебе не дашь и двадцати...

– Боже, как банально!

– Не перебивай, тем более что это не комплимент, а истинная правда. Возраст бывает у людей, а ты не человек даже – ты сон, наваждение...

– Повторяешься, – жестко напомнила я.

– А во-вторых... – Он вдруг замолчал.

– Ну что же ты – дальше, дальше!

– Я тебя так люблю, что готов умереть вот на этом самом месте, – выпалил он.

Я осуждающе покачала головой:

– И что же мне потом делать с твоим трупом? В мусоропровод я не смогу тебя затолкать, ты слишком упитанный, да и соседи не поймут...

– С тобой невозможно говорить! – рассердился он. – Я еще таких не видел.

– А каких ты видел? – с любопытством спросила я.

– Самых обычных. Скучных. – Нахал исхитрился и поцеловал мне руку. – А ты... Я тебя не понимаю. Мне кажется, я тебя никогда не пойму, даже если сто лет проживу рядом с тобой, даже если ты полюбишь меня...

– И не надейся! – насмешливо вставила я.

– Ты далекая и прекрасная, как звездный свет, ты не человек – ты прилетела с далекой планеты, чтобы мучить меня...

– Э, батенька, да вы «Секретных материалов» пересмотрели! Истина где-то рядом, не так ли?

– Смейся, смейся...

– Леша, ты еще очень молод. Впереди у тебя большая и интересная жизнь, не надо заикливаться на мне, тем более что я самая обычная земная женщина, да еще с очень скверным характером.

– «Очень молод»! Это ты о жалких трех годах разницы...

– А что? По-моему, существенно!

Он вскочил и нервно заходил по комнате, то и дело натываясь на разбросанные вещи.

– Пожалуйста, не мельтеши перед глазами...

– Между прочим, мужчины умирают раньше женщин в среднем на пять лет, я в какой-то передаче слышал. Немного форы у меня есть!

– Я не понимаю...

– «Они жили долго и умерли в один день» – ты когда-нибудь слышала это?

– Да, я помню, что ты любитель всяческих пословиц и поговорок.

– Я бы хотел всю свою жизнь прожить рядом с тобой. Каждый день – вплоть до самого последнего, чтобы ни одной минутки, ни одной секунды не прошло бесполезно... Да и то, мне кажется, целой жизни мне будет мало, чтобы любоваться тобой, чтобы с тобой говорить... Ругай меня, пинай, вытирай об меня ноги – я все готов стерпеть, лишь бы слышать твой голос!

– Это уже мазохизм, – сурово произнесла я. Судя по всему, странный парень был уже не в себе – глаза его горели, волосы топорщились в разные стороны, хотя незадолго до этого он их приглаживал. В своих метаниях по комнате он умудрился свалить стул и чуть не опрокинул китайского фарфорового божка, стоявшего на подзеркальнике. – Осторожно! Леша, голубчик...

Самым страшным было не то, что он мог нанести урон моему интерьеру, а то, что его страсть начинала давить на меня. До недавних пор я вполне спокойно относилась к его присутствию, но сегодня, когда при ровном и пронзительном свете, льющемся из окон, он глядел на меня восхищенно и испуганно и было видно, что он молод и полон сил, и ради своей любви готов горы своротить, мне стало не по себе. Я вдруг представила на миг – на один только миг! – что откликнусь на его чувства и позову его к себе... Вот так – взмахну рукой, и он тут же окажется рядом, руки, губы... Нет! Кровь прилила к сердцу и тут же отхлынула назад.

– Чем же я так очаровала тебя? – лениво, словно нехотя спросила я, боясь, что дрожащий голос меня выдаст. – Я самая обычная девушка, не хуже и не лучше других. Специально я тебя не завлекала, обещаниями не обманывала, не кокетничала, даже наоборот – все время гнала прочь. Может быть, испробовать новое средство, не отталкивать тебя? Ведь только запретный плод сладок...

Я говорила несерьезно – просто играла словами, пытаюсь привести себя в нормальное расположение духа. Но то, что я увидела в его глазах после этих слов... Я позвала его, и он откликнулся.

– Не подходи! – крикнула я, выставив вперед ладонь, хотя этот жест, я понимала, был слабой защитой. – Еще один шаг – и ты не увидишь меня больше, не найдешь нигде!

Не знаю, что я имела в виду, произнося эти слова, – то ли то, что собиралась скрыться на просторах нашей родины, где меня даже с армейским биноклем не отыщешь, то ли... Нет, и вправду, я бы действительно умерла, если бы позволила Алексею прикоснуться к себе. Потому что худшего предательства и представить себе было нельзя, ведь Митя находился где-то рядом, я ощущала его незримое присутствие, я была полна самой горячей и преданной любовью к нему, и не имело значения,

что он растворен в этом сером зимнем свете. Второй раз я не могла предать его!

– Не подходи!

Я видела – он уже был готов оказаться рядом со мной, но, вероятно, ужас в моих глазах остановил его. Мертвая тишина повисла в воздухе, было лишь слышно, как бьется мое сердце. Или его – я не знаю...

– Ну что же, пора заканчивать визит, – через минуту смогла я произнести, улыбаясь великосветской улыбкой, как ни в чем не бывало. – У меня тут еще дела кое-какие... – разумеется, никаких дел у меня не было, разве что я собиралась хлебнуть немного коньячку ближе к вечеру за собственный день рождения, да и за именины тоже. Я же почти Татьяна – двадцать пятое января!

Он молча оделся и покорно пошел к двери. Что-то изменилось и в его лице – черное пламя, бушевавшее внутри зрачков, угасло, складка между бровей разгладилась.

– Поздравляю еще раз, – сказал он. – С меня подарок.

– Леша, я тебя умоляю, – бессознательно нажимая на дверь, я пыталась вытолкнуть его на лестничную площадку, – какие еще подарки!

– Так полагается, – важно ответил он.

– Ты просто зануда!

Он уже почти совсем исчез за дверью, но в последний момент его голова протиснулась обратно. Алексей встретился со мной глазами и вдруг спросил шепотом:

– Таня, что это было?

– Что?

– Ну, такое, в воздухе... будто электрический разряд, как молния...

Я не колебалась:

– Статическое электричество. Вещи имеют свойство накапливать его.

– Вещи?

– Леша, всего доброго, не рискуй своей шеей – я сейчас прищемлю ее дверью!

Он ушел, а на меня после его ухода с новой силой напала тоска. Митя, как мне плохо без тебя, как я перед тобой виновата! Я металась по комнате, как совсем недавно – мой гость, и такое отчаяние разбирало меня, что впору было повеситься. Я почти ненавидела Алексея – за то, что на мгновение ощутила соблазн, что на секунду позволила себе забыть о прошлом, что представила себе...

Что-то страшное, огромное, жестокое раздирало мне грудь, резало меня на мелкие части, словно при древней китайской казни «тысяча

кусочков», когда приговоренного медленно кромсали маникюрными ножницами, медленно и долго – очень медленно и очень долго! – пока жертва не угасала в тяжких муках.

С этих самых пор я стала бояться – не Алексея, а себя. Поэтому свела число наших встреч к минимуму. Впрочем, ничего более невинного, чем наши встречи, и представить было нельзя – ни один даже самый строгий ревнитель нравственности не мог бы придраться к нашему поведению. Любую попытку моего нового знакомого к более нежным отношениям я пресекала в корне. В конце концов он понял и принял правила этой игры – не говорить о любви, не приходить ко мне домой, избегать прикосновений, даже самых дружеских, и не дежурить у окон с армейским биноклем. Я не могла просить Алексея, чтобы он совсем оставил меня, – я знала, что он не сделает этого, но тот необходимый минимум, который позволял мне терпеть рядом его присутствие, я сумела выторговать, надеясь, что рано или поздно Алексею все это надоест и он исчезнет из моей жизни.

* * *

К концу апреля на город, словно облако, опустилось раннее тепло. Накануне до утра звонили колокола, и теперь над чистым высохшим асфальтом витал сиреневый туман, предвещая близкое лето. Оглушительно кричали воробьи, и тихая, радостная печаль заставляла слезы набегать на глаза. Я шла на свидание.

Строгое темное платье, темные туфельки, черный плащ. Свои длинные тяжелые волосы я подколола высоко – тот, к которому я шла, любил, когда я так подбирала волосы, обнажая шею. Он говорил, что его так и тянет прикоснуться к ней губами, что нет ничего более трогательного и изящного, чем эта высокая прическа. Я хотела, чтобы сегодня все соответствовало его желаниям...

Слава богу, что Алексей пропал на некоторое время, – у меня не было никакого желания встречаться с ним, вступать в долгие препирания по поводу того, стоит ли ему сопровождать меня. Этот день принадлежал не ему.

Я поймала такси и спустя час оказалась в нужном месте, на дальней окраине Москвы. Людей было довольно много, а у ворот образовалась даже небольшая толпа – здесь торговали цветами, сюда свозили мусор, шел какой-то разговор, люди целовались, разбивали крашеные яйца. Склонив

голову, я прошла мимо – по длинной аллее. Толпа постепенно редела, становилось тише и печальнее – там, в дальнем углу этого сумрачного места, ждал меня тот, кого я любила и перед кем была виновата.

Я отворила низенькую калитку и оказалась внутри небольшого пространства – крошечная деревянная скамья, заржавевшая за долгую зиму лейка под ней, уже заросший яркой весенней травой холм, черный блестящий камень и эмалевый портрет на нем, с которого на меня взглянули глаза того, к которому я пришла.

Каждый раз это место, этот взгляд с портрета производили на меня сильнейшее впечатление, подобное удару молнии. Потому что каждый раз я осознавала, что прошлое не вернуть, что второй раз не развернется эта черная земля, выпуская обратно моего любимого, что воскресение – невозможно. Дома все было по-другому – там Митя всегда незримой тенью присутствовал рядом со мной, ходил где-то близко по начинающим зеленеть московским улочкам, и была тайная надежда, что, может быть, когда-нибудь он выйдет ко мне навстречу из ближайшего переулочка – а вдруг, а вдруг, бывают же чудеса! Здесь же суровая истина выносила приговор всем моим сумасшедшим мечтам.

«Никогда! – прошептала я, кладя букет на зеленую траву, и упала на колени перед холмиком, и обняла ледяной камень. – Никогда!» Слезы неудержимо закипели у меня на глазах, плечи задрожали, и вся моя роскошная прическа, которую я соорудила этим утром, вдруг поехала набок – шпильки брызнули в разные стороны, волосы сплошным потоком упали на камень, закрывая и его, и мое лицо, и весь мир передо мною.

Когда очнулась от оцепенения, был уже полдень – солнце стояло в зените, и даже в этом мрачном, заросшем кустарником месте было светло, солнечные зайчики скакали по моим рукам, по зеленой траве, узкой аллее и соседним могилам.

Я подняла голову и в просвете между кустов вдруг увидела Алексея.

Широко раскрытыми, испуганными глазами он смотрел на меня, всем своим видом показывая, что оказался здесь случайно. Случайно! Чаша терпения оказалась переполненной...

Я встала, осторожно закрыла за собой калитку и твердым шагом пошла к Алексею, намереваясь сделать с ним что-нибудь ужасное. На христианское милосердие с моей стороны, даже несмотря на этот светлый день, он мог не надеяться.

– Да что ж такое! – в бессильном отчаянии прошептала я. – Даже сюда...

Я размахнулась и изо всех сил стукнула его по уху своей сумочкой.

– Ой, больно...

Он трусцой бежал от меня по аллее к выходу, я – за ним, размахивая сумочкой, как пращой. Мне удалось его нагнать лишь за пределами кладбища, в каком-то пустынном переулке.

– Да что ж такое...

– Таня... ой! Больно!..

– А теперь поехали к тебе домой!

– Куда? – ошеломленно пробормотал он, еще не вполне придя в себя от моих тумачков.

– К тебе домой!

– Где я живу или где снимаю? Нет, только не по лицу!

– Где снимаешь! Где я с тебя кожу сниму!

В такси мы ехали молча. Алексей со страхом и недоумением косился на меня, потирая ушибы, нанесенные дамской сумочкой (как хорошо, что у меня есть привычка набивать ее всякой всячиной, нужной и ненужной!), и, вероятно, гадал, зачем мне понадобилось посетить его жилище. Я никогда не была там, лишь сегодня у меня возникло такое желание.

Мы поднялись на пятый этаж – как раз напротив моих окон, он открыл дверь... Не знаю, чего уж он ждал от этого визита – что я займусь с ним любовью или буду убивать его (в его голову такая мысль вполне могла прийти), – но мои последующие действия искренне его удивили.

Первым делом я залезла в стол, молниеносно вытряхнув содержимое ящичков, потом отворила шкаф и стала выбрасывать его содержимое наружу – постельное белье, носки, рубашки...

– Я только вчера их погладил! – возмущенно крикнул Алексей, ловя рубашки на лету и не давая им упасть на пол. Я тем временем уже рылась в каком-то чемодане.

– Что ты ищешь, скажи, я тебе сам это дам!

– Где он, где этот...

– Что, что?

– Господи, ну... армейский бинокль!

В ответ он указал на подоконник – бинокль лежал там. На самом видном месте.

– Ага! – злорадно произнесла я.

Я схватила бинокль и куда-то побежала с ним. В маленькой, тесной, неуютной кухоньке, какие бывают только в съемных квартирах, я увидела мусоропровод – дом был старым, сталинской постройки – и очень обрадовалась. Оказывается, именно мусоропровод и был мне нужен.

– Ты что? Зачем? – кудахтали Алексей за моей спиной.

Но я его не слушала. Еще мгновение – и бинокль с оглушительным грохотом полетел в мусоропровод, подняв перед моим лицом тучу пыли, блеснувшую золотом в лучах солнечного света, льющегося из окон.

– Но почему... – растерянно пролепетал он. – Я вовсе...

– Так надо, – сурово ответила я, отряхивая руки. – Теперь ты больше не будешь глазеть на мои окна.

– Очень жалко бинокль, – произнес он, с грустью глядя в сторону мусоропровода. – Тем более что я им давно не пользовался.

– Какого черта ты меня опять выслеживал? И это в такой день!

– Клянусь, все произошло случайно, я и не думал следить за тобой – просто вышел утром за сигаретами и увидел тебя, как ты ловишь машину... Знаешь, очень опасно садиться к частникам, вдруг шофер – маньяк, завезет тебя куда-нибудь! Я поймал идущее следом такси и поехал за тобой. Я не знал, что ты ехала на кладбище!

– Не твое дело, куда я ехала! Мне надоело, что ты постоянно лезешь в мою жизнь, мешаешь мне... Что тебе надо?

– Я хочу помочь тебе, – серьезно ответил Алексей. – Тебе плохо – я это вижу, но пока не знаю, как я могу помочь. К кому ты ездила, что за горе у тебя?

Он говорил вполне искренне, но в чужом сочувствии я не нуждалась, тем более что помочь мне было нельзя.

– Я не стану тебе ничего объяснять, – покачала я головой. – И все – с этого момента между нами все кончено. Уезжай отсюда, уезжай к себе, я больше не хочу тебя видеть.

– Постой...

Он говорил еще что-то, но я не стала его слушать и ушла.

Злость быстро покинула меня. Осталось только щемящее, мучительное чувство тоски. И досада – совсем не таким я представляла себе сегодняшнее свидание с Митей, не ожидала, что оно будет нарушено так грубо и бесцеремонно...

Кажется, мои слова возымели действие – Алексей пропал. Прекратились ежевечерние звонки с пожеланием мне доброй ночи, никто не встречал меня у подъезда. Такое положение дел вполне меня устраивало, было только странно немного, что человек мог обидеться из-за какого-то бинокля.

Прошли майские праздники, на горизонте неотвратимо маячило жаркое лето. Город на выходные становился пуст, в такой же пустоте жила и я, совершенно не думая о будущем.

Однажды мне приснился сон – будто я снова попала в прошлое. Мне

шестнадцать лет, рядом за школьной партой сидит Шурочка и прилежно решает какую-то геометрическую задачу, у доски Флора Лаврентьевна толкует о чем-то, привычный тихий шорох стоит в классе. Но мне тревожно, страшно. Мои ноздри ловят едва заметный запах, запах хороших мужских духов...

Я медленно поворачиваю голову и вижу Сержа – он сидит на последней парте и тоже далек от урока. Он смотрит на меня, и в его голубовато-серых глазах – тоска и недоумение...

Я проснулась в холодном поту, хотя сон был самым обычным, а единственным кошмаром в нем был Серж. Я давно о нем не вспоминала, а если и вспоминала, то только как о враге, как о преступнике, который лишь по недоразумению избежал наказания. «Не дай мне бог сойти с ума. Нет, легче посох и сума...» – снова мелькнули в голове пушкинские строчки. Мельников сошел с ума, он в психиатрическом заведении закрытого типа. Нет, он наказан, он вдвойне наказан! И в первый раз нечто похожее на жалость коснулось меня.

На следующий день, вечером, телефонный звонок нарушил мое мирное уединение. Это был Алексей.

– Я же говорила... – лениво начала я, намереваясь по всем правилам снова поставить его на место, но он не дал мне закончить фразу:

– погоди, не клади трубку – я по делу!

– По какому делу? – удивилась я.

– Я провел свое собственное расследование. Не до конца, конечно, в этом деле есть кое-какие неясности.

– Какое еще расследование?! – возмутилась я.

– Я знаю, что Дмитрия Полякова убил твой бывший одноклассник, некий Мельников, перенесший тяжелое осложнение после болезни, не вполне вменяемый...

Вчерашний сон моментально всплыл у меня в памяти, я опять похолодела – прошлое возвращалось.

– Ну и что? – прошептала я, едва шевеля немеющими губами. – Зачем ты копаешься в этом деле, все и так ясно... Он убил, и теперь уже ничего не изменишь...

– Я ведь еще раз был на кладбище в тот же день. И встретил там бывшего коллегу Полякова – такого высокого, с длинным носом...

– Девяткина? Что он там делал? – Я была словно в тумане.

– То же, что и ты. Очень сентиментальный мужчина – плакал настоящими слезами...

– Леша, а ты-то что там делал? Зачем ты туда отправился, какое еще

расследование на кладбище? Мертвые не дают показаний!

– Не дают. Но видишь же – встретил Девяткина, совершенно случайно, и мы разговорились. Я узнал о том, что произошло в прошлом сентябре. Таня, это было убийство! – с таким ужасом произнес мой собеседник на другом конце провода, что я даже улыбнулась.

– Да, убийство. И дело уже давно закрыто, всем все ясно.

– Но я хочу расследовать до конца, ведь убийство...

– Милый мой, тебе захотелось поиграть в детектива? Ничего не получится, все просто, очень просто...

– Убийство из ревности?

– Да, да!

– Насколько я понял, Мельников был влюблен в кого-то другого, тоже в бывшую одноклассницу. Поляков тут совершенно ни при чем!

– Влюблен в прошлом, влюблен в юности! Тебя неточно информировали, Шерлок Холмс несчастный! – крикнула я. Мне совсем не хотелось говорить ему о Шуручке, о своей школьной любви – никакого смысла в этом не было.

– Просто так убить не могут даже психи, даже из ревности, – упрямо произнес Алексей. – Я тебе еще не все рассказал – недавно мне удалось встретиться со следователем, который вел то дело. Он сказал, что, вероятно, кто-то подтолкнул Мельникова к агрессивным действиям, так-то он был вполне тихим...

– О боже... – прошептала я. – Ты действительно не все знаешь! Но я не могу, не хочу...

– Таня, успокойся, я, кажется, встревожил тебя... Понимаешь, никто не собирался копаться в обстоятельствах этого дела, потому что на первый взгляд все казалось очевидным и понятным. Но я так не думаю. Следователь сказал, что уже никто не разберется, что там такое случилось, да и доказать, что Мельников был оружием в чьих-то руках, невозможно. В общем, ты представляешь нашу систему правосудия...

Я бросила трубку и в отчаянии сжала виски. Воспоминания о прошлом охватили меня с небывалой силой, как будто все произошло только вчера... И зачем только Алексей появился в моей жизни, зачем ему понадобилось затевать какое-то дурацкое расследование, от которого не было никакого толка! Может быть, судьбе понадобилось корить меня за мое легкомыслие до самой смерти? «Дмитрий Поляков» – сказал он, и так странно прозвучало имя Мити в его устах. Он не имел права произносить его!

Поздние майские сумерки тихо опускались на город, но боль продолжала терзать меня. Муки совести, раскаяние становились все

сильнее, я поняла, что не переживу эту ночь.

Я подошла к окну, распахнула занавески, посмотрела на улицу. В соседнем доме на пятом этаже горели окна, кто-то ходил по комнатам, но я не могла разобрать – кто.

– Пожалуйста! – умоляюще прошептала я, глядя на те окна. – Оставь меня. Пожалуйста...

У меня был телефон Алексея, я набрала его номер, потом положила трубку. Шурочка, Девяткин, Серж вертелись у меня перед глазами, в ушах раздавались обрывки каких-то фраз. Почему? Ведь все давно кончено...

Я накинула на себя плащ и торопливо вышла во двор. Пространство между домами было пусто, у обочин стояли машины, откуда-то из подворотни раздавалось бречание гитары, было уже совсем темно.

Внезапно хлопнула дверь, и из подъезда напротив выскочил Алексей.

– Таня!

При свете фонаря я увидела его лицо, что-то сжалось у меня внутри.

– О нет, я тебя прошу...

Чем ближе он подходил, тем меньше у меня оставалось сил. Я закрыла глаза и почувствовала, как его руки медленно обнимают меня, и тоже из всех сил обхватила его, словно он был той соломинкой, благодаря которой мне суждено спастись. Он был единственным человеком, который чувствовал мою боль.

– Я люблю тебя так, как никого еще не любил, – сказал он. – Вот увидишь – я найду того человека, который внушил Мельникову мысль об убийстве.

Я оторвалась от него и, глядя ему прямо в глаза, произнесла:

– Не ищи. Это я... я подтолкнула Мельникова – сказала ему, что только смерть разлучит нас с Митей. И он своей бедной, больной головой воспринял мои слова как руководство к действию.

– Что?

– Это я во всем виновата, я заварила такую чудовищную кашу!

– Неправда! – удивленно воскликнул он. – Ты напрасно казнишь себя...

– Хорошо, я тебе расскажу, – спокойно произнесла я. – Сейчас, здесь. – Мы сели на какие-то трубы, сваленные возле моего дома, и я начала: – Я очень любила Сережу Мельникова в юности, часто вспоминала его, и когда встретила прошлой весной, то что-то такое со мной произошло... Я не знаю, как это объяснить, ведь у меня уже был Митя. Я не знала, что Мельников не вполне нормален, я помнила его милым умненьким мальчиком, мечтающим о дипломатической карьере. Я даже не подозревала, что бывают такие болезни, после которых... Он подумал, что я

до сих пор люблю его и что Митя является досадной помехой, которую надо устранить. Мельников спросил: «Ты меня любишь?» – я ответила: «Да», – он сделал мне предложение, на которое я ответила согласием, сама не знаю почему – на меня на миг нашло какое-то помрачение, хотя к тому времени я уже поняла, что ничего уже не осталось от школьной любви... Ты понимаешь?

– Нет, – растерянно ответил мой собеседник. – Очень мало что понимаю. Зачем же ты согласилась выйти за него?

– Да помрачение! Наваждение, сон – словом, то, что иногда происходит со всеми людьми! Что и с тобой было.

– Я живу в самом сладком сне на свете...

– Ах, Леша, оставь ты эти сантименты, не до того сейчас. Так вот, наваждение прошло, я попыталась разорвать отношения с Мельниковым, тем более что он действительно был каким-то странным. Но он подумал, что во всем виноват Митя, что он не отпускает меня. Я уже говорила, что по дури, по незнанию обронила ту эффектную фразу про смерть, а бедный Мельников воспринял все буквально...

– И что, он пошел и убил?

– Да, – просто ответила я.

– А та, другая девушка, о которой упоминалось...

– Шурочка? Шурочка просто несчастная женщина с несложившейся личной жизнью, у нее свои проблемы... У нее был роман с Мельниковым в школьные годы, но потом, после болезни, она бросила его. Теперь ты понимаешь, что настоящая преступница сидит перед тобой?

Леша молча прижал меня к себе.

– Ты понимаешь, какие подлые, глупые женщины существуют на свете?

Вместо ответа он вдруг приблизил свое лицо и поцеловал меня, на несколько секунд я как будто потеряла сознание.

– Господи! – сказала я с ужасом. – Что же ты делаешь, Леша? Как ты можешь со мной, после всего того, что я тебе только что рассказала...

– Вопрос только в одном, – весело заявил он. – Вопрос только в одном – неприятен я тебе или нет?

– Нет, да... я об этом не думала. Я не знаю!

– Тогда надо еще раз повторить попытку.

Он опять обнял меня, и от следующего поцелуя я едва не умерла. Потому что мне показалось, будто я опять предаю Митю, и потому что не хотела, чтобы поцелуй этот закончился.

– Нет, я не могу! – сказала я, отталкивая от себя Алексея. – Ты очень

славный, но...

– Но почему? – Он продолжал тянуться ко мне.

– Не могу! – в отчаянии воскликнула я.

– Неужели до сих пор чувство вины...

– До сих пор? – рассмеялась я. – Леша, голубчик, оно – навсегда!

– Я так и думал! – с досадой бросил он. – Я так и думал, что ты специально отгородилась от всего мира, чтобы заниматься самоедством. Ты настоящая извращенка!

– Что-о?

– Извращенка ты! Я же тебе нравлюсь, ты отвечаешь на мои поцелуи, тебе просто смерть как хочется отдаться мне, вот здесь, прямо на этих трубах...

Особо раздумывать я не собиралась – размахнувшись, от души я влепила ему пощечину. Я не хотела, чтобы его слова были правдой!

– Никогда, никогда больше...

– Послушай, ведь ты не можешь всю жизнь ходить в трауре и корить себя за то, что в юности была влюблена в какого-то психа...

– В юности он не был психом!

– Да плевать... Что плохого в том, что ты хочешь вновь любить? Ты живая, ты из плоти и крови, и твоя душа...

– Не надо про мою душу!

– Ты боишься! Ты сама себе боишься признаться, что тебе приятно, когда я...

– Все, хватит, не хочу тебя слушать! – Я вскочила и бросилась прочь, мысленно давая себе слово, что больше не позволю ему приблизиться к себе.

– Таня, стой! – Он бежал за мной.

– Нет, это был наш последний разговор... – на ходу, не оборачиваясь, вскрикнула я.

– Ладно, будь по-твоему, только ответь мне еще раз: ты ему сказала: «Только смерть разлучит нас с Митей» – и Серж пошел и убил его? Вот так сразу?

– Да, – ответила я, задыхаясь. – Он пошел и убил.

Потом, прокручивая мысленно наш с Алексеем разговор, я вдруг вспомнила, что назвала Шурочку несчастной женщиной. Да, с точки зрения обывателя, ее можно было назвать человеком с несложившейся судьбой, но теперь же никто так убого не судит!

Не так давно, зимой, она была у меня – очаровательная, в новенькой модной шубке, с хорошенькой стрижкой, очень молодившей ее. Кажется,

она даже пыталась развеселить меня, приободрить – по-своему, разумеется, но ведь пыталась... Я была совершенно не права, представив ее Алексею как несчастную. Люди, у которых проблемы, так откровенно не веселятся. Несчастливая женщина – это я.

«Да, я несчастна, – сказала я себе, глядя в зеркало на свое холодное, какое-то прозрачное лицо. – И становиться счастливой не собираюсь».

Через несколько дней позвонил Алексей. Суховатым, деловым тоном он предложил встретиться.

– Я хочу тебе кое-что показать.

– Показать? – испугалась я. Сумасшедшая мысль пришла мне в голову – я вдруг подумала, что он хочет мне показать тот самый нож, который Мельников вонзил в Митю, но потом отбросила ее в связи с очевидной бредовостью.

– Ты что, по-прежнему занимаешься своим так называемым расследованием? – осторожно спросила я.

– Да, так называемым...

– Хорошо, приходи, только мне очень страшно.

Он появился у меня через пять минут и первым делом стал исследовать мой видеомаягнитофон.

– Пыли-то у тебя здесь, пыли... – пробормотал он, подключая его к телевизору. – Тоже мне, хозяйка!

– Попрошу без оскорблений, – строго сказала я. – Ты что, какое-то кино собираешься мне показать?

– Кино! – усмехнулся он. – Очень крутой боевик с Брюсом Уиллисом в главной роли! Я виделся с Мельниковым и запечатлел это свидание на видеокамеру.

– Виделся? – Внутри у меня все задрожало, и я упала в кресло, почувствовав, как ноги становятся ватными. – Его что, выпустили?

– Спокойно, без слез – никто никого не выпускал. Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе...

– Ах, оставь ты свои пословицы, говори толком!

Алексей наконец настроил мою технику и встал передо мной, держа в руках видеокассету. Лицо у него при этом было какое-то особенно спокойное и благостное, но мне все равно было страшно – как если бы он принес в мой дом тот самый нож...

– Ты помнишь Игорька? Ну, мой друг, симпатичный такой парень, мы еще в бассейне с тобой и с Анатодем...

– Не помню и вспоминать не хочу! При чем тут твой друг?

– А напрасно ты его не помнишь! – важно сказал Алексей, упиваясь

своей властью надо мной. – Игорек журналист и работает в одном весьма солидном издании.

– Ну и что? – Я тряслась, как в лихорадке.

– Эх вас разбирает, девушка... Ладно, не буду тебя мучить. Игорьку очень повезло – главным редактором издания работает его родной дядя, человек известный и уважаемый в нашей стране. Что и сыграло немаловажную роль в том, что я задумал, ибо устроить командировку в то заведение закрытого типа, в котором находится сейчас Мельников, весьма проблематично.

– И Игорек туда поехал...

– Не только Игорек, но и я – тоже в качестве журналиста, якобы для написания статьи... Нет, все по-честному – Игорек уже пишет статью, материала для нее он набрал достаточно, да и я свой интерес удовлетворил. Читающая публика очень любит репортажи о подобных заведениях – тюрьмах, психиатрических больницах, лепрозориях...

– Вас пустили к Мельникову?

– Пустили, конечно. У нас же все документы, пропуска и прочее было... Кстати, вполне приличное место, и люди там на первый взгляд нормальные – я имею в виду пациентов. Честное слово, если б некоторых на улице встретил, ни за что бы не догадался, что у человека с головой не все в порядке. Да, Игорек тебе привет передает, очень уж он твоей историей проникся, не мог не помочь...

– Он что, обо мне с Мельниковым статью пишет? – перепугалась я.

– Нет, я не позволил, хотя руки у него так и чесались. Я же говорю – другого материала было предостаточно. Он настоящий друг, не мог не помочь мне.

– Бог с ним, с другом. Но почему тебя туда понесло, я не понимаю! Зачем мучить меня дальше...

– Глупенькая. – Он погладил меня по голове. – Наоборот, я не хочу, чтобы ты мучилась, я хочу вернуть тебя к жизни. Я не зря туда съездил – ты сейчас все поймешь, когда посмотришь кассету. Вообще там не очень опасных психов держат – лишь тех, кто по недоразумению. Для настоящих маньяков другое место есть, построже... Видел я там одну женщину, которая работала в детском саду нянечкой, ее голоса все время мучили – убей да убей одну девочку...

– И что? – с ужасом спросила я.

– И убила. Когда на эту тетку просветление находит, она очень мучается, понимает, какой грех на себя взяла. Даже жалко.

– Леша, ты лучше потом...

– Понял!

Он наконец вставил кассету в магнитофон. Задрожали какие-то полосы, и через мгновение на экране показалось лицо Сержа. Печальное лицо декадента, переживающего период распада – и личности, и всего окружающего мира. Лицо, полное вселенской, бесконечной печали. Я едва узнала его – так он исхудал, волосы очень коротко подстрижены, скорбные морщинки возле губ...

– Я люблю смотреть на небо, – произнес голос с экрана без всякого выражения – Мельников глядел куда-то в сторону от камеры. – Там облака. Ле нюаж... Помните, у Толстого, когда Пьер разговаривает с французским офицером? Это нежность, любовь... Или еще у Тургенева, в одной из его повестей – облака были похожи на паруса, под которыми Клеопатра ехала к Антонию. Или Антоний к Клеопатре...

– Вы помните, что с вами произошло? – спросил чей-то знакомый голос, вероятно – того самого Игорька.

– Я убил человека, – без всякого выражения, равнодушно ответил Серж.

– Зачем?

– Так получилось. Вы хотите знать, раскаиваюсь ли я? Да, раскаиваюсь. Мне надо было самому умереть. Вас когда-нибудь предавали?

– А почему вы убили того человека?

– Не знаю. Так получилось.

– Вас кто-то спровоцировал, кто-то заставил вас сделать это?

– Меня? Нет. А может быть, да... Собственная глупость!

– Из ревности?

Серж засмеялся холодным, автоматическим смехом.

– Знаете, была такая прелестная девочка, рыженькая, вся в веснушках – сама весна, радость... Она прелестно танцевала с этим... с Грибовым, кажется. Потом я узнал, что она всю жизнь любила только меня, с самого детства. Ле нюаж... Я не мог не откликнуться, тем более... Вас предавали когда-нибудь?

– Откуда вы узнали, что она вас любит? – спросил голос, снова игнорируя вопрос Сержа.

– Она сама сказала. Да и другие...

– И вы решили убить своего соперника. Это она попросила вас?

– Попросила? Какие глупости! Она была, как эти облака, – сама нежность, ничего подобного не могло сорваться с ее уст. Она – как поэзия, далека от всего земного, она даже от меня ускользала, потому что я был самый обычный, а ее любовь ко мне – Любовь с большой буквы, ни одного

намека на земные категории. Наверное, я очень разочаровал ее своим поступком.

– Вы хорошо все помните – как все произошло? Что было до того?

– О да. Как раз перед тем я был у одного человека, мы говорили о ней, о Тане – так звали мою примаверу, мою девочку-весну. Об ее оторванности от земной жизни, о том, как трудно ей принять решение, что надо помочь ей, сделать все за нее...

– С кем вы говорили? Вы говорили об убийстве?

– Да нет же, господи... Я говорил с одной знакомой, и только о ней, о Тане, и ни о чем другом. Но я решил все сделать по-своему – у меня был такой большой нож, охотничий... Когда я жил в Кении с родителями, в детстве, его подарили отцу местные жители. Вы были когда-нибудь в Африке?

– Значит, это ваше решение? Только ваше?

– Как вы мне надоели с дурацкими вопросами! – утомленно и раздраженно протянул Серж. – И я тоже дурак, меня совершенно справедливо сюда посадили. Зайдите в другую палату, там живет один мужчина – он задушил свою соседку и месяц жил рядом с трупом – мерзкая, мерзкая история, как раз для вас, для журналистов...

Серж вдруг уронил голову на руку и заплакал, судорожно вздрагивая плечами.

– Дальше какая-то ерунда, – тихо сказал Алексей, выключая изображение. – Он стихи читает.

«Ле нюаж... облака. Сама поэзия...» – мысленно повторила я.

– Какие стихи?

– Пастернак, Блок, Мандельштам. Будешь дальше смотреть?

– Нет.

Я встала, прошлась по комнате. Алексей неотрывно смотрел на меня, ловя каждое мое движение.

– Что же ты молчишь? – наконец нетерпеливо спросил он.

– А что я должна говорить?

Он подошел, взял меня за руки.

– Теперь ты убедилась, что ни в чем не виновата? Ты казнила себя из-за неосторожно брошенной фразы, а он даже не помнит ее. Решение возникло в нем случайно, без чьего бы то ни было участия, он просто больной человек...

– Разве дело во фразе? – равнодушно ответила я. – Она – так, мелочь. Я позволила Мельникову поверить, что люблю его. «Она всю жизнь любила только меня, с самого детства!»

– Но, Таня, я не хочу, чтобы ты...
– У меня голова болит, – сказала я. – Поговорим завтра. У меня очень голова болит...
– Ты мне позвонишь, правда?
– Да, завтра. Мы еще с тобой поболтаем.
– Я буду ждать, – серьезно ответил он.
– И забери эту кассету с собой, а то, боюсь, я не выдержу и стану слушать, как Серж читает стихи, – и сама лишусь рассудка...

Когда он ушел, я села в кресло перед выключенным телевизором и надолго задумалась. Алексей, конечно, очень славный человек – затеял расследование ради меня... Но какой в этом смысл? Никакого. Ничего не изменилось, моя вина не стала меньше, Митю к жизни не вернешь. Но что-то тут такое есть... что-то неуловимое...

«Как раз перед тем я был у одного человека, мы говорили о ней...» – это Серж о Шурочке. Да, я очень хорошо помнила, что после первой встречи со мной на липовой аллее тем самым днем Серж собирался к Шурочке. Сколько раз я потом жалела, что не позвонила ей сразу же с просьбой образумить Сержа! Мелочи, мелочи... их было столько... Если бы обратить внимание хотя бы на самый ничтожный пустяк, изменить его, то, возможно, Митя до сих пор был бы жив. Но все сложилось одно к одному, карты уже не перетасуешь...

«Вас когда-нибудь предавали?» – это он снова о ней, о Шурочке. Сумел ее простить, но предательства не забыл. Не хотел, чтобы его и второй раз предали. «У меня был такой большой нож, охотничий... Вы когда-нибудь были в Африке?» Серж совсем не злой, раз сумел простить Шурочку и даже считал ее особенной, умной, спрашивал совета...

Она бросила Сержа, когда узнала, что он безнадежно болен? Когда-то я была в этом уверена, хотя в последнюю нашу встречу Шурочка сказала, что рассталась с Сержем из-за другого мужчины. Так знала или нет? А если знала, что у Мельникова не все в порядке с головой, какого черта она мне его сватала... Обычная женская вредность, в которой ничего особенного нет. Так знала или нет? Я почувствовала раздражение... Она назвала меня «графиней Дракулой» и обвинила во всем – в смерти Мити, в несчастной судьбе Сержа...

Самым простым решением было позвонить непосредственно Шурочке и спросить у нее еще раз. Хотя какой смысл – не факт, что сегодня она скажет мне правду. В голове у меня все путалось. Мне ужасно хотелось узнать ответ на этот вопрос от какого-нибудь третьего лица, которое никак не было бы заинтересовано в сокрытии правды.

Я быстро привела себя в порядок, оделась и выскочила на улицу – был четвертый час дня. Стояла жаркая, солнечная погода, какая часто бывает в конце мая, почти летняя.

Занятий в моей старой школе уже не было – последний школьный звонок прозвенел накануне, но ребятня еще бегала по этажам, одиннадцатиклассники готовились к выпускным экзаменам, еще работали какие-то кружки. Флору Лаврентьевну я нашла в лаборантской – узкой длинной комнате, находившейся как раз за кабинетом биологии. Она вела в школе ботанику, зоологию и прочие естественные науки, которые обычно пользуются благосклонностью учащихся, ибо изучение их не связано с особыми трудностями.

В лаборантской было душно, тесно, полки были заставлены всевозможными биологическими пособиями – от грустного скелета, исчищенного цветными фломастерами, до заспиртованного сурка с распоротым брюхом – дабы дети имели наглядное представление о его внутренних органах. Кажется, это был тот самый сурок, который и в юности производил на меня тяжелое впечатление.

У дальнего окна росли цветы, жевал в клетке капусту большой черный кролик. Флора Лаврентьевна с двумя славными девчушками лет десяти как раз возилась с ним.

– Таня! – обрадовалась моя бывшая классная. – Вот сюрприз!

– Извините, Флора Лаврентьевна, что давно не появлялась...

– Да брось ты! Рано или поздно все вы тут появляетесь, так что я уж и не обижаюсь. Мне остается только гадать, кто из вас придет ко мне в следующий раз. А у нас здесь Стивен Кинг. – Она протянула мне жирного кролика, который изо всех сил колотил по воздуху задними лапами. – Хочешь поддержать?

– Что вы, что вы! – замахала я руками. – Я боюсь... А почему Стивен Кинг?

– Это его так Семенова назвала. – Бывшая классная кивнула на одну из девчушек, которая смущенно улыбнулась щербатым милым личиком.

– Я очень люблю этого писателя, – ответила та голосом отличницы. – Вы читали?

– Кажется, – рассеянно ответила я. – Впрочем, по-моему, его книги совсем не для детей... Флора Лаврентьевна, а к вам кто еще заходил недавно?

– Пирогова все время навещает, Настя Бубнилова тут заявлялась, все больше про политику говорила...

– А Шура Пинелли?

– Ой, эту я сто лет не видела! Ладно, девочки, бегите...

Девчушки убежали, и мы остались в лаборантской вдвоем – я, Флора Лаврентьевна и Стивен Кинг.

– Про Мельникова слышала? – таинственным шепотом произнесла учительница. – Кого-то пришел... В дурдом опять отправили, говорят, совсем крыша у парня поехала.

– Да, что-то такое помню, – с напускной рассеянностью ответила я, хотя внутри меня все задрожало. «Кого-то пришел» – это про Митю, про моего Митю... – Шурочку очень жалко, – постным голосом продолжила я. – Они ведь так любили друг друга!

– Любили! – фыркнула Флора Лаврентьевна. – Это он ее любил, а она... Эгоистка.

– Да что вы, не может быть! – притворно ахнула я. – Я же с ней за одной партой сидела и помню, как она обмирала при одном его появлении.

– А как заболел он осенью, сразу после школы, так и бросила она его в скором времени – мол, на что мне инвалид! Эгоистка. А могли бы жить – он вполне нормальным был, только весной-осенью обострения, полежит недельку-другую в больнице – и все, как новенький. Депрессия... Подумаешь, у меня из-за нашей зарплаты учительской каждый день депрессия!

– Ну, не все способны на подвиг, – туманно возразила я. – Жен декабристов редко можно встретить... А я так думала, что она другого полюбила, Шурочка то есть...

– Ну да, это она назло Сережке, чтобы не допекал ее. Не ссорилась, нет, она ведь со всеми очень мягко. «Я нашла другого, милый», – наверняка что-нибудь в таком духе заявила. А «другой» ее с ребенком бросил. И поделом, ведь Сережка после ее слов таблеток наглотался, едва откачали. После того у него ухудшение наступило. Конечно, теперь уж он никому не нужен...

– Вы так говорите, словно вам жаль Мельникова, Флора Лаврентьевна, а ведь он человека убил!

– Он милый и добрый, Таня, хоть и доставалось ему от меня в школьные годы здорово. Гордился он очень своим отцом, мечтал по его стопам пойти. Нос задирал, надо было его на место поставить, вот я и... А что руку на кого-то поднял – так наверняка только из-за Пинелли твоей, она его довела.

– Шурочка увлеклась психологией после его болезни, да?

– Что ты, мать моя! Она в институт поступала, на психологический, да баллов недобрала, стоматологом стала. Тоже хлебная профессия!

– Как все неромантично! – уныло сказала я.

– Да какая уж тут романтика, – вздохнула учительница. – Это ты в кино своем романтику привыкла изображать, а жизнь грубее и проще. Когда новый фильм с твоим участием увидим?

– Скоро, – пообещала я. – Очень скоро...

Мы еще немного поболтали, и я ушла со смутным ощущением того, что опять чего-то не понимаю. Шурочка наврала мне! Ну и что с того? Или из вредности – «на тебе, боже, что нам негоже», или из желания выглядеть порядочной – бросила Сержа из-за любви к другому, а не потому, что он стал инвалидом.

Шурочка, Шурочка... Египетский сфинкс с загадочной улыбкой, эгоистка и позерка, честолюбивая и неприкаянная... После короткого рассказа Флоры Лаврентьевны она показалась мне совсем другой, чем раньше. Я неправильно понимала ее, представляла и ее, и их отношения с Сержем в каком-то действительно романтичном, книжном виде, а все на самом деле было проще, грубее.

Я опять вспомнила юность, класс, Шурочку рядом со мной за партой и ее холодный, брезгливый взгляд, ее вечное желание унижить меня, сделать несчастной, заставить меня почувствовать свою ничтожность. Сначала она пыталась отбить у меня Митю, потом свести с Сержем – психически нездоровым человеком. А в последнюю нашу встречу зимой она как-то совсем странно вела себя, словно радовалась моим мукам, словно чем более жалкой и ничтожной была я, тем бесспорнее выше была она.

На следующее утро я ни свет ни заря позвонила Алексею.

– Леша, ты со своей кассетой просто выбил меня из колеи. Со мной сейчас черт знает что творится!

– Я очень рад, – довольно ответил тот, зевая. – Ты возвращаешься к жизни. Сегодня суббота, пошли куда-нибудь... В бассейн, в лес, на выставку!

– Это подождет... Ты понимаешь, я теперь по-другому смотрю на некоторые вещи, которые раньше казались мне очевидными. Все так... и не так. Вот, например, есть один человек, чье поведение кажется мне очень странным.

– Ты про кого? – с жадным любопытством спросил Алексей. Судя по всему, желание быть детективом у него еще не пропало.

– Некая Шурочка, моя бывшая одноклассница.

– Та самая, что была первой любовью Мельникова?

– Да. Кстати, перед убийством Серж был у нее, и на твоей кассете он именно о той встрече упоминает.

– Ты думаешь, она кашу заварила?

– Н-нет... все получилось само собой, из-за моей глупости, но вот ее роль во всей этой истории кажется мне теперь более зловещей. Тебе не понять – ты мужчина, среди мужчин, наверное, все иначе, – но мне кажется, Шурочка ненавидела меня.

– Дружила и ненавидела?

– Что-то вроде того.

– У нее был зуб на тебя, она тебе мстила?

– Я гадостей ей не делала, но чтобы невзлюбить человека, он необязательно должен тебе гадости делать. Чувство неприязни может возникнуть совершенно спонтанно, без видимых причин. Леша, знаешь... Хотя я тут тоже не уверена, но... Вот уже много лет мне кажется, что Шурочка ненавидит меня!

– Так давай ее допросим! Давай, я явлюсь к ней и припру к стенке...

– Леша, она не так проста, как ты думаешь, ее голыми руками не возьмешь.

– Если она во всем виновата, так ее должны посадить!

– Ах, перестань, скорее меня посадят... Послушай, что бы такое придумать, чтобы она разговорилась сама, чтобы я поняла наконец, как в действительности она ко мне относится...

– Ты фильм «Блеф» смотрела?

– Сто лет назад... Ты хочешь, чтобы я стала блефовать? Так мол и так, я все знаю...

– Ну да, типа того! Расскажи ей про кассету, про меня, про мою поездку к Сержу. Не важно, что всю дорогу он Блока декламировал, можно сказать ей, что он во всем признался – ну, что именно она, Шурочка, подтолкнула его на убийство.

– Нет, я не думаю, чтобы она так явно его подталкивала, она просто хотела сделать мне какую-нибудь гадость. Нож в руки она ему не совала, тем более что ножик был его, личный...

– Да какая разница, лишь бы разговорить ее! Ох, Таня, какая ты нерешительная...

– Ладно, я попробую, – мрачно сказала я. – Хотя однажды у меня это уже не получилось.

Я была почти уверена, что и на сей раз у меня ничего не выйдет. Но мысли о Шурочке не давали мне покоя, я хотела ее увидеть – страстно, нестерпимо, словно предмет своего обожания.

* * *

Я позвонила ей в воскресенье утром, и, на мое счастье, она была дома.

– А, Таня, – покровительственным, ласковым голосом произнесла она. – Все-таки решила мне позвонить... Как у тебя дела?

– Очень плохо, – тоскливо ответила я. – Так плохо, что просто умереть хочется. Милая, милая Шурочка, давай где-нибудь встретимся, поболтаем. Может быть, ты хоть немного сумеешь меня развеселить!

– Вообще-то у меня были кое-какие планы на сегодня, – снисходительно заявила она, – но раз ты просишь...

Мы договорились о встрече.

Кажется, она поверила, что я действительно нуждаюсь сейчас в ее дружеской поддержке. Похоже, она действительно согласилась встретиться со мной лишь для того, чтобы упиться видом моих мук. Или я безнадежно заблуждалась...

Я надела золотистое платье, всунула ноги в золотистые лодочки, тщательно уложила волосы и изобразила на своем лице с помощью косметики нечто праздничное и утонченное, какие-то летние мотивы рекламы «Веронезе», которая, кстати, уже давно не шла по телевидению, но зато, я была уверена, очень хорошо отпечаталась в завистливой Шурочкиной памяти. Я собиралась на встречу с Шурочкой с такой самозабвенностью, словно спешила на свидание к возлюбленному. Я волновалась и трепетала, будто от предстоящего разговора зависела вся моя дальнейшая жизнь. Хотя, может быть, так оно и было.

Мы договорились встретиться на Чистых прудах, где когда-то зимой гуляли с Алексеем. Теперь бульвар было не узнать – все сияло в ярком майском свете, едва шелестела молодая сочная листва, еще не успевшая запылиться, на лавочках гроздьями сидели компании молодежи, пиво лилось рекой, и малообеспеченные старушки едва успевали собирать бутылки, вопили дети на детской площадке. Все дышало жизнью, солнцем, предчувствием праздника, хотя все главные календарные праздники были уже позади.

Шурочка стояла возле памятника Грибоедову и листала какой-то дамский журнал. На ней был прелестно скроенный летний костюмчик оливкового цвета, она щурилась на солнце и слегка улыбалась тому, что читала. Весь ее непринужденно-уверенный, элегантный вид говорил о том, что она вполне счастлива и довольна жизнью. «Если бы знать точно!» – мелькнула у меня в голове мысль, но отступить было поздно.

Я осторожно подкралась к ней сзади и схватила ее за руку.

– А вот и я! – закричала я весело. Наверное, Шурочка ожидала чего-то иного – слез, тоскливого лица, жалоб на жизнь, она ошеломленно уставилась на меня, покачиваясь на одной ноге, – я успела развернуть ее, словно в танце.

– Но Таня... – пролепетала она растерянно. – Что за шутки, ты меня напугала!

– Очень хорошо! – сказала я. – Сегодня необыкновенный день, такая погода...

– Вот человек – а ведь только что по телефону умирала, – с неприязнью заметила она, подвергая тщательному анализу мой внешний вид – платье, туфельки, весенние краски на лице. – Знала бы – ни за что не купилась бы на твою провокацию.

– Нет-нет-нет! – энергично запротестовала я. – Мне с тобой просто необходимо было встретиться, дорогуша! Есть одно важное, очень важное дело...

В лице у нее что-то промелькнуло – так облачко пробегает по чистому летнему небу, на миг закрывая солнце. Через мгновение она была по-прежнему собранной и высокомерной.

– Что за дело? Кстати, Танюша, ты похудела еще больше... А где твои знаменитые веснушки, все-таки окончательно их вывела? Но это глупо и некстати, оригинальность теперь в большой моде.

Опять эта странная манера унижать меня под прикрытием дружеского совета!

– Здесь рядом летнее кафе, посидим там?

Возле метро действительно было кафе. Мы взяли себе по стаканчику газировки и расположились за плетеными столиками.

– Что за дело, рассказывай... Ты, верно, наконец решила продать мне тот розовый костюм?

– Недавно была у нас в школе – все по-старому, болтала с Флорой Лаврентьевной, – начала я издаലെка.

– Ну и что?

– Тебя вспоминали, Сержа...

– Флора Лаврентьевна – старая дура, – довольно грубо заявила Шурочка. – Или она имеет какое-то отношение к твоему делу?

– Некоторым образом – безусловно... Да, что-то я совсем невежливой стала – забыла спросить: как у тебя-то дела?

Шурочка ослепительно улыбнулась, положив ногу на ногу. Сидящий за соседним столиком восточного вида мужчина послал ей воздушный

поцелуй – она засмеялась, отмахнулась с досадой и одновременно польщенно.

– Отлично.

– Я рада за тебя. Неужели нашла для Витюшки отца? Шурочка, тридцать лет скоро, пора хотя бы формально разок побывать замужем!

Я подшучивала над ней, говорила с откровенной насмешкой, но для моей собеседницы, похоже, все было всерьез – она побледнела и нахмурилась.

– Шурочка, не морщи лоб! – с притворным испугом воскликнула я. – Будут морщины! Вон, возле глаз, – я нагнулась, пристально вглядываясь в ее лицо, – «гусиные лапки» стали еще заметнее. Ты каким кремом пользуешься?

Шурочка менялась на глазах – она покраснела, победная улыбка исчезла с ее губ. Я пользовалась самыми дурацкими, дешевыми приемами и даже не ожидала, что они так на нее действуют. Впрочем, она сама любила бить ниже пояса.

– Да какая разница! – с досадой воскликнула она. – Так что у тебя случилось?

– Я наняла частного детектива, – официально заявила я.

– Кого?

– Частного детектива. Очень милый молодой человек. – Ожидающий результатов моего блефа, Алексей, наверное, икнул от моих заочных комплиментов.

– Зачем? – нахмурившись, спросила Шурочка – неясная тревога тенью легла на ее личико.

– Шурочка, а ты ведь меня обманула. Ты всех обманула...

– Я не понимаю, какая-то ерунда...

– Мой детектив ездил к Сержу, их разговор запечатлен на видеокамеру.

Пластиковый стаканчик с газировкой опрокинулся. Темная жидкость, пузырясь и шипя, потекла со стола на оливковый костюм.

– Что за черт! – Шурочка схватилась за салфетку, руки у нее дрожали. – Танеева, ты сумасшедшая!

– Дорогуша, ведь это ты подтолкнула Сержа на убийство, сам он ни за что бы не взял в руки нож.

– Он что, в этом признался? Да кто поверит психу...

– Помнишь, зимой я спросила – за что ты меня ненавидишь, почему завидуешь? И ты ответила, что я ошибаюсь, что это я скорее должна тебе завидовать. Шурочка, милая, ты лгала. Если раньше, в юности, ты меня просто терпеть не могла, ограничиваясь словесными унижениями, –

холодно, спокойно говорила я, – то теперь ты перешла ко вполне конкретным действиям уголовного характера.

– Чушь, бред...

– Сначала ты пыталась разлучить меня с Митей, влюбить его в себя – о, как мне должно было быть больно от измены возлюбленного! Но у тебя ничего не получилось, и ты решила свести меня с Сержем, больным, несчастным шизофреником. Прекрасная месть – Таня Танеева бросает доброго, нормального Митю и связывается с сумасшедшим, совершенно ни о чем не догадываясь... Ты знала, что Мельников болен, именно из-за этого вы когда-то расстались, хотя в последнем разговоре ты и пыталась меня убедить, что причиной вашего разрыва был твой новый роман. Неправда, все неправда! Флора Лаврентьевна подтвердила.

– Ну и что! – ответила моя бывшая одноклассница, тщетно пытаясь оттереть подол своей юбки. – Ну и что, что знала... Это еще ничего не значит! Серж был не такой уж ненормальный. Я просто хотела, чтобы он был счастлив – с тобой, ведь ты его всю жизнь любила. Вы вполне сносно могли бы существовать рядом...

– Я любила его в юности. Нежное чувство испарилось со временем без следа, оставив лишь печальные и светлые воспоминания, ле нюаж...

– Что?

– А ты, милочка, пыталась мне внушить, что я до сих пор люблю его. О, как ты злилась и горячилась, доказывая мне это... А когда я окончательно решила разорвать с Сержем всякие отношения, ты толкнула его на убийство.

– Я? – Она засмеялась, уже не бледная, а какая-то серая. – Это ты подтолкнула Сержа, это из-за тебя он убил Митю...

– Глупость, незнание и легкомыслие... Нет, я не снимаю с себя вины, но у тебя, моя славная, рыльце тоже в пушку. Никакая эпиляция не поможет!

– Бред, демагогия... – Она скомкала салфетку и отбросила ее далеко в сторону. – Ты ничего не сможешь доказать.

– Возможно, – согласно кивнула я. – Наша система правосудия далеко не так совершенна, хорошие адвокаты способны на чудеса, Серж сидит в дурдоме, и никто с ним не будет возиться, суд учтет смягчающие обстоятельства и ограничится условным наказанием. Ах, Шурочка, даже при самом неблагоприятном для тебя раскладе дел ты скорее всего выйдешь сухой из воды...

– Тогда ради чего стараться, нанимать детектива, сотрясать воздух? – криво улыбнулась она.

– Для того, чтобы хотя бы я одна знала правду. Дорогуша, закона ты можешь не бояться, но... ты должна бояться меня.

– Тебя? Ты хочешь меня наказать?

– А мне, милочка, терять совершенно нечего! – рассмеялась я беззаботно и весело – Шурочка вся съежилась, услышав мой смех. Конечно, внутри у меня бурлило и кипело, но я призвала на помощь всю свою выдержку и актерское мастерство, чтобы эта женщина испугалась меня и поверила, что я могу пойти на все.

– Что ты хочешь? – спросила она.

– Я хочу знать всю правду. Искреннее и чистосердечное признание смягчает участь подсудимого.

– Зачем? Ты же и так все знаешь, у тебя даже детектив есть...

– А мотив? А всевозможные мелочи, которые особой роли не играют, но без которых так скучно?

– Скучно? Хорошее ты слово подобрала...

– И потом, Шурочка, разве тебе не хочется облегчить душу, рассказать мне всю правду, выплеснуть то, что давно бродило у тебя в душе, сорвать маску, исповедаться? И кому – именно мне, той, которая... Только представь себе это блаженство! погоди, я еще закажу газировки...

Я вернулась через минуту – Шурочка сидела в том же положении, съежившись и сжав кулачки. Она даже не сделала попытки удрать, видимо, осознавая, что разговор надо закончить. Она действительно боялась меня.

– Ты хочешь, чтобы я все рассказала? – вдруг спросила она, подняв на меня прекрасные глаза итальянской мадонны, в которых промелькнуло такое страдание, что любой другой человек тут же простил бы ее и благословил. Любой другой, но только не я...

– Ты ничего не теряешь.

– Хорошо, – медленно ответила она. – Дай мне свою сумочку.

– Зачем?

– Дай...

Я без всяких возражений протянула ей свою крошечную сумочку песочного цвета, в которой ровным счетом ничего не было, кроме кошелька, помады и солнцезащитных очков. Шурочка деловито обшарила ее, выдвинула ствол у помады, даже пощупала подкладку, вероятно, ища какое-нибудь записывающее устройство. Этот ее обыск убедил меня, что и закона она тоже побаивается, – значит, она виновата.

– У меня ничего нет с собой, – мягко улыбнулась я. – Ни диктофона, ни прочих секретных устройств. Платице облегающее, лишь бикини под ним... Шурочка, я же сказала – я стараюсь только для себя.

Она кивнула, глубоко вздохнула и откинулась назад, чтобы ей было удобнее рассказывать. Она решилась все-таки – и даже расслабилась, прежнее высокомерное, снисходительное выражение проступило у нее на лице.

– Что ж, поговорим откровенно... – произнесла она. – Мне действительно нечего терять. В некотором роде это даже акт милосердия, ведь нет ничего хуже неутоленного любопытства...

– Спасибо, – поклонилась я.

Над столиками в летнем кафе был натянут легкий тент, но все равно от солнца было не спастись – оно светило низко, прямо мне в глаза. Надевать темные очки я не хотела – я боялась, что пропущу какое-нибудь движение на Шурочкином лице, пробегающую по нему краску, которая могла сказать мне о многом.

Но несмотря на жаркую, почти летнюю погоду, в сердце закрался холод. Сбывались худшие мои опасения – все догадки, совсем недавно казавшиеся мне невероятными, фантастическими, вдруг оказались реальностью: смерть Мити была результатом чьей-то злой воли, а не нелепой случайностью.

– Ты была совершенно безобразной в детстве, – вдруг улыбнулась Шурочка. Видимо, это воспоминание приносило ей какое-то противоестественное удовольствие. – Толстая, рыжая, с вечно слипшимися волосами, кучей веснушек... Таких некрасивых девочек нельзя выпускать из дома, они портят окружающий мир.

Что-то дрогнуло у меня внутри.

– Людей с внешностью, далекой от идеала, очень много, – спокойно сказала я. – Надо своими делами заниматься, а не глазеть на окружающих. Это какие-то детские комплексы в тебе говорят, Шурочка...

– Что ты знаешь о комплексах! – надменно возразила она. – Ты была таким чудовищем, что на тебя нельзя было не смотреть! Я долго не могла тебя забыть после школы. В прошлом году, на встрече выпускников, я вновь увидела тебя – постройневшую, похорошевшую, но все такую же конопатую. «Ах, Танеева у нас актриса, ах, ее в рекламе снимают!» И Пирогова, и Мусатов, и Фогельсон, и Грибов... Все как будто сбесились. В твоём случае были нарушены какие-то всемирные, общечеловеческие законы. Ты не должна была танцевать на первом плане, под аплодисменты и визг, ты не должна была надевать на себя тот розовый вызывающий костюм...

– Так вот ты какие законы решила восстановить, – усмехнулась я. – Зависть, самая настоящая зависть.

– Справедливость, – раздраженно возразила Шурочка.

– Я понимаю – на первом плане должна быть ты, прелестная и милая, тебе должны были хлопать и тобой восхищаться! Несчастливая мать-одиночка, жалкая докторишка, тебя даже в рекламу зубной пасты не пригласили...

Я травила Шурочку, но, как ни странно, особой ненависти к ней не чувствовала, мне было как-то особенно грустно, и только где-то внутри, как снежный ком, нарастали рыдания. Только Шурочка их ни в коем случае не должна была видеть, время слез откладывалось на потом.

– Я решила сблизиться с тобой, – продолжила она, блестя своими пустыми глазами. – Мне надо было непременно что-то сделать – сбить с тебя спесь, поставить на место, чтобы восстановить справедливость...

– Лучше бы сама нашла способ прославиться. Совершила бы подвиг, изобрела бы что-нибудь...

– Это уже другой вопрос! – Она вдруг всхлипнула, а потом так же резко успокоилась. – Я решила соблазнить твоего Митю – бесполезно. «Мы будем оба жалеть об этом!» – передразнила она Митин голос. – Ты была несколько раз замужем, и все твои бывшие до сих пор любили тебя: один романы посвящает, другой подарки идиотские делает...

– Аквариум! – подалась я вперед. – Так это тоже ты!

– Не знала? – удивилась Шурочка. – Я думала, догадалась еще тогда. Все-таки ты глуповатая какая-то.

– Но зачем?!

– Чтобы не зазнавалась. Чтобы боялась и плакала. Когда ты сказала мне, что больше не любишь Сержа... Ты ведь плакала, когда твои любимые рыбки сдохли?

– Плакала, – честно ответила я. – И кот мой сдох, то есть умер – он любил пить воду из аквариума. Что ты туда насыпала?

– Крысиный яд, кажется... – небрежно махнула она рукой. – Нет, про кота я не знала, но слышать приятно. Хотела просто стирального порошка насыпать, рыбы и так подошли бы, но в этом не было ничего зловещего, меня не возбуждало. А так... я была права – жертв оказалось больше.

– Как ты попала ко мне?

– Элементарно. У тебя же вечный бардак, вещи разбросаны где попало, ключи лежали в прихожей на самом видном месте. Ты хоть заметила их пропажу?

– Нет.

Шурочка засмеялась, с удовольствием вдохнула в себя теплый летний воздух, пропитанный запахом свежей листвы, щеки ее слегка порозовели.

Она ненавидела меня, и сейчас, рассказывая о своих кознях, испытывала настоящее удовольствие. Ей, наверное, уже давно хотелось ошеломить меня этими признаниями.

– Глупенькая... Мой план возник давно, еще весной, когда ты поделилась со мной своей детской тайной...

– Какой детской тайной?

– Любовью к Мельникову. Это было бы так забавно – Танеева связалась с сумасшедшим, бросила ради него благопристойного мужчину! Ты развесила уши, слушала мои советы, томилась, как каша в печке...

– Без поэтических метафор, пожалуйста.

– Ты ведь занималась с ним любовью, ты изменила Мите, да? – спросила она с жадным любопытством. – Все равно – ты преступница, ты гадко, мерзко поступила с обожающим тебя мужчиной, сама первой воткнула в него нож...

– О чем был ваш последний разговор с Мельниковым? – изо всех сил стараясь сохранить внешнюю невозмутимость, спросила я.

– О тебе. – Шурочка опять с наслаждением вздохнула. – Какая ты необыкновенная, не приспособленная к жизни, что тебе надо помочь. Я, как бы случайно, проговорила, где можно найти твоего Митю. Разве Серж об этом не говорил твоему детективу?

– Кое-что говорил. Только Серж до сих пор ни о чем не догадывается, ты очень ловко все обставила. Ты и его обманула.

– Замечательно! Ко мне никто не сможет придраться, меня не смогут привлечь к суду! Ах, какая я все-таки молодец... «Митя твой соперник, он никогда не отпустит Таню, нужно что-то придумать!» Я прямо не говорила – «убей», я только подтолкнула его к этой мысли.

– Шурочка, за что ты меня так ненавидишь? – спросила я, не замечая, что давно уже плачу. Вид моих слез привел Шурочку в необыкновенный восторг.

– За то, что ты дешевка и выскочка, тебя надо было поставить на место. Теперь ты никогда, никогда больше не будешь счастлива. Ты себя съешь, не сможешь никого полюбить и больше не будешь вертеть задницей перед камерой. Ты теперь снова безобразная замухрышка, даже твои хваленые веснушки выцвели!

Слушать это было невыносимо. Сердце как будто перестало биться во мне, руки и ноги похолодели – я не могла и пальцем шевельнуть.

– Я тебя не боюсь, – продолжила она надменно. – Ты мне ничего не сможешь сделать. Ты говорила о наказании для меня? Но палача из тебя не получится – для того, чтобы свершить суд, нужна сильная воля, а у тебя ее

нет. Ты сломана, сломлена. Я тебя победила!

– Шурочка, а ты не боишься, что сама сошла с ума? – прошептала я.

– Нет, уж я-то в этом разбираюсь, – с презрением сказала она. – Мои поступки кажутся со стороны немного странными, но... жизнь есть борьба. В человеческом мире, как и в животном, идет борьба за выживание – сильный грызет слабого, правда, это не всегда бывает заметно. Мне надо было уничтожить тебя, Танеева, иначе я просто погибла бы. Теперь я снова сильная и красивая, теперь я буду счастлива, а ты – жалкая, ничтожная замухрышка, все на своих местах. Если хочешь знать, я сделала все это для собственного самоутверждения. Пожалуй, мне надо всерьез заняться психологией – написать книгу, что ли, о способах повышения самооценки, о приемах, с помощью которых человек может вернуть себе потерянное счастье.

– Твою книгу никто не напечатает, – покачала я головой. – Настольное пособие доктора Йозефа Менгеле... Ставила бы ты лучше пломбы и не лезла, куда не надо.

– Напечатают, – холодно возразила Шурочка. – Я теперь все могу. Если человек уверен в себе, то у него все получится.

– А Витюшка?

– Что – Витюшка?

– Грехи родителей могут пасть на головы их детей. Наказание неизбежно, но вдруг расплачиваться придется невинному... Я бы из-за одного этого не стала делать подлостей.

– Какая чушь, Танеева, – громко возразила она. – Ее слабые придумали, для собственного утешения...

Слезы у меня уже высохли, и теперь я сидела почти спокойная. Убивать ее здесь, устраивать сцену гнева на потеху публике мне совершенно не хотелось. Но я точно знала, что тоже придумаю что-нибудь ужасное – раздавлю эту гадину... как-нибудь особо изощренно, чтобы она мучилась. Подстрою что-нибудь, взвалю на нее чужую вину! Мысли лихорадочно крутились у меня в голове.

Шурочка в это время встала, преспокойно осмотрела свой костюм – пятно от газировки высохло и было почти незаметно.

– Грехи... – усмехнулась она почти по-доброму, наклонившись ко мне. – Грехов не существует, потому что некому за них наказывать.

– Как – некому?

– Танеева, ты, как я вижу, совсем дуручка... Очнись, бога – нет!

И она пошла к метро, цокая каблучками и независимо поглядывая по сторонам – красивая, уверенная в себе женщина, перед которой открыт весь

мир.

Я медленно, маленькими глотками допивала свою газировку. Рядом, на пустом столике, лежал дамский журнал, который забыла Шурочка. Ветер листал страницы, и передо мной мелькали счастливые, ухоженные лица, реклама нового шампуня и советы брошенным женам, но я ничего этого не видела и ничего не осознавала. Я думала только об одном – как отомстить Шурочке, как заставить ее страдать...

– Что с тобой?! – перепугался Алексей, встречая меня у подъезда. – Ты вся горишь... Ты где была?

– Очень жарко... – невнятно ответила я. – Хочу домой, хочу пить!

Это было странно – выпитая газировка не смогла потушить пожара, бушевавшего внутри меня, – наоборот, она вызывала еще большую жажду.

– Я провожу тебя.

Он довел меня до квартиры, помог открыть дверь, усадил на диван.

– Ты заболела? Простудилась, да? Или перегрелась на солнце... – он положил ладонь на мой пылающий лоб, зеленовато-карие глаза смотрели с тревогой и отчаянием.

– Мне плохо, мне ужасно плохо, – с раздражением ответила я.

– Вызвать «Скорую»?

– Не надо «Скорой», дай таблетку аспирина, – капризно возразила я, не слыша собственного голоса.

– Сейчас...

Я проснулась среди ночи, когда за окнами была кромешная тьма. В распахнутое окно дул свежий теплый ветер. Я чувствовала себя как-то странно – подозрительно хорошо, и на миг у меня даже возникло ощущение, что я – это не я, а какая-то другая девушка.

В кресле спал Алексей – я увидела его силуэт на фоне окна, всклокоченные волосы. Он тихонько, смешно сопел во сне, и этот звук вдруг вызвал во мне непонятное чувство – то ли радость, то ли безумное раздражение...

Я бесшумно соскользнула с кровати и вспрыгнула ему на колени.

– Ой, что это! – вздрогнул он спросонья, ничего не понимая, но я уже теребила его волосы, покусывала за ухо, играла с ним, как кошка с мышкой, – ласкала его, одновременно причиняя боль, впрочем, наверное, не такую уж сильную...

– Я сплю, да? – тихо-тихо прошептал Алексей, покорно подчиняясь каждому моему движению. – Я не хочу просыпаться. Это что-то невероятное...

Не знаю, кто кем овладел, но в душной, плотной темноте произошло

то, в чем отказывала мне Шурочка, что до последнего времени казалось мне невозможным, преступным, – я любила и была любима. Потому что то, что произошло, иначе как любовью назвать нельзя – в каждом прикосновении заключались томление и надежда, безмолвный разговор – о том, чего боялся и о чем мечтал каждый из нас.

Это длилось бесконечно долго. Наконец мы замерли в последних судорогах, отчаянно прижимаясь друг к другу, не желая даже на мгновение разомкнуть объятия, словно боялись, что неведомая сила вновь разлучит нас, и я опять провалилась в сон, больше похожий на смерть...

– Утро красит нежным светом... – услышала вдруг я над своим ухом, удивляясь тому, что еще жива. – Я, кажется, проспал на работу!

– Откуда ты здесь взялся, прямо в моей постели?! – возмутилась я. – И что вчера было?

– Ты ничего не помнишь? – Алексей сиял, как медный самовар. – Тогда я тебе напомню... – Он потянулся ко мне.

– А словами нельзя?

– Нет, только действиями – вот так, так и так... Вспоминаешь что-нибудь?

– О нет, не надо... – возразила я скорее по привычке, и мы опять приникли друг к другу – это была та самая жажда, которая мучила меня вчера.

– Я только позвоню на работу, а потом мы продолжим, – сказал он через некоторое время, когда жажда наконец стала немного тише. – Сегодня я останусь с тобой, и завтра, и всегда, всегда...

– Нет, только не сегодня. Я должна кое-что обдумать, я не могу так сразу бросаться в этот омут. Позвони мне вечером... или лучше – завтра, а сейчас уходи.

– Ты меня прогоняешь? – спросил он с таким ужасом, что мне даже стало смешно.

– Нет, милый, нет...

Он ушел, вернее, я почти выставила его за дверь – Алексей все возвращался, покрывая меня бесчисленными поцелуями, лаская меня судорожно, иступленно, словно через час должен был наступить конец света.

– Я тебя люблю, я тебя нечеловечески люблю! – крикнул он мне уже через закрытую дверь, своими воплями, наверное, переполошив весь дом. – Я скоро приду!

Я быстренько привела себя в порядок и села перед зеркалом.

– Так это сделала Шурочка! – сказала я. – Убийца и обманщица, сатана

с ангельским личиком...

Прошлое нахлынуло на меня – я вспоминала события, которые происходили год назад, тем самым летом.

Когда Шурочка поняла, что Митю соблазнить ей не удастся, она вывела на сцену Сержа. «Он тоже любит тебя, он скоро появится», – сказала она, и мы даже поспорили на бутылку коньяка. Она специально поехала к нему на рынок, заморочила ему голову, внушила, что есть на свете человек, который давно и преданно обожает его, а для него, бедного, раненного давним Шурочкиным предательством, эти слова были – как бальзам на душу, и Серж не мог не прийти ко мне. «Ле нюаж...» Утонченный, не вполне нормальный человек не мог отказаться от нежного чувства, которое, как ему казалось, я испытываю к нему.

Любил ли он меня? «Знаете, была такая рыженькая девочка, прелестная, вся в веснушках...» – вот как он вспоминает обо мне. Так что это не имеет никакого значения. Мы занимались любовью – был пароксизм страсти, амок... А когда все схлынуло, я прогнала его.

Конечно, Шурочка не могла на меня не разозлиться – все ее труды пошли прахом. Она не могла не сделать мне какую-нибудь гадость и проникла ко мне в дом, насыпала стрихнину в аквариум. Мелко, гадко, жестоко... Что за демоны мучили ее? Почему она не остановилась, решила идти дальше – внушила Сержу мысль об убийстве? «Я должна была поставить тебя на место», – сказала она твердо. Эта ненависть, всепоглощающая, как страсть, – амок, Шурочкино наваждение, которое терзало ее долгие годы и выплеснулось наконец... Но Митя, мой Митя!

Я не плакала, только волны холода скользили по моему телу. «Что это?» – вдруг удивилась я, взглядываясь в свое отражение. Веснушки явственно проступали на моем лице, плечах, руки вновь были покрыты россыпью румяных конопушек, и я даже не знала, радоваться мне или огорчаться их возвращению. Сегодняшняя сумасшедшая ночь... Столько событий сразу!

Нет, Серж не любил меня. Это Шурочка ему внушила, что и он испытывает ко мне какое-то чувство! Когда он пришел ко мне с букетом белых лилий (запах безумия и порока!), его глаза были холодны. Он словно разыгрывал роль – слова и признания были торжественны и пылки, но за ними ничего не стояло, он находился в какой-то иной реальности, где можно было и любить, и... убить, ничего в то же время не испытывая, никаких настоящих человеческих чувств. Игра... Шурочка была талантливым режиссером, она точно сумела поставить эту пьесу. Не обычную мелодраму, нет – трагедию. Шекспировский размах!

Как ей ответить, какой спектакль разыграть с ней... Я забежала по комнате из угла в угол, кусая губы, придумывая страшную месть, потом вдруг остановилась, точно споткнувшись. Алексей! Он-то тут при чем, что мне с ним делать?

А он явился вечером – не позвонил, как я сказала, а пришел сам, очень довольный, сияющий, нетерпеливый и не желающий слышать никаких возражений.

– Я соскучился, – заявил он. – Съездил на работу, взял отпуск за свой счет.

– Это еще зачем? – удивилась я.

– Я не могу работать – я все время думаю о тебе. А мне там с техникой надо возиться, с проводами, меня током может ударить.

– Очаровательно! – всплеснула я руками. – Такая простота точно хуже воровства. Ты что, теперь мне с утра до вечера будешь надоедать?

– И еще ночью, – серьезно напомнил он.

– Нет, это невозможно! – Я не знала, плакать мне или смеяться.

– Ты вчера обгорела на солнце, – авторитетно сказал он, пристально и жадно рассматривая меня. – Вон, даже веснушки видны стали.

– Тебе не нравится?

– Ты знаешь, я бы очень, очень хотел, чтобы мне хоть что-то в тебе не нравилось, чтобы не сходило так с ума, но это невозможно... Ты где вчера была?

– Встречалась с Шурочкой, той самой...

– И?

– Ничего особенного, пустой разговор, – невинно ответила я, опасаясь, что Алексей может все испортить. Он со свойственной ему прямоотой непременно предпринял бы что-нибудь... даже мог заявить в милицию, и, естественно, все кончилось бы ничем... Он мог испортить мой план, мой изощренный, коварный, страшный план, который я пока только обдумывала! – Какая рубашка на тебе интересная, – решительно переменяла я тему.

– Правда? Надо бы мне самому с той Шурочкой... Это я сегодня купил, и вот брюки тоже – совершенно не знал, чем без тебя заняться. Тебе нравится, да?

– Ничего, довольно мило...

– Я так хочу тебе нравиться! – заявил он с бесхитростной простотой, свойственной скорее ребенку, чем взрослому мужчине. – Скажи, я хоть чуть-чуть тебе интересен?

Митя промелькнул у меня перед глазами, потом я вспомнила

кладбище, черную землю, молодую травку на ней...

– Чуть-чуть, – ответила я, отворачиваясь. – Чуть-чуть...

Он порывисто обнял меня, прижался горячей щекой к моему плечу и сказал – так же просто, доверчиво и отчаянно:

– А я тебя обожаю! Я знаю, ты сейчас не можешь говорить о чувствах, у тебя грустные воспоминания и все такое... но это пройдет.

– Да, Леша... Проходит все! – произнесла я безнадежно, но он прижал меня к себе еще сильнее, и я почувствовала, как бьется рядом его сердце.

– Нет, не все, – ответил он едва слышно, словно посвящая меня в какую-то важную тайну, – хорошее – останется.

Шурочка сказала мне, что отныне я сломана и сломлена. Она хотела уверить меня в том, что я не смогу теперь жить полной жизнью, дышать полной грудью, но я почему-то не поверила ее словам – может быть, потому, что рядом со мной был этот человек, который верил только в хорошее...

Сначала я с трудом переносила его присутствие рядом, но потом привыкла. Так привыкают к нечаянной радости, сначала не веря в нее, потом уже не мысля своей жизни без этого переполняющего сердце ощущения.

Я часто вспоминала Митю – я не могла его забыть, я любила его по-прежнему, но боль, которая раньше не давала мне покоя, терзала каждый день, ежеминутно, вдруг отступила, словно по мановению волшебной палочки, каменная плита, которая придавила меня в день его смерти, год назад, упала, я дышала свободно. Митя был здесь, рядом, он был свежим летним воздухом, он был ярким солнцем, моими снами, моим смехом...

В середине июня мне позвонили с телевидения и предложили попробовать себя в роли ведущей какой-то новой программы о кино.

– Ведущей? – удивилась я. – Но я не слишком хорошо разбираюсь в телевидении, да и вообще...

– Как знаете, – ответили мне. – Но вы ничего не теряете – стоит попробовать!

Беда никогда не приходит одна, равно как и радость. Я собиралась тихо жить в своем скромном мирке, даже не мечтая, как выразилась Шурочка, «вертеть задницей перед камерой». Но и этому ее пожеланию не суждено было сбыться.

Как ни странно, пробы я прошла – я очень понравилась тем, кто создавал эту передачу, своей неординарной внешностью. В который раз мои веснушки произвели впечатление. Веснушки и холодный, равнодушный взгляд...

Блок новостей о кино шел раз в неделю на одном из новых, недавно созданных каналов и длился чуть больше двадцати минут. Но чтобы отснять эти двадцать минут, приходилось здорово повозиться, и теперь никто, наблюдая со стороны за моей жизнью, не мог сказать, что я бездельничаю.

Моим партнером, соведущим, был невероятно стильный брюнет с умиленно-нежным взглядом – передача строилась на контрасте. Она – роковая жестокая рыжая злодейка, и он – восторженный принц, сладкий мальчик с короткой стрижкой цвета воронова крыла. Такова была задумка режиссера, работавшего над этой программой.

Нас с Аликом (так звали моего партнера) нарядили в какие-то невероятные одежды, и мы вертелись в виртуальной студии, щебеча о голливудских новинках и об открытиях отечественного кинематографа, оба – яркие и нереальные, как райские птички с далекого острова Таити.

Я знала, что работа будет недолгой – все так быстро менялось вокруг, что на телевидении было еще заметнее, – но меня это совсем не угнетало. В один прекрасный день я вдруг поняла, что это – только начало, первая ступенька, а дальше... Нет, пока я не загадывала так далеко, я знала, что теперь никто и ничто не запрет меня в четырех стенах – я проснулась наконец после долгого сна.

Увидев первую передачу с моим участием, Леша страшно обрадовался и огорчился. Обрадовался тому, что я теперь снова у дел и не томлюсь в тоске дома, перебирая старые вещи. А огорчился тому, что у меня такой красивый соведущий. Впрочем, он не показал виду, что ревнует, но я поняла это по растерянному взгляду, которым Леша впился в экран, на котором Алик прыгал по студии в облегающем трикотаже телесного цвета.

– Тебе нравится? – серьезно спросила я, имея в виду не Алика, а вообще передачу.

– Н-ничего. Стильный юноша...

– Леша, голубчик! – Я обняла его, чувствуя, как он боится меня потерять, как ревнует и желает скрыть это чувство. – А ты видел фильм с моим участием?

– Какой фильм?

– А вот... – Я достала кассету с «Багровым туманом». – Здесь я играю с Коломийцевым – тем самым, который...

– Тем самым! В мире столько соблазнов, столько красивых мужчин, но для меня самый-самый – ты, потому что только ты смог вернуть меня к жизни, потому что люблю я – тебя.

– Так ты актриса! – воскликнул он с каким-то детским, простодушным

восторгом. – Я с самого начала чувствовал, что здесь что-то не то, что ты слишком не похожа на всех прочих женщин!

– Просто на мне слишком много веснушек... И еще: ты очень редко включаешь телевизор! Впрочем, что я говорю – всех актрис нельзя знать в лицо...

Он радовался перемене, которая со мной произошла, но все же пытался несколько раз вернуться к тому «делу», что произошло прошлым летом. Интуиция его не обманывала – главный виновник смерти Мити еще ходил на свободе и радовался летнему солнышку.

Шурочка... Она думала, что сумела погубить меня, сровняла с землей – как раз на уровне того холмика, поросшего молодой зеленой травкой, и вернула себе уверенность. А теперь она, наверное, завоевывала мир, вновь неотразимая и прекрасная. Я убедила Алексея, что расследование продолжать не стоит, что ничего нового обнаружить невозможно, и он послушался меня, тем более что главную свою задачу выполнил – я снова могла смеяться и любить.

У Шурочки был сын, но сама мысль о том, что он может стать орудием моей мести, была для меня невыносима, и я ее сразу отвергла. У Шурочки была мать, но тревожить пожилую, ни в чем не повинную женщину мне тоже совсем не хотелось. Были еще другие пути, связанные с Шурочкиной карьерой и ее положением в обществе, которые она очень ценила, ибо была дамой весьма честолубивой... Я тщательно все обдумывала и взвешивала, пока в один прекрасный день не поняла наконец, что мне надо делать.

Жаркий летний полдень.

Алексей еще спал (он очень любил понежиться в постели в выходные, когда ему не надо было никуда идти). Накануне мы очень долго обсуждали, где и как проведем отпуск. Осторожно, боясь разбудить его, я пробралась на кухню и включила телевизор, слегка приглушив звук. Шла музыкальная заставка перед новостями о кино. Решение пришло сразу, спонтанно – в одно мгновение я вдруг поняла, что мне надо делать.

Пальцы пробежали по телефонным кнопкам, словно играя продолжение той музыки, которая звучала в телевизоре.

– Алло! – жизнерадостно-бодро ответила Шурочка. Наверное, она ждала чьего-то звонка, ее голос звучал энергично и дружелюбно, в предвкушении хороших новостей.

– Доброе утро, милочка, – приветливо поздоровалась я. Она как будто онемела, я слышала лишь ее дыхание, ставшее тяжелым и прерывистым: все-таки она боялась меня... – Привет!

– Что тебе надо? – довольно грубо откликнулась она.

– В общем, ничего особенного... Просто хотела узнать, как у тебя дела. Ты телевизор иногда смотришь?

– А что? – насторожилась она.

– Включи-ка, пожалуйста, Микс-ТВ. Надеюсь, твой телевизор ловит этот канал...

– Включила, – через несколько секунд раздраженно, испуганно ответила она.

Заставка с бравурной музыкой закончилась, пробежала надпись с названием программы – «Синематека», и на экране показалось крупным планом мое конопатое мрачное личико. Кажется, Шурочка ахнула. А может быть, мне это показалось – телевизор у нее дома звучал на полную громкость. Я вдруг представила ее – совсем недавно она была дружелюбна и весела, а теперь эти чувства точно мокрой губкой стерли с ее лица, и она опять, по своему обыкновению, то бледнела, то краснела. Ее сердце переполнялось завистью и тоской, словно чем лучше было мне, тем ей – хуже, словно мы с нею связаны между собой, как два сообщающихся сосуда.

Камера отъехала назад, теперь была видна вся студия – помещение нереально-синего цвета, с нагромождением каких-то геометрических фигур. Я в изумрудных легчайших лохмотьях возлежала на одном из прямоугольников, отдаленно напоминающем диван, обмахиваясь чем-то вроде веера, а рядом, на высокой пирамидке, восседал Алик – умильно-мечтательный, с кукольным личиком принца из сказки.

– Итак, друзья, начинаю очередной выпуск нашей передачи о кино. Горячая десятка самых кассовых голливудских фильмов, новости с отечественных киностудий, интервью с нашим известным режиссером о том, как он снимает новую картину, и еще многое, многое другое... – ленивым стервозным голосом начала экранная Танита Танеева, всем своим видом показывая, что угодить ей чрезвычайно трудно и телезрителей она назвала друзьями чисто случайно.

– Таня, а какой фильм из недавно вышедших на экраны произвел на тебя особое впечатление? – подпрыгивая на своей пирамидке, залепетал Алик.

Я понимала, что эта передача, построенная лишь на одном внешнем виде ведущих, довольно проста, даже убога, но на Шурочку мое появление на голубом экране произвело убийственное впечатление – она молчала и пыхла в трубку, забыв обо всем на свете.

– Да, недавно мне удалось посмотреть один неплохой фильм... – лениво начала я и тем же томным, капризным голосом принялась

расписывать прелести некоего зарубежного шедевра о чудовищах-мутантах и прочих ужасах (триллеры «лежали» на мне, Алик занимался мелодрамами и фильмами для семейного просмотра).

Студия на экране меняла цвет, геометрические фигуры – форму, но эти эффекты были лишь плодом компьютерной программы, на самом деле помещение представляло собой обыкновенную просторную комнату, заполненную проводами, мы с Аликом восседали на обычных металлических конструкциях, кстати, довольно неудобных.

– А теперь – наша горячая десятка...

– Шурочка, как тебе эта передача? – скромно спросила я. – Не фонтан, конечно, но главные роли еще впереди.

– Горя на тебя мало! – невнятно ответила моя собеседница, словно борясь с горловым спазмом.

– Ты забросаешь Останкино просьбами убрать передачу и никогда больше не выпускать в эфир эту отвратительную Танееву? Или ты подложишь мне под дверь килограмм тротила? Ах, нет, ты хитростью проберешься в торговлю и под видом продавщицы нашего гастронома продашь мне колбасу, начиненную стрихнином...

– Ты...

– Кстати, Шурочка, извини, что перебиваю тебя, – совсем недавно я влюбилась. И я опять счастлива. Мой избранник – очень милый молодой человек, – произнесла я серьезно, ибо то, о чем я говорила сейчас, было правдой и ерничать по этому поводу мне совсем не хотелось. – Вчера мы обсуждали, где проведем отпуск, и решили поехать на Красное море. Ты знаешь, где оно? Было бы хорошо, если б не знала, тогда тебе будет труднее подложить бомбу в нужный самолет и забросать грязью Красное море... – Я опять иронизировала, вся дрожа от какого-то странного внутреннего напряжения. Я знала, что не стоит так открыто говорить о своем счастье, что есть опасность сглазить все, тем более – говорить о нем Шурочке, моей вечной недоброжелательнице. Но я совершенно не боялась ее. Я не боялась теперь ничего и была сильной, как никогда. Я смотрела прямо в глаза той зловещей тени, которая столько лет преследовала меня.

– Что ж, поздравляю, – проскрипела Шурочка. – А кто он, твой избранник, – этот карамельный мальчик? – Она имела в виду Алика, который сейчас на экране, морща лобик и складывая губки бантиком, вспоминал знаменитые мелодрамы последних лет.

– Нет! – засмеялась я. – Это только коллега, и слава богу, а тот, кто рядом со мной, – настоящий...

На экране телевизора показывали кадр из какой-то комедии, которую

мы с Аликом усердно рекламировали.

– У меня все хорошо, Шурочка, – сказала я в трубку.

Помнится, когда-то давно, в детстве, я читала сказку про злого волшебника – он был силен только тогда, когда окружающим его людям было плохо. Однажды он собирался сотворить очередное злое колдовство и пошел в город, где жили люди, но по дороге наткнулся на плакат – «А у нас все хорошо». Дальше другие плакаты с надписями: «А скоро нам будет еще лучше», «Мы сейчас весело смеемся» и тому подобными. С каждой такой надписью волшебник становился все меньше и меньше, пока совсем не исчез, потому что колдовство его не имело силы над счастливыми людьми. Нечто подобное происходило сейчас между мной и Шурочкой.

Я знала, что все мои слова звучат немного по-детски, но не могла не доставить себе удовольствия доиграть в ту игру, которую она навязала мне много лет назад. Я веселилась, а для нее все это было всерьез. Где-то там, на другом конце телефонных проводов, Шурочка мучилась и изнывала от тоски, и понимала, что уже не сможет больше навредить мне. А я веселилась потому, что мне не пришлось совершать чего-то ужасного, от чего совесть не давала бы мне потом ни минуты покоя.

– Шурочка, что же ты молчишь?

Но она только всхлипнула в ответ и бросила трубку, в ухо мне ударили короткие гудки, как сигналы с тонущего корабля. Я нажала на пульт, выключая телевизор.

В этот момент на кухню вошел Леша. Он сонно моргал глазами, светлые волосы смешно торчали в разные стороны, образуя над головой нечто вроде полукруга.

– Доброе утро! – сказал он, тесно садясь рядом со мной. – А я тебя потерял.

– Здравствуйте!

– Нет, правда, я просыпаюсь, а тебя нет. Я тебя сразу пошел искать...

– Нашел?

– Угу! – счастливо сказал он, кладя голову мне на плечо. – Доброе утро...

– Леша, ты сторонник непротивления злу насилием или ты считаешь, что добро должно быть с кулаками?

– Какие сложные вопросы ты задаешь с утра пораньше! Еще бы спросила, в чем смысл жизни...

Густое янтарное солнце светило сквозь стекла, и в его свете медленно переливались золотые пылинки. Стояла тишина, которая бывает только летом и только утром, неподвижное синее небо казалось нарисованным. На

карниз сел голубь и хитро посмотрел на меня одним глазом.

Содержание

[Татьяна Тронина Страсти по рыжей фурии](#)